

С О В Е Т С К А Я
Т Ю Р К О Л О Г И Я

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

◆
БАКУ — 1972

5

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 5

СЕНТЯБРЬ—ОКТЯБРЬ

БАКУ — 1972

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, П. А. АЗИМОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. А. ДАДАШЗАДЕ,
С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Э. В. СЕВОРТЯН,
И. С. СЕИДОВ (зам. главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор), ЯШЕН КАМИЛЬ

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*
Корректоры *А. Е. Сорокина, И. Г. Дорфман*

Сдано в набор 16/X 1972 г. Подписано к печати 29/XII 1972 г. ФГ 20939. Формат бумаги
70×108¹/₁₆. Бум. л. 4,5. Физ. печ. л. 9. Усл. печ. л. 12,60. Уч.-изд. л. 11,6.
Заказ 5626. Тираж 4010. Цена 1 руб.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Н. А. БАСКАКОВ

РАЗЛИЧНЫЕ СТРУКТУРЫ ДИАЛЕКТНЫХ СИСТЕМ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ И ХАРАКТЕР ИЗОГЛОСС ОБЩЕТЮРКСКОГО АТЛАСА

Сложная задача составления общетюркского диалектологического атласа с целью изучения дифференциальных признаков по всем языковым уровням, как для отдельных групп языков, так и для каждого конкретного языка, требует предварительного разрешения многих конкретных вопросов. Одним из важнейших является вопрос об установлении характера изоглосс.

Принятое в современной синхронной лингвогеографии и диалектографии понятие изоглоссы — как границы распространения той или иной диалектной черты (независимо как от характера факторов образования каждого данного диалектного явления в конкретных исторических условиях, так и от того, обусловлено ли данное явление общей системой языка или диалекта) — практически при картографировании не всегда отражает действительную природу того или иного говора, диалекта или языка.

При интерпретации такого рода изоглосс может возникнуть искаженное представление об историческом развитии данного диалектного явления в тюркских языках с различным характером диалектных систем, и во многих случаях сохранивших благодаря структуре их диалектного членения не только феодальные, но и характерные для родоплеменного общества черты.

Разработка определенного типа изоглосс для изучения и картографирования явлений по всем языковым уровням должна применительно к тюркским языкам учитывать, с одной стороны, множество факторов различного плана, повлиявших на формирование определенных ареалов тех или иных тюркских языков, а, с другой стороны, — системные связи тех или иных явлений в области фонетики, лексики, морфологии и реже — синтаксиса.

К факторам различного плана, влияющим на формирование конкретных ареалов, мы относим следующие:

1. Степень сохранения в данной диалектной структуре конкретного языка родоплеменного членения диалектов и говоров, а также рефлексов, отразившихся в диалектах племенного двуязычия, например, при смешении тюркских и монгольских племенных подразделений, то есть при процессах интеграции диалектов.

2. Степень сохранения территориального членения, характерного для феодальной эпохи; ср., например, структуру диалектов новоуйгурского языка, сохранившую в значительной мере раздробленность еще

с эпохи феодализма, и концентрацию диалектных признаков в языке населения отдельных городов, а также типы феодального двуязычия (язык народа и язык феодальной и клерикальной верхушки общества, в известной степени повлиявший на некоторые диалекты).

3. Отражение в диалектах признаков, характерных для пограничных контактов с неродственными языками и диалектами, то есть адстратного воздействия на данный конкретный тюркский диалект, а также признаков, характерных для смешения с субстратными языками; ср., например, явление цокания в различных ареалах тюркских языков или появление придыхательных согласных, вызванное воздействием различных адстратных и субстратных языков при различных конкретно-исторических условиях.

4. Степень воздействия на конкретные языки и диалекты профессиональных жаргонов, табуированной лексики, женского, охотничьего языков и других процессов, влияющих на лексическую структуру конкретного диалекта, когда, например, в силу запрета в женском языке используются слова из других диалектов при сохранении в мужском языке нормальной диалектной формы слова.

5. Степень отражения влияния литературного языка на данный диалект.

6. Отражение явлений двуязычия и многоязычия в диалектной структуре данного конкретного языка.

7. Политический фактор в образовании диалектов и многие другие частные факторы, воздействующие различными путями на различные конкретные языки.

При наличии всех указанных выше разнообразных факторов, воздействующих на формирование диалектов, использование принятого типа изоглосс, не учитывающих конкретных исторических условий появления тех или иных признаков, может привести к ошибочному объединению различных по природе, хотя и одинаковых по фактическому проявлению особенностей (например, появление звонких *g*, *d*, *b* в начальной позиции или цокание, вызванное различными факторами в конкретных диалектах, или искаженное представление о соответствиях отдельных лексических единиц из-за воздействия охотничьего или женского языка при табуировании значительной части словарного состава конкретного языка и пр.).

В связи с этим параллельно с изоглоссами, обозначающими конкретные дифференциальные признаки, необходимо ввести системные изоглоссы, то есть изоглоссы, обозначающие определенную систему признаков, исторически связанных между собой и характерных для определенных диалектов и языков.

В тюркских языках выявились определенные исторически сложившиеся комплексы связанных между собой дифференциальных признаков для таких групп языков, как болгарские, огузские, кыпчакские, карлукские, уйгурские, киргизско-алтайские и др.

Так, например, болгарским языкам свойственны фонетические явления ротацизма и ламбдаизма, которым сопутствует определенная система признаков, характеризующих гласные и согласные звуки, а также явления, наблюдающиеся в их лексике и морфологии. Для огузских языков характерно озвончение начальных согласных $k > g$, $t > d$, конечного g' , этим признакам и соответствующим другим фонетическим явлениям сопутствуют также определенные лексические единицы и некоторые обязательные морфологические признаки, например, активизация причастных форм на *-дык/-дик* и *-мыш/-миш*, инфинитивов на

-*ма/-ме* и -*мак/-мек*. Для кыпчакских же языков характерны совершенно иные комплексы.

Такие системные изоглоссы могли бы с большей достоверностью раскрыть исторические связи диалектов между собой и исключить случайное объединение отдельных явлений, возможное при использовании одних только несистемных изоглосс.

В связи с этим при создании общетюркского лингвистического атласа необходимо было бы каким-то образом учесть выявившиеся уже ареалы отдельных тюркских языков, границы которых подкреплены различными этнографическими, археологическими, историческими данными. Точно определен, например, ареал огузских языков, границы которого охватывают район Балканского полуострова, Малую Азию, часть Кавказа, Иран, Ирак, Сирию, часть Афганистана и западную часть Средней Азии; определены также и ареалы кыпчакских, карлукских, болгарских, киргизо-алтайских языков, своеобразие исторического формирования которых следует учитывать при установлении тех или иных изоглосс и при картографировании.

Совершенно очевидно, что при разработке конкретных инструкций по собиранию материала и определению изоглоссных явлений, а также картографированию необходимо учитывать различный характер диалектных систем тюркских языков. В зависимости от существовавшей при их образовании социально-экономической формации, а также от однородности или неоднородности диалектов и их отношения к различным племенным языкам и, наконец, от воздействия на их формирование различных субстратов и адстратов, эти диалектные системы составляют нижеследующие основные типы, виды и подвиды.

I тип — А. Диалектные системы конкретных тюркских языков, отражающие хорошо сохранившиеся следы родоплеменной структуры данного народа. Членение диалектов таких языков также основывается на родоплеменных признаках. К этому типу диалектных систем относятся две подгруппы.

Первая подгруппа — диалектные системы, состоящие из однородных диалектов (по отношению их к племенным языкам): наиболее наглядными примерами этой подгруппы являются:

а) диалектная система хакасского языка, состоящая из диалектов: сагайского (с белтирским говором), качинского (с койбальским, баражульским и староюсским говорами), кызыльского и шорского. Это диалекты однородных по своему происхождению уйгурских племен, консолидировавшихся только после 1917 года в единую хакасскую народность;

б) диалектная система туркменского языка, состоящая из однородных по своему происхождению огузских диалектов: йомудского, текинского, гокленского, салырского, сарыкского, эрсаринского и других; эти названия совпадают с названиями соответствующих огузских племен, входящих в состав туркменского народа. Однако образование туркменских диалектов, сохранивших свою структуру, в соответствии с родоплеменной структурой туркменского народа, осложнено некоторыми сдвигами, связанными с переселением и перегруппировкой племен в период феодализма. В диалектной системе туркменского языка имеются диалекты и говоры, развившиеся в более поздний период (уже не на родоплеменной основе). К этой группе диалектов относятся диалекты, пограничные с Ираном, а именно: нохурли, анаули, хасарли и пр.

Вторая подгруппа этого типа — диалектные системы, состоящие из неоднородных диалектов. Наиболее яркими примерами этой подгруппы являются:

а) диалектная система горноалтайского языка, состоящая из двух различных по происхождению групп диалектов: 1) северной группы, древнеуйгурской по своей племенной принадлежности, включающей диалекты туба, куманды и шалканду и 2) южной группы, древнекиргизской по своему происхождению, включающей диалекты алтайцев (ойрот), телеутов и теленгитов;

б) диалектная система узбекского языка, состоящая из трех исторически более поздних основных групп диалектов: 1) кыпчакской, 2) огузской и 3) карлукской. Образование современной системы диалектов узбекского языка проходило в более сложных исторических условиях развития узбекской народности, что выразилось, с одной стороны, в сохранении племенного членения диалектов, а с другой — в развитии из карлукского диалекта городских говоров: намаганского, ташкентского, андижанского и других, а из огузо-кыпчакского — хорезмских говоров. Таким образом, диалектная система узбекского языка классифицируется на исторически более ранние диалекты, совпадающие с племенными (кыпчакские, огузские и карлукские), и на исторически более поздние феодализованные городские говоры.

II тип — Б. Диалектные системы, в которых членение диалектов основано главным образом на территориальном признаке, хотя следы родоплеменной структуры в этническом составе носителей диалектов хорошо сохранились. Наиболее яркий пример данного типа диалектных систем тюркских языков представляют две подгруппы.

Первая подгруппа — диалектные системы, состоящие из однородных по своей племенной принадлежности диалектов, различие которых определяется главным образом территориальными признаками, хотя некоторые особенности диалектов могут быть объяснены также и родоплеменной их принадлежностью. К этой подгруппе относятся:

а) диалектная система киргизского языка (исторически связанного с древнекиргизским), состоящая из двух групп основных диалектов: 1) северной, в которой следы внутрплеменных различий в отдельных говорах сохранились как рудименты и 2) южной, возникшей в результате взаимодействия киргизского языка с узбекским;

б) диалектная система казахского, каракалпакского, ногайского языков (то есть кыпчакских по происхождению, хорошо сохранивших следы родоплеменного членения их носителей). Однако диалекты этих языков дифференцируются не по родоплеменным, а по территориальным признакам, приобретенным в результате длительного процесса их исторического развития в эпоху феодализма.

Так, казахский язык разделяется на три основных территориальных диалекта: 1) северо-восточный, 2) южный и 3) западный. В формировании этих диалектов известную роль сыграло деление казахского народа на три орды: Большую, Малую и Среднюю.

Каракалпакский язык разделяется на два диалекта: 1) северо-восточный и 2) юго-западный, в формировании которых главную роль сыграло взаимодействие каракалпакского и узбекского языков на юге и каракалпакского и казахского языков на севере.

Ногайский язык имеет три основных диалекта: 1) собственно ногайский, 2) акногайский и 3) караногайский, исторически сложившиеся

в связи с вхождением ногайцев в различные феодальные объединения (орды).

Вторая подгруппа — диалектные системы языков народов, неоднородных по своей родоплеменной принадлежности. Сохраняя следы родоплеменного членения, диалектные системы языков этой подгруппы характеризуются уже территориальными признаками. Вместе с тем некоторые особенности внутри каждого территориального диалекта могут быть объяснены различием родоплеменной принадлежности. К этой подгруппе относятся:

а) диалектная система тувинского языка, состоящая из следующих диалектов: 1) центрального (составляющего основу литературного языка); 2) западного (характеризующегося элементами воздействия на него диалектов алтайского языка); 3) северо-восточного или тоджинского (характеризующегося охотничьей лексикой); 4) юго-восточного (характеризующегося значительным влиянием монгольского языка) и 5) каа-хемского говора, занимающего среднее положение между южным и восточным диалектами. Особенности этого типа диалектной системы заключаются, с одной стороны, в наличии дифференцирующих признаков у различных диалектов, объясняющихся неоднородным этническим составом тувинского народа (исконно-тюркские родоплеменные группы и этнические группы отуреченных самодийцев, монголов и пр.), а с другой — в отсутствии отличительных признаков, характерных для диалектов, концентрирующихся вокруг городских центров в феодальную эпоху;

б) диалектная система башкирского языка, включающая: 1) куваканский, или горный диалект; 2) юрматинский, или степной диалект и 3) туржанский, или северо-западный диалект.

Отличием этого типа диалектной системы от предыдущего является полная утрата признаков, дифференцирующих диалекты по их родоплеменной принадлежности, несмотря на сохранение у башкир родоплеменных названий.

III тип — В. Диалектные системы конкретных языков тюркских народов, полностью утративших следы родоплеменного членения и родоплеменные названия.

Народы — носители этих языков и диалектов — ко времени Великой Октябрьской социалистической революции уже прошли стадию феодализации, а некоторые из них сложились уже к началу XX в. в буржуазные нации. Принадлежность этих народов к древним родоплеменным союзам (огузов, кыпчаков и др.) может быть установлена только на основе их исторических связей, а также по общим признакам их языков. Диалекты же этих языков дифференцируются уже только по территориальным признакам. К этому типу диалектных систем относятся две подгруппы.

Первая подгруппа — диалектные системы, включающие диалекты, носители которых однородны по своему этническому составу.

Дифференциальные признаки диалектов этих языков возникли в более позднюю эпоху феодальных отношений и имеют исключительно территориальный характер. К этой подгруппе относятся диалектные системы:

а) *кумыкского языка* (кыпчакского по происхождению), включающего буйнакский диалект (лег в основу современного литературного языка), а также кайтакский, хасавюртский диалекты и дженгутальский говор, дифференцирующиеся на основе их территориальных особенно-

стей; *карачаево-балкарского языка* (кыпчакского), состоящего из диалектов: карачаево-баксано-чегемского (лежащего в основе литературного языка), малкарского (цокающего) и холамо-бызынгиевского (смешанного); разделение этих диалектов также основано на их территориальных особенностях (по ущельям); *караимского языка* (кыпчакского), состоящего из диалектов: тракайского, галицко-луцкого и крымского, также дифференцирующихся по их территориальным различиям (по городам);

б) диалектные системы однородных по своей этнической основе, но более развитых языков, носители которых полностью прошли феодальную формацию и достигли стадии национального развития. К таким языкам относятся, например, *татарский язык* (кыпчакская группа), диалекты которого: средний (лежащий в основе современного литературного языка), западный (мишарский) и восточный (сибирских татар) — характеризуются большей нивелировкой, хотя территориальные отличия еще достаточно заметны; *турецкий* (огузский по своей основе), включающий диалекты: дунайско-турецкий (адрианопольский, македонский, адакалийский, боснийский) и восточно-анатолийский (кастамунийский, айдынский, конийский, сивасский, анкарский, смирский и др.) с дифференциальными признаками территориального характера (по городам).

Вторая подгруппа этого типа — диалектные системы языков тюркских народов, неоднородных по своему этническому составу. Различительные признаки диалектов в языках этих народов двоякого рода: одни объясняются различным происхождением отдельных этнических групп, входивших в их состав, другие — более поздними процессами взаимодействия языков и концентрацией говоров вокруг экономических центров в эпоху феодализма (а для некоторых народов и в более поздний период — эпоху капитализма). К этой подгруппе относятся диалектные системы следующих языков:

а) *чувашского* (булгарского в своей основе со значительным воздействием финского субстрата) с диалектами верховым (вирйал) и низовым (анатри), территориальные признаки которых в значительной мере объясняются также и этногенетически неоднородным составом чувашского народа (булгарские племена, булгаризованные кыпчаки и угро-финские этнические группы); *якутского* (подвергнувшегося значительному воздействию монгольского и эвенкского языков) с диалектами: 1) центральной группой диалектов (окающим и акающим), 2) вилюйской группой с олекминским говором, 3) верхоянским говором и 4) долганским диалектом этнической группы долган, представляющих собой в подавляющем большинстве оякутившихся эвенков;

б) языков народов, прошедших через феодальную формацию и достигших национального уровня развития — *азербайджанского* с диалектами и говорами: 1) восточной группы (кубинским, бакинским, шемахинским диалектами, муганским и ленкоранским говорами), 2) западной группы (казахского, гянджинского, карабахского диалектов и айрумского говора); 3) северной группы (нухинского диалекта и закато-кахского говора); 4) южной группы (нахичеванского, ордубадского, тавризского диалектов и ереванского говора); 5) переходных говоров (геокчайского, агдашского, джебраильского и др.); *ново-уйгурского* с диалектами: 1) южной группы (кашкаро-яркендским диалектом с янгисарским говором, хотано-керийским диалектом с черченским говором и аксуйским диалектом); 2) северной группы (кучаро-тарфанским и илийским, или кульджинским диалектами); 3) ганьсуйской груп-

пы (саларским и сарыуйгурским диалектами); 4) лобнорским диалектом; 5) хотонским диалектом.

Дифференциальные признаки как азербайджанских, так и новоуйгурских диалектов зависят уже только от территориальной принадлежности диалекта, носители которого концентрируются вокруг крупных экономических центров и главным образом вокруг городов, сыгравших в истории этих народов важную экономическую и политическую роль.

Как видно из представленных типов диалектных систем тюркских языков, членение диалектов и говоров каждого конкретного языка обусловлено различными внутри- и внешелингвистическими факторами. Их необходимо учитывать как при собирании и картографировании материала для общетюркского диалектологического атласа, так и при установлении характера основных изоглосс, которые должны охватывать не только отдельные явления, но и определенные системы явлений, характерных для отдельных исторически сложившихся групп тюркских языков.

З. И. БУДАГОВА

ЭЛЛИПТИЧЕСКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Всякое высказывание, как известно, связано с речевой ситуацией. Известно также, что контекст уточняет и раскрывает содержание того или иного высказывания. Содержание высказывания, таким образом, оказывается зависимым не только от лексико-грамматических особенностей конкретного предложения, но и от контекста. Опускание одного из членов предложения еще не говорит о том, что мысль выражена не полностью, половинчато. Предложение с опущенным подлежащим или сказуемым является неполным лишь с точки зрения синтаксической структуры. Отсутствие какого-либо члена предложения восполняется контекстом и ситуацией. Контекст и ситуация как факторы, позволяющие пользоваться неполными предложениями, смыкаются друг с другом.

В современном азербайджанском языке неполные предложения получили широкое распространение, особенно в устной речи; довольно часто они употребляются и в художественной литературе, главным образом в диалогах, реже — в повествовательном тексте.

Неполные предложения используются в речи в целях экономии языковых средств — во избежание повторения слов, значение которых передается самой речевой ситуацией, или употребленных ранее. Благодаря этому речь становится более лаконичной, стройной и конкретной. Неполнота подобных предложений обнаруживается лишь при сопоставлении их с полными двусоставными или односоставными предложениями.

Само понятие «неполнота» является условным, ибо опускание того или иного члена предложения скорее логически подчеркивает другой, более важный член предложения. Неполные предложения не являются особым, самостоятельным типом предложения. Они представляют собой лишь разновидность двусоставных или односоставных предложений.

Проблема неполного предложения в тюркологии, как известно, одна из наименее разработанных. Решить ее можно лишь после предварительного тщательного описания отдельных типов неполных предложений, в частности, так называемых эллиптических.

По своей структуре и семантике неполные предложения делятся на две группы: 1) неполные предложения, опущенные члены которых могут быть восстановлены по предшествующим предложениям (контекстуальные неполные предложения); 2) неполные предложения, опущен-

ные члены которых подразумеваются исходя из общего смысла высказывания (эллиптические неполные предложения).

Эллиптические¹ предложения как особая форма выражения мысли широко представлены в современном азербайджанском языке. К ним относятся предложения, в которых отсутствует глагольное (реже — именное) сказуемое (полностью или только второй его компонент).

Действие в эллиптических предложениях выражается не вербально, а посредством контекста, ситуации и соответствующей интонации. Функцию сказуемого выполняют члены его группы — имена и наречия. Такие предложения более образно и сжато выражают соответствующую мысль; ср., например: *Бир аз ишыг [вер||верин]*², — дејэ, о, тэкрар етди (С. Рəһимов) 'Еще немного света, — повторил он'; *Коммунизмдин галабасына доғру!* [кедак||ирəллијəк] (газета «Коммунист») 'Вперед, к победе коммунизма!'. В обоих предложениях соответствующее действие домысливается из общего содержания высказывания и ситуации.

Эллиптические предложения — это своего рода застывшие, как бы окаменевшие формы неполных предложений. Характер «опущения» в эллиптических предложениях существенным образом отличается от «опущений», в других типах неполных предложений, неполнота которых «восполняется» общим контекстом и наличием в последнем опущенного в неполном предложении слова. Здесь уместно вспомнить: «К числу побудительных причин коммуникативного характера, свойственных в особенности языку переживаемой нами эпохи, относится, например, активизация таких языковых средств, которые обеспечивают большую лаконичность, «экономичность» и, с другой стороны, большую экспрессивность, «доходчивость», действенность высказывания, что связано, несомненно, с усилением роли и расширением функций адресованной массовому читателю и слушателю речи»³.

Разновидности эллиптических предложений строятся в речи по стандартным языковым моделям. Характерным для всех них является обязательное отсутствие в их составе сказуемого. Причем смысловое ударение падает на член, составляющий основу предложения.

Эллиптические предложения весьма конкретны по содержанию, так как здесь указание на процесс движения, речи и тому подобное сочетается с точным обозначением направления, адресата, объекта и так далее, что делает эту конструкцию одним из выразительных средств поэтического синтаксиса. Художники слова часто используют ее для описания наиболее напряженных, драматических моментов, например:

Мейман өз һөкмүндə имза етди. — Бу ватандашы һəбсə... (С. Рəһимов) 'Мехман подписал свой приказ. — Этого гражданина под арест...'

Далымча, — дејэ, о, башыны чевириб... ғышығырды (И. Əфəндијев) 'За мной, — повернув голову... крикнул он'.

Атəш! — дејэ, капитан команда верди (Ə. Əбүлһəsэн) 'Огонь! — дал команду капитан'.

Кəндир кəтирир. Бу динсизи ағача сəријин, ики јуз чубуг... (М. Ибраһимов) 'Приносит веревку. Этого безбожника привяжите к дереву, двести розог...'

Вај јандым, мənə су... (Ə. Əбүлһəsэн) 'Ой, горю, воды мне...'

¹ Термин употребляется в узком смысле: имеется в виду разновидность неполных предложений.

² Подразумеваемое сказуемое заключено в квадратные скобки.

³ «Развитие синтаксиса современного русского языка». М., 1966, стр. 4.

Эллиптические предложения широко употребляются в заголовках газетных статей, выражая в сжатой форме основную мысль, идею всего текста:

Əsas güvəlləri səpinə hazırlıya! 'Основные силы — подготовке к севу!'

16 milyon manatlyg ticarət sazişlari 'Торговые соглашения на 16 миллионов рублей!'

Hər işi vaxtynda! 'Всякое дело — во-время!'

Plandan əlavə ət! 'Мясо сверх плана!'

İncəsənət ustaları SSRİ-nin jubilejinə 'Мастера искусства — к юбилею СССР!'

Некоторые типы эллиптических предложений используются для рекламных текстов, афиш:

«Низами» (*Bəyük salonda*) — «*Çeşizli toj*» [*olacaq||kədəçək*] '«Низами» (в Большом зале) — «Свадьба с придаными» [будет демонстрироваться].

M. Əzizbəyov adına Azərbaycan Dövlət Akademik Dram Teatry. Aprelin 6-da — «Dönüş» [*olacaq||kədəçək*] 'Азербайджанский государственный академический драматический театр им. М. Азизбекова. 6-го апреля — [состоится спектакль] «Перелом»'.

Данный тип неполного предложения тюркологами специально не исследовался. Как в славистике, так и в тюркологии понятие эллиптического предложения не получило четкого определения и терминологически не уточнялось. Эти предложения рассматривались под различными названиями: «нарушенные неполные предложения» (*Жизнь моя на волоске*)⁴, «стационарные неполные предложения» (*Что с Вами?*)⁵, «неполные предложения с опущенным сказуемым, употребляемые самостоятельно» (*В доме шум*)⁶, «эллиптические предложения»⁷, «предложения, сказуемое которых подразумевается из контекста» (*Kişkin sirke kabına zarar [verir]*)⁸ 'Острый уксус — вред своему сосуду', «неполное предложение без сказуемого, употребляемое самостоятельно» (*Bizə kərə nə gullug?*)⁹ 'Чем можем услужить?').

В некоторых работах в качестве примеров на эллипсис приводятся также предложения типа *Alp erigda, bilgä trigda*¹⁰ 'Герой в сражении, мудрец на сходке'; *Sonаны көлдә, тәрланы чөлдә*¹¹ 'Лебедя на озере, сокола в степи'.

⁴ А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1941, стр. 214—246.

⁵ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, стр. 400—401.

⁶ Грамматика русского языка, т. II. Синтаксис, ч. II. М., 1954, стр. 93—97.

⁷ И. А. Попова. Неполные предложения в современном русском языке. — «Труды Института языкознания», т. II, 1953, стр. 55; П. А. Лекант. Об эллиптических предложениях в русском языке. — «Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской», т. 148, 1964; З. И. Будагова. Ярымчыг чүмлө. Мүасир Азербайжан дилиндә садә чүмлө. Бақы, 1963, стр. 167—183; Т. Әфәндијева. Ярымчыг чүмлө. — В сб.: «Азербайжан дилинин синтаксисинә даир тәдқиqlәр». Бақы, 1966, стр. 118.

⁸ А. С. Emre. Türkçede cümle: isim cümlesi. — «Türk dili araştırmaları yillığı». Bel-leten. Ankara, 1955, стр. 13.

⁹ Мүасир Азербайжан дили. Синтаксис», II к. Бақы, 1962, стр. 140.

¹⁰ С. Brockelmann. Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens. Leiden, 1954, стр. 273.

¹¹ В. И. Асланов. Дахили объектли фе'лләр вә эллипсис һаггында бә'зи гејдләр. — «Низами адына Әдәбијјат вә Дил Институтунун әсәрләри», XIV ч. Бақы, 1960, стр. 158.

Эллиптические предложения в основном выражают требование, просьбу, приказ, призыв, стремление, пожелание субъекта относительно совершения какого-либо действия, а также сопоставление, умозаключение, сентенцию.

Цель элиминации сказуемого в рассматриваемых предложениях заключается в том, чтобы сосредоточить внимание на второстепенных членах.

В контекстуальных неполных предложениях с опущенным сказуемым восстановленный член, не влияя на экспрессивно-смысловую структуру предложения, делает при этом предложение «рыхлым», лишает его образности, лаконичности, ибо элиминация сказуемого является нормой для этих конструкций.

При регулярном эллипсисе эллиптическое предложение нельзя рассматривать как вариант какого-либо конкретного глагольного предложения, ибо оно соотносится с целым рядом предложений, включающих глаголы (обычно синонимические) данной группы. Именно потому здесь нельзя говорить о подлежащем и сказуемом в их обычном традиционном грамматическом понимании.

В эллиптических предложениях чаще всего отсутствуют глаголы движения. При этом логическое ударение падает на обстоятельство, а подразумеваемое действие характеризуется побудительной модальностью, стремительной динамичностью. Эллипсис глагола движения применяется преимущественно в речи эмоциональной, приподнятой повествовательной или же близкой к разговорной. Например:

ЕЛХАН. Гардашлар, бачылар, бу азадлыг бајрағы алтында јени азад һәјата доғру ирәли!.. [кедәк] (Ч. Чаббарлы) 'ЭЛХАН. Братья, сестры, под этим знаменем свободы вперед [пойдем], к новой свободной жизни'.

АРКАС. Сәнкәра! [јатын] (М. Ибраһимов) 'АРКАС. В окопы! [ложитесь]'.

КУЛНИСӘ. Бајыра! [чыхын] (Ч. Чаббарлы) 'ГЮЛЬНИСА. Вон! [выходите]'.

Күлбаһар, бир јайлыг, тез бир јастыг [кәтирин], тез (Н. Вәзирев) 'Тюльбахар, платок, скорей подушку [принесите], скорей'.

В эллиптических предложениях опускаются также глаголы, выражающие конкретное действие субъекта. В данных предложениях мысль сосредоточивается на определенном субъекте:

Сәнин сағлығына [ицәк], — дејиб дурду (М. Ибраһимов) 'За твоё здоровье [выпьём], — сказав, он встал'.

Доктор, бир диггәтлә [бахын]гулаг асын], — дејә бу дәфә һәкимин вичданына мурациәт етиди (С. Рәһимов) 'Доктор, повнимательнее [посмотрите]выслушайте], — на этот раз он воззвал к совести врача'.

Эллипсис глаголов речи—мысли имеет ту же грамматическую природу, что и эллипсис глаголов движения. Существенное значение здесь приобретает интонация, оформляющая предложение и способствующая точному выражению мысли. При этом возможны следующие случаи:

1) подлежащее, к которому адресована прямая речь, выдвигается на первый план, например:

Халаны мәнв етдин, ејни заманда мәни дә мәнв етдин, — дедикдә, Гүтлуг [деди]: «Сән дә мәни мәнв ет» (М. С. Ордубади) 'Когда сказала, что, погубив тетю, ты одновременно погубил и меня, Гутлуг [сказал]: «Ты тоже уничтожь меня'.

2) основу предложения составляет дополнение, стоящее в местном или направительном падеже, например:

Анасы чавабында [деди]:

— *Әбдүлкәримин атасы агламаз* (Ә. Нагвердијев)

‘Мать в ответ [сказала]:

— Отец Абдулкәрима плакать не станет’.

Магазанын саһиби кәлиб Баһадыра [деди]:

— *Бујурунуз, нә хаһиш едирсиниз?* (Н. Нәриманов)

‘Владелец магазина, придя к Багадуру, [сказал]:

— Извольте, чего желаете?’.

3) основу предложения составляет обстоятельство косвенной речи, например:

Оғлан тәэччүблә:

— *Чаным, сизә верилән өзә һөкүмәт јүз мин манат хәрчләјиб* (журн. «Кирли»)

‘Юноша удивился:

— Душа моя, государство на предоставленную вам квартиру истратило сто тысяч рублей’;

4) глагол речи, являющийся однородным сказуемым, опускается, например:

РИК сәдри бир ан сусуб залы диггәтлә нәзәрдән кечирди:

— *Ону билирсиниз ки, Гузәј чамааты дашдан чөрәк чыхарандыр* (И. Әфәндијев)

‘Председатель РИКа, на мгновение замолчав, окинул внимательным взглядом зал:

— Знаете ли вы, что люди Гузәя могут добыть хлеб даже из камня’.

Адил ичәри кирәндә Рәһман ону сахлады:

— *Бир отур көрүм, оғлум, сәнинлә ишим вар* (С. Гәдирзадә)

‘Когда Адиль вошел, Рахман остановил его:

— Присядь-ка, сынок, у меня к тебе дело’.

Кенерал бир сигарет јандырыб тез-тез кирпик чалды:

— *Јахшы ки, мән орада олмамышам!* (С. Гәдирзадә)

‘Генерал, закулив сигарету, быстро-быстро заморгал:

— Хорошо, что меня там не было!’.

Часто опускаются глаголы *олмаг* или *етмәк* как вспомогательные в составе устойчивого сочетания слов. К данному типу предложений относятся пословицы, поговорки, афоризмы, например:

Онда атана мин рәһмәт [олсун] ‘Тогда тысяча «рахмат» (царство небесное) твоему отцу [пусть будет]’.

Гоншу ахирәт јолдашы [олур] ‘Сосед [бывает] товарищем и в загробной жизни’.

Еј ана торпагы, көзләрин ајдын [олсун] (С. Вурғун) ‘О, мать-земля, поздравляю тебя’.

Инди, Мирзә, аман күнүдүр, мәнә бир эләк [ет] (Ә. Нагвердијев) ‘Теперь, Мирза, умоляю, помоги мне...’.

Сказуемое опускается в обеих частях сложного предложения, представляющего собой поговорку. В этом случае сопоставляются два понятия, два предмета, смысловая нагрузка падает на косвенное дополнение, стоящее в исходном падеже, например:

Сәндән һәркәт [лазымдыр], мәндән бәркәт [лазымдыр] ‘От тебя — действие [нужно], от меня — достаток [нужен]’.

Адам сөздән [танынар], ушаг көздән [танынар] ‘Человек — по речи [узнается], ребенок — по глазам [узнается]’.

Газан оддан [гызар], адам һәркәтдән [гызар] ‘Казан — от сгня [греется], человек — от действия [греется]’.

Адамы башдан [таныјарлар], ағамы јашдан [таныјарлар] ‘Человека — по разуму [узнают], дерево — по возрасту [узнают]’.

В других случаях сказуемое опускается в обеих частях сложного предложения, а основу предложения составляет дополнение в местном или направительном падеже, например:

Бир эли јагда [кэзир], бир эли багда [кэзир] (Пословица) 'Одна рука — в масле [бродит], другая — в саду [бродит]'.

Рәһмәт [олсун] дүзәнә, лә'нәт [олсун] позана 'Благословенне — создателю [пусть будет], проклятие — разрушителю [пусть будет]'.

Некоторые из эллиптических предложений, носящих фразеологический характер, выражают просьбу, ласковое обращение, поздравление, одобрение или противоположные чувства — ненависть, недовольство, а также призыв, обращение, например:

Халан көзләринә гурбан [олсун] (Ә. Вәлијев) 'Да будет твоя тетя жертвой твоих глаз'.

Гулаглара гургушун [олсун]. Дејәсэн, баш алды кетди бәләгәт гушум (Р. Рза) 'Да оглохнут все. Кажется, умчалась птица моего красноречия'.

Чанына сағлыг [олсун], гардаш, дәрәд күндүр ки, диш ағрысы мәни әлдән салыб («Молла Нәсрәддин ләтифәләри») 'Да будешь ты здоров, брат, вот уже четыре дня как зубная боль замучала меня'.

Ағрым ханын үрәјинә [кечсин] (Н. Вәзирев) '[Да перейдут] мои недуги в сердце хана'.

Охучуларың назәринә! 'К сведению читателей!'

В ряде эллиптических предложений опускается слово *вар*. Основу таких предложений, в большинстве вопросительных, составляет подлежащее, например:

Сәнин оғлун, мәним оғлум, нә тәфәвүтү [вар]? (С. Рәхимов) 'Твой сын, [это и] мой сын — какая разница?'.

Чибиндә диплом десән диплом [вар], пул десән пул [вар] (Анар) 'В кармане у него диплом спросишь — диплом [есть], деньги спросишь — деньги [есть]'.

Часть эллиптических предложений с опущенным сказуемым представлена пословицами, построенными на уподоблении двух явлений. В них обычно опускается сказуемое, выраженное словами *ејнидир* 'одинаковый', *бирдир* 'одно и то же', *нә фәрги вар* 'какая разница', *фәрги јохдур* 'нет разницы', а также модальными словами *лазым*, *кәрәк* или же другими именными частями речи.

Мис ја дүшдү, ја чинкилдәди [нә фәрги вар] 'Медь — что упала, что зазвенела [какая разница]'.

Јемәјә дә көмәк, ишләмәјә дә көмәк [лазымдыр] 'И в еде помощь, и в работе помощь [нужна]'.

Варлыға нә дарлыг [кәрәкдир]? (Пословица) 'При изобилии какой счет [необходим]'?

Јох еви, вәрәм еви [ејнидир, икиси дә бирдир] (Пословица) 'Пустующий дом, дом чахотки [равноценны]'.

В пословицах и поговорках, в которых что-то сопоставляется при подразумеваемом сказуемом, выраженным прилагательным *јахшы* 'лучше', предпочтение отдается последнему сопоставляемому предмету.

Мин күнүн өлүлүјүндән, бир күнүн дирилији [јахшыдыр] 'Чем быть мертвым тысячу дней, [лучше] здравствовать один день'.

Ити гылыңданса, мә'налы сөз [јахшыдыр] 'Острого меча [лучше] разумное слово'.

В эллиптических предложениях послелог *кими*, являющийся последним компонентом сказуемого, опускается, в пословицах же и поговорках при этом производится также уподобление предметов или лиц.

Дишсиз ағыз — дишсиз дәјирман [кимидир] 'Рот без зубов — [что] мельница без жерновов'.

Ушагсыз арвад — мејвэсиз ағач [кимидир] 'Бездетная женщина — [что] бесплодное дерево'.

Отметим также и другие случаи опущения сказуемого. При этом основу предложения могут составлять:

а) подлежащее:

Варлынын аты, касыбын өвлады [чоһ олар] (Пословица) 'Что у богатого лошадей, то у бедного детей [бывает много]';

б) дополнение:

Оғул, бары бир кэким [чағыр], — дејэ һөнкүрүб ағлады (С. Рәһимов) 'Сынок, врача бы [вызвать], — и она зарыдала'.

Дост үрәји—дост овчунда [кэрэкдир, олмалыдыр] (Пословица) 'Сердце друга — в горсти друга [должно быть]'.

Дэлинин сөзү, сэрхошун көзү [ахар] (Пословица) 'Слова безумного, глаза пьяницы [блуждают]';

в) обстоятельство места, времени, причины, образа действия:

— *Хејирдими, нэ јахшы кэлибсиниз?*

— *Е л э б е л э* [кэлмишик] (В. Бабанлы).

— К добру ли, какими судьбами вы пожаловали?

— Просто так [пришли]'.

— *Бу саат, бу саат [кэлирэм], — дејэ режиссору сакитлашдирмэјэ чалышды* (Анар)

— Сейчас, сейчас [иду], — попытался он успокоить режиссера'.

Арвады аһыл көзүлэ, аты чаһыл көзүлэ [сеч] (Пословица) 'Жену глазом пожилого, коня глазом молодого [выбирай]'.

Нэ эчэб белэ сүһи ачылмамыш [кэлмисэн||кэлмисиниз]? (М. Ибраһимов). Какими судьбами так спозаранку [явился||явились]?'.

В современном азербайджанском языке эллиптические предложения образуются на базе глагольных словосочетаний, выражающих пространственно-объектные, целевые, объектно-целевые, определительно-обстоятельственные, временные и другие отношения. Обязательным структурным компонентом ограниченного круга моделей является независимая форма имени.

Г. К. ВЕРНЕР

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ФАРИНГАЛИЗАЦИИ В ТУВИНСКОМ И ТОФАЛАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Как известно, в тувинском и тофаларском языках, в отличие от всех других тюркских языков, наблюдается несколько загадочное фонетическое явление — так называемая фарингализация гласных, под которой понимается дополнительная артикуляция напряжения и сужения зева (фаринкса)¹, придающая звучанию гласных особый оттенок.

Со времени первых сообщений о данном явлении² предпринимались неоднократные попытки объяснить его происхождение, и при этом высказывались самые различные точки зрения.

По мысли А. А. Пальмбах, фарингализация гласных представляет собой рефлекс исчезнувшего в ходе исторического развития языка согласного³. Позднее эту точку зрения принял и Ф. Г. Исхаков, считавший, что фарингализация связана с исчезновением заднеязычных шумных согласных в примерах типа тув. *чаъс* при туркм. *ягыш* 'дождь'⁴.

В принципе связь между фарингализацией и исчезновением согласных вполне допустима⁵, но, как показал А. М. Щербак, подобное объяснение фарингализации в тувинском и тофаларском языках следует отклонить. Во-первых, примеры, в которых фарингализованным гласным соответствуют в других тюркских языках сочетания гласных с согласными, единичны и не всегда достаточно надежно с точки зрения этимологии, а, во-вторых, процесс исчезновения согласных в тюркских языках, как правило, связан с появлением так называемых вторичных

¹ Мы отвлекаемся при этом от некоторых частных расхождений во мнениях исследователей по вопросу о физиологической сущности этого явления (ср., например: У. Ш. Байчура. Некоторые вопросы фонетики тувинского языка по экспериментальным данным. — «Уч. зап. Казанского университета», 117, 9, 1957, стр. 119; А. Ч. Кунаа. Звуковая система современного тувинского языка. Кызыл, 1957, стр. 8, 23; *его же*. Звуковой состав тесхемского говора тувинского языка. Автореф. канд. дисс. Л., 1958, стр. 7), полагая, что наиболее важными являются именно такие факторы, как напряжение стенок фаринкса и корня языка и общее сужение глоточного прохода.

² См.: А. А. Пальмбах. Тувинско-русский словарь. М., 1955; *его же*. Особенности тувинского вокализма и отражение их в письменности. — «Уч. зап. Тувинского НИИЯЛИ», II. Кызыл, 1954, стр. 132; *его же*. Долгие и полудолгие гласные тувинского языка. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», I. Фонетика. М., 1955, стр. 181.

³ А. А. Пальмбах. Указ. работы.

⁴ Ф. Г. Исхаков. Тувинский язык. Очерк по фонетике. М.—Л., 1957, стр. 32.

⁵ См.: Вяч. Вс. Иванов. О происхождении ларингализации—фарингализации в енисейских языках. — В сб.: «Фонетика. Фонология. Грамматика. К семидесятилетию А. А. Реформатского». М., 1971, стр. 125—136.

долгих гласных, в то время как фарингализованные гласные характеризуются либо краткостью (в тофаларском⁶), либо полудолготой (в тувинском) и имеют своим соответствием исконные краткие гласные в пратюркском языке⁷.

Другая точка зрения восходит к С. Е. Малову, который ставил вопрос о связи фарингализации с отступом у предшествующего согласного⁸. Таким же образом интерпретируются, например, глоттизованные гласные лакского языка⁹. Но, во-первых, для тюркских языков не характерны имеющиеся в лакском абруптивы, которые, очевидно, как раз и обусловили глоттизацию соответствующих гласных, а, во-вторых, как в тувинском, так и в тофаларском языках фарингализованные гласные встречаются и в абсолютном начале слова, в связи с чем здесь уже не приходится говорить о влиянии предшествующего согласного¹⁰.

С середины шестидесятых годов получает распространение акцентологическая гипотеза происхождения фарингализации в тувинском и тофаларском языках, исходящая из наличия в пратюркском нескольких слоговых акцентов.

Впервые мысль о наличии древней слоговой полипросодии в пратюркском была высказана Ю. Неметом¹¹, а позднее принята и Г. Рамстедтом¹², однако в связи не с фарингализацией, а с вопросом о происхождении первичных долгих гласных в якутском и чувашском языках¹³. О связи фарингализации с древней слоговой акцентуацией впервые упоминается в работах Г. Дёрфера, отметившего, что под фарингализацией в тувинском языке исследователи, возможно, подразумевают явление, сходное с датским толчком, «но он, как известно, возник из определенного мелодического акцента»¹⁴.

С наличием древних слоговых акцентов связывает происхождение фарингализации в указанных двух языках и А. М. Щербак¹⁵. Однако он рассматривает фарингализацию не в обычном понимании ее как существенного признака слогового акцента, а «как явление, возникшее под влиянием сильной аспирации конечных согласных *n, t, ç, k(к), s, ш*»¹⁶, которая, в свою очередь, отражает, по его мнению, особенности консонантнотвершинного слога¹⁷.

Однако было бы, по нашему мнению, более целесообразным рассматривать аспирацию последующих согласных не как причину, а как следствие фарингализации, непременно при этом исходя из гипотезы

⁶ См.: В. И. Рассадин. Лексика современного тофаларского языка. Автореф. канд. дисс. Улан-Удэ, 1967, стр. 17 и сл.; *его же*. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971, стр. 20 и сл.

⁷ А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 45.

⁸ См. об этом: А. А. Пальмбах. Долгие и полудолгие гласные тувинского языка, стр. 179.

⁹ Л. И. Жирков. Лакский язык. Фонетика и морфология. М., 1955, стр. 10—11.

¹⁰ А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 46.

¹¹ J. Németh. Die langen Vokale im Jakutischen. — «Keleti-Szemle», XV. Budapest, 1914—1915, стр. 163—164.

¹² G. J. Ramstedt. Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen. — «Journal de la Société Finno-ougrienne», XXXVIII, 1, 1922—1923, стр. 11.

¹³ Подробней об этом см.: А. М. Щербак. О происхождении первичных долгих гласных в тюркских языках. — «Вопросы языкознания», 1967, № 6, стр. 35; *его же*. Сравнительная фонетика..., стр. 123—124.

¹⁴ «...aber der ist bekanntlich aus einem bestimmten melodischen Akzent entstanden» (Gerhart Doerfer. Langvokale im Urmongolischen? — «Journal de la Société Finno-ougrienne», 65, 4. Helsinki, 1964, стр. 17).

¹⁵ А. М. Щербак. О происхождении первичных долгих гласных в тюркских языках, стр. 46—47; *его же*. Сравнительная фонетика..., стр. 136—138.

¹⁶ А. М. Щербак. Сравнительная фонетика..., стр. 47.

¹⁷ Там же, стр. 136.

наличия слоговых акцентов, в частности фарингализованных отрывистых.

Поскольку постулирование пратюркской слоговой акцентуации находится пока в сфере чисто гипотетических построений, то целесообразно обратиться к фактам языков, которые еще сохранили слоговую акцентуацию и ареал которых непосредственно примыкает к ареалу тюркских языков, в том числе тувинского и тофаларского. К таким языкам относятся енисейские¹⁸. Данные этих языков подтверждают, что фарингализация является признаком слогового тона и не зависит от последующих согласных. Это легко установить на примерах типа ²ди? 'орел', ²и? 'лабаз', ²хэ? 'большой', ²э? 'ага, да', в которых фарингализация встречается в открытых слогах. В закрытых же слогах конечные согласные находятся в зависимости от слоговых тонов, и различное фонетическое оформление слов типа ⁴и^h:н 'долго', ²и?:н 'игла'¹⁹ обусловлено не вокально- или консонантовершинным характером слога, а качеством слогового тона: при четвертом плавном тоне имеет место долгий вокализм и краткий консонантизм, при втором отрывистом тоне — краткий вокализм и долгий консонантизм²⁰.

И все же, допуская, что в пратюркском в доагглютинативную эпоху существовали слоговые акценты, причем с корреляцией «фарингализованный»/«нефарингализованный», следует ли фарингализацию в тувинском и тофаларском языках непременно возводить к той далекой эпохе?

Самого пристального внимания заслуживает, на наш взгляд, гипотеза, впервые выдвинутая В. М. Надеяевым, предположившим, что фарингализацию в тувинском и тофаларском языках следует рассматривать как отражение речевых особенностей дотюркского языкового субстрата²¹.

Прежде чем остановиться на недостаточно обоснованном пессимизме в отношении данной гипотезы, зададимся вопросом, какие языки могли бы реально рассматриваться в качестве такого субстрата? Сам В. М. Надеяев был склонен, по-видимому, усматривать здесь скорее всего самодийский языковой субстрат²². В. И. Рассадин же считал более оправданным предположить енисейский языковой субстрат, указывая на:

а) смежную локализацию енисейских языков;

¹⁸ Описание тональных систем современных енисейских диалектов см.: Г. К. Вернер. Сымско-кетская система слоговой акцентуации. — «Уч. зап. Омского пединститута», вып. 36. Труды кафедр гуманитарных наук. Омск, 1968; *его же*. Слоговая акцентуация кетских говоров. — «Уч. зап. Омского пединститута», вып. 44. Вопросы диалектологии и языкознания. Омск, 1969; *его же*. Слоговые тоны кетских говоров в свете некоторых экспериментальных данных. — «Уч. зап. Омского пединститута», вып. 52. Вопросы филологии. Омск, 1969.

¹⁹ h — фарингализация плавного, а ? — отрывистого слоговых тонов. В открытых слогах знак ? может обозначать и заротовую смычку.

²⁰ Подробнее об этом см.: Г. К. Вернер. Сымско-кетская система слоговой акцентуации, стр. 152; *его же*. К фонологической интерпретации ларингального смычного в кетском языке. — «Вопросы языкознания», 1969, № 1, стр. 86—88; *его же*. К проблеме генезиса индоевропейского аблаута. — «Уч. зап. Омского пединститута», вып. 44, стр. 64—85.

²¹ См. об этом: А. М. Щербак. О тюркском вокализме. — В сб.: «Тюркологические исследования». М.—Л., 1963, стр. 27.

²² Возможно, под влиянием работы К. Менгеса о влиянии самодийского субстрата на тюркские языки Южной Сибири (К. Н. Menges. The South-Siberian Turkic Languages, II. Notes on the Samoied Substratum. — «Central Asiatic Journal», II, 3. Wiesbaden, 1957, стр. 161—175).

б) широкое распространение в енисейских языках фарингализации; в) известное фонетическое сходство между фарингализацией в енисейских языках, с одной стороны, в тувинском и тофаларском — с другой²³.

Последнее предположение представляется более вероятным.

Во-первых, весьма сомнительно, что области, в которых проживают тувинцы и тофалары, были ранее сплошь населены самодийцами. Распространение топонимов енисейского и южносамодийского происхождения²⁴ позволяет считать именно енисейцев более ранним населением данной территории. Енисейские топонимы встречаются на обширных пространствах, в то время как южносамодийские занимают сравнительно небольшой ареал. Укажем также в этой связи на существование гипотезы о переселении южных самодийцев в область Верхнего Енисея из более западных областей²⁵. Если все же допустить, что енисейцы и южные самодийцы расселялись здесь в отдельных районах вперемешку, то это происходило, несомненно, при явном численном и территориальном превосходстве енисейцев. Кроме того, нельзя не учитывать и некоторые историко-этнографические данные, в частности факты, позволяющие связывать древнюю историю енисейцев с носителями карасукской культуры, существовавшей в Южной Сибири в XII—VII вв. до н. э.²⁶ и охватывавшей, помимо прочих географических районов, Саянское нагорье и Минусинскую впадину.

Во-вторых, в самодийских языках нет фарингализации типа той, которая наблюдается в енисейских языках или в тувинском и тофаларском. Правда, в камасинском словаре К. Доннера²⁷ встречается знак гортанной смычки (ср.: па?т'а 'рукав', phi?т'е 'брюки'), использованный им в кетском словаре в словах со вторым слоговым тоном²⁸ (то есть для обозначения фарингализации). На этом основании можно было бы предположить наличие в южносамодийских языках фарингализации типа кетской. Однако здесь может возникнуть вопрос, не корреспондирует ли явление, обозначенное К. Доннером для камасинского языка знаком ларингальной смычки, с ларингальными звуками в северносамодийских языках (ненецком, энецком, нганасанском²⁹)? В связи с отсутствием специальных фонетико-фонологических исследований по ларингализации в северносамодийских языках, трудно делать какие-либо выводы относительно ее происхождения, хотя можно предположить, что она восходит к древней слоговой полипросодии. В принципе такой же вывод можно было бы сделать и в отношении камасинского языка, но,

²³ В. И. Рассадин. Фонетика и лексика тофаларского языка, стр. 91—96.

²⁴ А. П. Дульзон. Кетские топонимы Западной Сибири. — Уч. зап. Томского пединститута», т. XVIII, 1959, стр. 91—111 и приложенные карты; *его же*. Этнолингвистическая дифференциация тюрков Сибири. — В сб.: «Структура и история тюркских языков». М., 1971, стр. 205—206.

²⁵ Э. Г. Беккер. Селькупские топонимы Западной Сибири. Автореф. канд. дисс. Томск, 1965, стр. 17—18; *его же*. Южносамодийские гидронимы Томской области. — «Топонимика Востока. Исследования и материалы». М., 1969, стр. 184—185.

²⁶ Н. Л. Членова. Соотношение культур карасукского типа и кетских топонимов на территории Сибири. — «Происхождение аборигенов Сибири и их языков». Материалы междувузовской конференции 11—13 мая 1969 г. Томск, 1969, стр. 143—146.

²⁷ К. Donner. Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzügen der Grammatik. — «Societas Fenno-Ugrica». Lexica, vol. 8. Helsinki, 1944.

²⁸ К. Donner. Ketica. Materialien aus dem Ketischen oder Jenissei-Ostjakischen. — «Mémoires de la Société Finno-ougrienne», vol. 108. Helsinki, 1955; *его же*. Ketica II. Supplément. — MSFOu, vol. 108, 2. Helsinki, 1958.

²⁹ См., например: Н. М. Терещенко. Ненецкий язык. Нганасанский язык. Энецкий язык. — «Языки народов СССР», т. III. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966.

учитывая, с одной стороны, нехарактерность ларингализации для некоторых южносамодийских языков (например, для диалектов селькупского языка), а с другой — сходную дистрибуцию гортанной смычки в кетских и камасинских словарных материалах К. Доннера, можно предположить, что в некоторых южносамодийских языках имела место фарингализация типа енисейской, а не ларингализация, как в северносамодийских языках. Если к тому же учесть, что камасинцы и другие южные самодийцы длительное время были расселены вперемешку с енисейцами, то вполне допустимо, что указанная фарингализация развилась на енисейской основе. Следовательно, даже учитывая тот факт, что определенные группы южных самодийцев участвовали в этногенезе³⁰ тувинцев и тофаларов, фарингализацию в тувинском и тофаларском языках все же правильнее рассматривать как особенность, унаследованную от енисейского языкового субстрата³¹.

Впрочем, здесь не следует упускать из виду еще один момент.

Как показывают языковые факты, в географическом районе, о котором идет речь (бассейн Верхнего Енисея), фарингализация наблюдается в языках трех различных групп (енисейских, самодийских и тюркских), что в известном смысле напоминает ситуацию, сложившуюся в балтийском языковом комплексе, где жтаторгантные слоговые акценты прослеживаются в германских, балтийских и финно-угорских языках. Можно было бы предположить, что в том и другом случае проявляются особенности, возникшие в рамках языковых союзов как результат конвергентного развития.

Правда, в то время как енисейская фарингализация относится учеными к сфере надсегментных явлений, фарингализация в тувинском и тофаларском языках рассматривается обычно как явление сегментного порядка. Но это различие лишь кажущееся, так как в принципе фарингализация в тувинском и тофаларском допускает двойное описание: в терминах как надсегментной, так и сегментной фонологии. Тюркологи, обнаружившие это явление, использовали вторую возможность, выделив «фарингализованные» гласные фонемы, противопоставив их «чистым». Первый же вариант описания может быть обоснован следующими фактами:

1. «...В форме повелительного наклонения... фарингализация факкультативна, ср. *a'k/ak* 'теки'»³². Исчезновение фарингализации в данном случае может быть объяснено общей модификацией признаков слогового акцента под воздействием повелительной интонации³³.

³⁰ В. И. Рассадин. Фонетика и лексика тофаларского языка, стр. 91—96; С. И. Вайнштейн. Происхождение и историческая этнография тувинского народа. Автореф. докт. дисс. М., 1969, стр. 9—15.

³¹ Ш. Ч. Сат допускает, что в данном случае имеют место суперстратные явления (Ш. Ч. Сат. Некоторые суперстратные явления в тувинском языке. — «Происхождение аборигенов Сибири и их языков», стр. 224—225). В свете предполагаемой связи енисейцев с носителями карасукской культуры (XII—VII вв. до н. э.) оправданной говорить о субстратном характере данного явления, так как появление в этом географическом районе древних тюрков можно отнести лишь к рубежу старой и новой эры, в частности, ко времени существования таштыкской культуры (со II в. до н. э. по V в. н. э.).

³² А. М. Щербак. Сравнительная фонетика..., стр. 44.

³³ О сходном явлении в современных енисейских диалектах см.: Г. К. Вернер. О реализации енисейских слоговых тонов в потоке речи. — «Уч. зап. Омского пединститута», вып. 62. Вопросы филологии. Омск, 1971, стр. 140.

2. Условия тувинско-тофаларской метатонии как-будто тоже позволяют говорить о просодической природе фарингализации: чередование «чистых» и «фарингализованных» гласных в словоформах типа тоф. *baʒs* 'голова', *baʒli* 'его голова', *baʒlɪm*/*beʒeʃ* 'моя голова'; *keʒs* 'шкура', *keʒli* 'его шкура'; *qoʒt* 'бойся', *qoʒnaʒ* 'испугается' и др.³⁴ может отражать различную акцентуационную характеристику словоформ³⁵. Думается, что подобных примеров должно быть больше того незначительного их числа, которое приводится в публикациях. Это может быть объяснено тем, что исследователи, стремясь подчеркнуть фонетическую адекватность соответствующего слога во всех словоформах, обозначили фарингализацию и в тех случаях, где она фактически не проявляется. Однако справедливость этого предположения смогут подтвердить лишь специальные исследования проявления фарингализации в многосложных словоформах и в потоке речи.

Что же касается возможности сохранения речевых особенностей енисейского языкового субстрата в тюркских языках, в частности фарингализации, то возникшие по этому вопросу сомнения сводятся к тому, что данная точка зрения на происхождение фарингализации в тувинском и тофаларском языках «не объясняет причин дифференцированного избирательного развития "фарингализации"»³⁶. При этом имеется в виду, что фарингализованным гласным в тувинском и тофаларском могут, как правило, соответствовать только исконные тюркские краткие гласные, ср. тув.-тоф. *aʒt*, тюрк. *at* 'лошадь', но тув.-тоф. *at*, тюрк. *a:t* 'имя'.

Для выяснения этой особенности следует обратиться к енисейским языковым фактам.

Установлено, что в современных енисейских диалектах преобладает второй слоговой тон, определяемый как краткий восходяще-нисходящий и фарингализованный³⁷. Учитывая, что фарингализация долгих слоговых тонов в общем либо факультативна, либо отмечена только в отдельных говорах, а также тот факт, что названный краткий фарингализованный тон с большой степенью вероятности восстанавливается и для исчезнувших енисейских языков³⁸, очевидно, восходя к общеенисейскому языковому состоянию (в то время как реконструкция долгих фарингализованных слоговых тонов для общеенисейского праязыка весьма проблематична), можно было бы именно с этим тоном связывать происхождение фарингализации в тувинском и тофаларском языках. Поскольку указанный тон краток, то понятно, что его лексико-морфологическая дистрибуция определялась именно количественной характеристикой слогов в древнетюркских диалектах, к которым восходят

³⁴ В. И. Рассадин. Фонетика и лексика тофаларского языка, стр. 62—63.

³⁵ Ср.: Г. К. Вернер. К фонологической интерпретации ларингального смычного, стр. 86—87. Ср. также замечание А. М. Щербак о том, что с увеличением числа слогов в слове фарингализованные гласные утрачивают длительность (А. М. Щербак. Сравнительная фонетика..., стр. 60); возможно, даже теряя при этом в известных случаях фарингализацию полностью (ср. об ослаблении фарингализации: В. И. Рассадин. Фонетика и лексика тофаларского языка, стр. 21).

³⁶ А. М. Щербак. Сравнительная фонетика..., стр. 46.

³⁷ См.: Вяч. Вс. Иванов. Указ. раб.; Г. К. Вернер. Указ. статьи.

³⁸ Г. К. Вернер. Реконструкция слоговых тонов в енисейских языках XIX века (по словарным материалам М. А. Кастрена). — «Вопросы языкознания», 1972, № 3.

тувинский и тофаларский языки: его получали лишь краткие закрытые слоги³⁹.

Процесс распространения енисейской фарингализации на иноязычную лексику можно наблюдать и в наши дни. Так, русская речь старшего поколения современных енисейцев — сымских и имбатских кетов, испытывающая сильнейшее интерферирующее влияние родного языка, характеризуется, помимо всех прочих специфических черт, широким распространением фарингализации, особенно в односложных словах со структурой C+Г+C, например: *во?с* 'воз', *ко?т* 'кот', *л'э?с* 'лес' и т. д., не говоря уже о многочисленных новейших русских заимствованиях типа *со?к* 'сок', *ма?к* 'мак', *лу?к* 'лук' и других, получающих акцентуационную характеристику в соответствии со слоговой акцентуацией современных енисейских диалектов. Весьма примечательно, что указанные русские односложные слова, лишь за единичными исключениями, приобретают второй краткий фарингализованный тон. Это объясняется, конечно, главным образом краткостью русского вокализма⁴⁰.

На аналогичной основе енисейская фарингализация могла сохраниться и распространиться и на тюркскую лексику с кратким вокализмом при переходе кетоязычных древних енисейцев на тувинский и тофаларский языки⁴¹.

Таким образом, наиболее приемлемыми представляются следующие три возможных объяснения происхождения фарингализации в тувинском и тофаларском языках:

а) фарингализация восходит к пратюркской или общеалтайской⁴² слоговой акцентуации, являясь рефлексом корреляции фарингализованных/нефарингализованных слоговых акцентов;

б) фарингализация является отражением речевых особенностей енисейского субстрата;

в) рассматриваемое явление представляет собой результат конвергентного развития языков разных систем в рамках единого языкового союза в данном географическом районе (бассейн Верхнего Енисея).

Из этих трех возможных истолкований происхождения тувинско-тофаларской фарингализации второе и третье несколько осложнены наличием фонетически сходной фарингализации в эвенском⁴³ и, воз-

³⁹ Поскольку гласные в открытых слово-словах в общетюркском имели так называемую «первичную долготу» (ср. список общетюркских односложных слов в кн.: А. М. Шербак. Сравнительная фонетика., стр. 193—198), то они, естественно, не получали фарингализации, как и закрытые слово-слоги с «первичным» долгим вокализмом. Однако в некоторых современных тувинских и тофаларских междометиях, представляющих собой открытые слово-слоги, наблюдается фарингализация, причем с заротовой смычкой, как и в соответствующих енисейских словах, ср.: тоф. а? 'ага' (возглас при поддакивании), ʔэ^h — возглас человека, начинающего мерзнуть при сильном морозе, ʔо^h 'ох!' (В. И. Рассадин. Фонетика и лексика тофаларского языка, стр. 51): тув. ы? 'да, ага', у? ай — междометие, произносимое, когда кого-нибудь поднимают (тувинские примеры любезно сообщили нам Ш. Ч. Сат, которому приносим свою благодарность за помощь и консультацию в отношении данных тувинского языка. Пользуясь случаем, выражаем свою признательность В. И. Рассадину за ценные советы по материалу тофаларского языка).

⁴⁰ Подробнее эти вопросы освещаются в работе: Г. К. Вернер. Акцентуационное освоение русских заимствований в современных енисейских диалектах (в печати).

⁴¹ Примечательно высказывание А. П. Дульзона относительно того, «что экспансия тюркских языков в Сибири происходила, вероятно, больше путем тюркизации самодийских народностей на Оби, угорских — на Тоболе и Иртыше, енисейских — на Енисее, чем путем передвижения больших человеческих масс» (А. П. Дульзон. Этнолингвистическая дифференциация тюрков Сибири, стр. 198—199).

⁴² О современном состоянии гипотезы алтайского языкового единства см. статьи в сб.: «Проблема общности алтайских языков». Л., 1971.

⁴³ См.: К. А. Новикова. Очерки диалектов эвенского языка. М.—Л., 1960, стр. 41 (примеч. 9).

можно, удэйском⁴⁴ языках. Если бы фарингализацию в этих языках удалось истолковать на основании пунктов «б» или «в», — что нельзя, видимо, считать полностью исключенным⁴⁵, — тогда можно было бы первую версию отклонить, допуская, однако, ее реальность по отношению к ларингализации в северносамодийских языках, поскольку она может представлять собой рудимент древней слоговой акцентуации в праяуральском или урало-алтайском, сохранившийся как результат периферийного распространения и развития указанных самодийских языков.

Рассмотренные выше факты позволяют, на наш взгляд, заключить, что наиболее близка к реальности субстратная гипотеза происхождения тувинско-тофаларской фарингализации.

⁴⁴ См.: Е. Р. Шнейдер. Краткий удэйско-русский словарь. М., 1936, стр. 85—86; В. И. Цинциус. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949, стр. 62—68.

⁴⁵ Хотя область первоначального расселения и миграции тунгусо-маньчжурских народов в древности нельзя пока считать достоверно установленной, обращает на себя внимание в связи с рассматриваемым в настоящей статье вопросом следующее замечание А. П. Дульзона: «Названия рек на *-ур* составляют, хотя не очень насыщенный, но равномерно плотный ареал на тунгусской территории юга Сибири вплоть до нижнего Амура, например: Ур, Амур, Аур, Даур и др. На западе к этому ареалу примыкают непосредственно кетские и ассанские названия рек на *-ур*, *-уль*». (А. П. Дульзон. Этнически дифференцирующие топонимы Сибири и Дальнего Востока. — «Языки и топонимия Сибири», II. Томск, 1970, стр. 96).

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Л. Ш. АРСЛАНОВ

О ВЛИЯНИИ НОГАЙСКОГО ЯЗЫКА НА ТАТАРСКИЕ ГОВОРЫ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

В степных районах Ставропольского края, заселенных в основном туркменами, ногайцами и русскими, расположено несколько татарских селений. Татары живут в аулах Малый Барханчак Ипатовского района (одни татары), Куликовы Копани Туркменского района (смешанное татарско-туркменское население); отдельные татарские семьи живут в Летней Ставке, Чуре, Маштаке Туркменского района. Татары населяют также бывший аул Камыш Бурун, в настоящее время входящий в состав города Нефтекумска.

В указанных населенных пунктах распространен главным образом говор западного (мишарского) диалекта татарского языка, за исключением аула Куликовы Копани, где параллельно бытует также бастанский говор, относящийся к среднему диалекту татарского языка.

Татары поселились в Ставрополье во второй половине XVIII века, о чем свидетельствуют официальные источники и предания, бытующие среди местного населения.

В 1782 году правительство Екатерины II издало указ, разрешающий заселить Ставропольский край гражданским населением. С этого времени и начинается массовое переселение сюда крестьян из центральных губерний России¹. Население края за счет переселенцев указанных губерний росло на протяжении всего XIX в. Процесс этот особенно усилился после реформы 1861 года².

В Ставропольском крае селились и татары из Пензенской, Рязанской, Саратовской, Симбирской и Казанской губерний. Через 8 лет после издания указа, то есть в 1790 году, по ведомости Кавказской казенной палаты татарское население составило 301 человек мужского пола³.

Обратимся к истории возникновения интересующих нас аулов.

Аул Малый Барханчак Ипатовского района, согласно документам Кавказского наместнического правления, был основан в 1788 году ясаиными и служилыми татарами Вятского и Казанского наместничества в составе 26 семейств⁴. В этом документе конкретно указаны фамилии и

¹ См.: Н. И. Стацук. Заселение Ставрополя в конце XVIII века и в первой половине XIX века. — «Материалы по изучению Ставропольского края», вып. 4. Ставрополь, 1952, стр. 157.

² См.: П. А. Шацкий. Землевладение и землепользование в Ставропольской губернии в 70—90 гг. XIX века. — «Ставропольский педагогический институт. Сборник трудов филологического факультета», вып. 13. Ставрополь, 1958, стр. 126.

³ См.: Н. И. Стацук. Указ. раб., стр. 161.

⁴ Кавказское наместническое правление. Фонд 476, опись I, ед. хр. 480, лл. 1—3. Дело по предложению правителя Кавказской губернии о поселении бывших Вятского и Казанского наместничества ясаиных и служилых татар. Астраханский областной государственный архив (в дальнейшем: ЛОГА).

имена глав семейств, а также прежнее местожительство переселенцев в Ставропольскую губернию.

Население аула Малый Барханчак стало увеличиваться после реформы 1861 года за счет переселения крестьян из Саратовской, Симбирской, Тамбовской и других губерний. Многие из прибывших не имели официального правительственного разрешения на переселение. Последние обычно записывали себя туркменами, чтобы получить земельный надел. Они освобождались также от воинской повинности.

Предки татар, населяющих в настоящее время село Летняя Ставка, аулы Чур и Маштак, были выходцами из аула Малый Барханчак. В аул Куликовы Копани, население которого составляли туркмены, татары начали переселяться после реформы 1861 года. Это были безземельные крестьяне из села Бастан Тамбовской губернии (ныне Рязанская область). Татары соседних аулов называли их «тамбулар» (тамбовцы). Бывшие тамбовские крестьяне нанимались чабанами и батраками к местным землевладельцам и скоговодам. Татарское население аула Куликовы Копани заметно увеличилось в 1934—1935 годах за счет переселенцев из Ульяновской, Саратовской и Пензенской областей. В настоящее время здесь, кроме татар, проживают также туркмены, русские, ногайцы и представители других национальностей.

Бывший аул Камыш Бурун был основан, по-видимому, в 1786—1788 гг. ясашиными и служилыми татарами Казанского и Свияжского наместничеств, прибывшими одновременно с теми, кто основал в 1786 году деревню Малые Чапурники⁵.

По невыясненным причинам шесть татарских семейств отделились от чапуринцев и направились на юг, на Куму, хотя и не имели на это официального разрешения. Там их принял в свой улус ногаец Ильяс-голова, записавший всех прибывших ногайцами. Переселенцы получили землю и основали свой аул в двух километрах от «Ильяс кышлары» («Зимовье Ильяса»). В последующие годы продолжали прибывать новые переселенцы из Малых Чапурников, а также из Пензенской, Саратовской и Симбирской губерний.

Таким образом, можно предположить, что в формировании говора ставропольских татар основную роль сыграли носители говоров западного (мишарского) диалекта. Носители же среднего диалекта — выходцы из Казанского, Вятского и Свияжского наместничеств — в связи с их сравнительно малочисленностью не могли оказать сколько-нибудь заметного влияния на формирование указанного говора. Необходимо при этом учитывать и то, что язык переселенцев из Тетюшского и Свияжского наместничеств к тому времени, надо полагать, приобрел некоторые характерные черты мишарского диалекта, поскольку с последним он находился в контакте еще до начала переселения.

Язык жителей всех аулов, несмотря на некоторые расхождения в фонетике, лексике и грамматике, не распадается на отдельные подговоры. Расхождения же могут быть объяснены сохранением отдельных черт прежнего традиционного говора переселенцев.

Говор ставропольских татар представляет собой отдельный локальный говор западного (мишарского) диалекта, испытавший влияние ногайского, русского и, частично, туркменского языков.

В ауле же Куликовы Копани, как уже отмечалось, параллельно существуют два говора. Правда, их особенности в речи отдельных носителей говоров часто сочетаются. И все же, на наш взгляд, традиционные

⁵ Кавказское наместническое правление. Дело о переводе татар из села Чапурино, АОГА, ф. 476, ед. хр. 113, л. 2.

говоры в этом ауле пока сохраняются. Произойдет ли в ближайшее время полная их нивелировка, сказать трудно.

Установившиеся еще в конце XVIII в. экономические, культурные и этнические связи татар с туркменским, ногайским и русским населением края оказали заметное влияние на формирование их быта. Язык ставропольских татар, оставаясь в основном исконно татарским, в результате почти двухвекового контакта с ногайским, русским и туркменским языками приобрел ряд особенностей и черт. Говор ставропольских татар, географически оторванных от основной массы татарского населения, испытал сравнительно слабое влияние литературного татарского языка и поэтому сохранил некоторые традиционные особенности, утраченные в языке населения тех мест, откуда прибыли переселенцы.

Влияние русского языка на говор ставропольских татар до революции осуществлялось через устное общение. Однако следует отметить, что часть русских заимствований проникла в язык татар, очевидно, еще до их переселения в Ставрополье.

В советское время влияние русского языка распространялось через письменный язык. Это влияние проявляется как в широком употреблении в речи русской лексики, так и в изменении порядка слов в предложении. Решающее значение для этого процесса, безусловно, имеет повсеместное распространение русского языка.

Несмотря на то, что туркмены составляют значительную часть населения тех районов, где проживают татары, влияние их языка на говор ставропольских татар весьма незначительно: из туркменского языка заимствованы всего лишь несколько слов.

Влияние же татарского языка на язык туркмен, в частности на язык жителей аулов Нижний Барханчак и Верхний Барханчак, было достаточно сильным, чему способствовали, на наш взгляд, во-первых, сравнительно более высокий культурно-экономический уровень татарского населения; во-вторых, совместное обучение в школе до революции туркмен с татарами в ауле Малый Барханчак; и в-третьих, более успешное овладение туркменами татарским языком, нежели татарами — туркменским.

Особенно заметно в говоре ставропольских татар влияние ногайского языка, прежде всего в области лексики и отчасти грамматики. Влияние на фонетику совершенно не прослеживается, что объясняется, по-видимому, относительной устойчивостью фонетической системы. Характерно, что все ногайские лексические элементы, проникшие в татарские говоры Ставрополья, подверглись соответствующим изменениям под влиянием фонетического строя татарского языка.

Наиболее сильное влияние ногайского языка испытала речь жителей бывшего аула Камыш Бурун, что объясняется, несомненно, двухвековыми тесными культурно-экономическими связями татар с ногайцами и определенным этническим смешением.

Языковые особенности говора ставропольских татар, обусловленные влиянием ногайского языка, можно разделить на две группы: 1) особенности, общие для речи населения всех аулов; 2) особенности, характерные только для языка жителей аула Камыш Бурун.

В контакте с татарскими говорами Ставрополья оказался караногайский диалект ногайского языка⁶. Поэтому при анализе ногайских языковых элементов мы опираемся главным образом на материал ука-

⁶ Следует отметить, что караногайский диалект ногайского языка имеет много общих с татарским литературным языком и его диалектами лексических, грамматических и фонетических особенностей. Возникает вопрос, не испытал ли в прошлом караногайский диалект влияния татарского языка, хотя некоторые из этих особенностей могли сложиться и под влиянием кумыкского языка.

занного диалекта, привлекая для сопоставления данные ногайского литературного языка.

Ногайских лексических элементов в татарском говоре сравнительно больше, нежели грамматических. Остановимся на последних.

1. В говоре ставропольских татар, в отличие от татарского литературного языка и его диалектов, широко распространена причастная форма на -ajak, -äjäk' (baraajak 'пойдет', k'iläjäk' 'придет'). Как и в ногайском языке, она имеет несколько значений:

а) в сочетании с вспомогательным глаголом bulu 'быть' выражает значение намерения, желания сделать что-либо и соответствует конструкциям типа: barmakçu bulam 'собираюсь идти, думаю идти'; barmakçu idek' 'собирались идти, думали идти' татарского литературного языка. Примеры:

Ni zat ešläjäk' bulasyng? 'Что же ты думаешь делать?'; Sez inde monda k'iläjäk bulasyz 'Вы, конечно, хотите приехать сюда'; K'üptän alar bu zırne alajak bulıannar 'Они давно хотели взять эту землю'; Aıur itmä cäj jasajak idem 'Извини, я хотел(а) налить чаю';

б) употребляется в значении глагола будущего времени изъявительного наклонения, то есть соответствует литературным формам на -уг, -ег; -açak, -äçäk'. Примеры:

Ukıyan jiren belsä, ul tabajak any 'Если узнает место, где он учится, найдет'; Ber süz belmilär, beläjäk' tä tegel' 'Не знают ни слова и не будут звать'; Begeñ olannıñda suıun bulajak 'Сегодня у ребят должно состояться собрание'; Äle Usmanıya k'etäçäk'bez 'Сейчас зайдем еще к Усману';

в) выполняет функцию причастия будущего времени, соответственно заменяя формы на -asy, -äse; -уг, -ег татарского литературного языка. Примеры:

Äjtäjäk' süzem bar singan 'Есть кое-что сказать тебе'; K'ürdek' k'üräçäk'ne 'Видели то, что было суждено видеть'; Äj, tukta, ber xabar bar singan äjtäjäk' 'Эй, погоди, есть кое-что тебе сказать'; K'iläjäk' kardayım bar Махаçкаладан 'Должна приехать родня из Махачкалы';

Причастная форма на -ajak, -äjäk' в диалектах и говорах татарского языка не встречается. Она проникла в говор ставропольских татар из ногайского языка, по-видимому, уже давно и постепенно вытеснила все диалектные и литературные глагольные формы с аналогичными значениями. Эта форма характерна для речи населения всех аулов. Она представлена и в ауле Малый Барханчак Ипатовского района, вблизи от которого нет ни одной ногайской деревни; с татарским же населением других аулов жители Малого Барханчака никогда не имели тесного общения.

Можно предположить, что причастная форма на -ajak, -äjäk' появилась в говоре местных татар в тот период, когда ногайский язык был самым распространенным языком Северного Кавказа, для народов степной части которого он выполнял функцию общего языка⁷.

2. Параллельно с деепричастными формами на -yaç, -gäç (-kaç, -k'äç); -yaçtan, -gäçtan употребляется конструкция «причастие на ıan, -gän (-kan, -k'än) + послелог song». Примеры:

Nuıayya ešlägän song zır bırgän 'После того как поработал на ногайца, дал землю'; Ul bulıyan song aš kiterä 'После этого несет еду'; Jırtlan bulıyan song k'ıjävneı öjendä jauluk zäjälär 'После пения в доме жениха стелят платок';

⁷ Н. Г. Волкова. Вопросы двуязычия на Северном Кавказе. — «Советская этнография», 1967, № 1, стр. 27—40.

Аналогичная конструкция характерна и для ногайского языка. В татарском же языке представлена несколько иная структура — «причастная форма на -уап, -gän в исходном падеже + послелог song». Поэтому можно полагать, что деепричастная форма на -уап + song появилась в говоре ставропольских татар под влиянием ногайского языка.

3. Татарскому деепричастию на -а, -ä, -уј, -і в составных глаголах в сочетании с глаголами başlau 'начинать', belü 'знать' в рассматриваемом говоре соответствует деепричастие на -ур, -ер. Примеры:

Annap inde torup başladık 'А затем уже начали жить'; Ауур başлаяч кантны жаб-
byz 'Когда начинает течь, закрываем кран'; Хäzer k'iläm min ašar başlayыз 'Я сейчас
приду, приступайте к еде'; Unbišk'ä sanar belmi 'He умеет считать до пятнадцати'.

Употребление деепричастия на -ур, -ер с указанными глаголами, характерное для ногайского языка, наблюдается в речи населения всех татарских аулов.

4. В речи татар аула Камыш Бурун весьма активна постпозитивная частица -čy, -če (в ногайском — -ša, -še, -šy, -ši). Она соответствует частице -ič, -bit 'же, ведь' татарского литературного языка. Частица -čy, -če обычно присоединяется к слову предложения, принимающему на себя логическое ударение. Примеры:

Min če jaxšy idem, kydyrup, kydyrup k'ilä idem 'Мне же было хорошо, бывало совершал прогулки'; Zimm'jaja Stařka janında bulıan čy nemeclär 'Немцы ведь около Зимней Ставки были'; Kaja da k'itk'än zamanda koçuуngny karayıa da k'eše juk čy 'Ведь когда уходишь куда-нибудь, некому присмотреть за собакой'; Ujlyjm čy uryšča, šulaj k'iräk' če 'Думаю же по-русски, надо же так'; Bezä irk'äk'lär juk čy 'У нас нет ведь мужчин'.

5. Вместо вводного татарского слова mäšälän 'например' в говоре аула Камыш Бурун, как и в ногайском языке, употребляется модальное слово äjtmägä. Примеры:

Menä, äjtmägä, mizgel äzerlär 'Вот, например, приготовят обед (еду)'; Äjtmägä, çayır k'ür ešäbez 'Например, вина много пьем'.

6. Под влиянием ногайского языка в речи ставропольских татар активно употребляется слово zat как в значении «вещь, предмет», так и в функции вопросительно-относительного местоимения татарского литературного языка ni, närsä 'что?'. В значении «вещь, предмет» слово zat встречается и в говорах татарского языка; вторая же его функция не характерна для татарского языка. Аналогичные значения это слово имеет и в говоре волгоградских татар. Наличие данного слова в ногайском языке послужило, очевидно, импульсом к расширению функции слова zat и его активизации в указанном говоре. Примеры:

Ni zat süläšep utyryjk 'О чем же будем говорить?'; Zat, äni? 'Что, мама?'; Hu, ni zat sez, bar da k'ešegä mešat' itälär 'Ну что вы все мешаете человеку'.

7. В отличие от говоров других аулов в говоре аула Камыш Бурун отмечено употребление указательных местоимений anaı 'тот', monau 'этот', характерных и для ногайского языка. Примеры:

Anau jyllarda mal belän k'ilgänpär 'В те годы приезжали со скотом'; Monau k'em diprogamařak 'Не будет спрашивать: кто вот этот?'; Monau syraya zimeš tiräge utyrtıya k'iräk' 'В этом ряду надо посадить фруктовые деревья'; Monauda uryş, anauda tatartlar ide. 'Тут русские, а там татары жили'.

В говорах западного диалекта эти местоимения не отмечены.

8. В говоре татар Ставрополя употребляется наречие k'ipta, соответствующее татарским räveščä, formada, а также слово k'ärä, обозначающее кратность. Примеры:

Agär jangyurlar bulsa, ik'e k'ärä senokos bulä 'Если будут дожди, то сенокос будет дважды'; Ber k'ärä äjtä, şul zitä 'Один раз скажет — этого достаточно'; Menä şul k'ipta bäjililär çabatany 'Вот таким образом завязывают лапти'; Tatar kalendary şul k'ipta jazyla 'Татарский календарь пишется таким образом'.

9. Широко распространенное ногайское слово *xily* передает значения татарских наречий *k'ür* 'много', *berkädär*, *beraz* 'несколько, немножко'. Примеры:

Xily zig jerdek' inde 'Много земли извездили'; *Ber xily jäsädeñär äle* 'Пока пожили немного'; *Begen ber xily jerdek'* 'Сегодня ходили немного'.

Это слово активно употребляется в говоре волгоградских татар, что подтверждает наличие в прошлом тесных связей между ставропольскими и волгоградскими татарами.

В речи ставропольских татар представлено значительное количество ногайской лексики, усвоенной благодаря устному общению еще до революции.

Проникая в татарские говоры, ногайские заимствования претерпевали фонетические изменения, приспособляясь к фонетическому строю татарского языка. Часть ногайских заимствований характерна для говоров всех татарских аулов Ставропольского края, а некоторые — только для говоров отдельных аулов.

Особенно велико число ногайских заимствований в говоре аула Камыш Бурун, носители которого, как уже отмечалось, имели наиболее тесные связи с ногайцами.

Большинство заимствованных ногайских слов относится к бытовой лексике и словам, выражающим абстрактные понятия.

Не вдаваясь в данной статье в семантический и тематический анализ ногайских заимствований, мы ограничимся простым перечислением наиболее употребительных лексических единиц в алфавитном порядке, сопроводив их небольшим иллюстративным материалом:

avara 'хлопоты, возня'. *Avara bulma şin ul zatlardan* 'Не бери ты на себя их хлопоты';

alysau 'спешить, торопиться'. *Min alyusyjm, beräügä baruğa tieş* 'Спешу, должен сходить к кому-то';

ajaz 'морозный день, мороз', тат. *ajaz* 'ведро, ясная погода'. *Alar juuğu тепер ajazda utuğa korgalar* 'Они, индюки, взбираются высоко и сидят на морозе';

armut 'груша', ног. *armut*. *Armut tiräge k'ür tegel bezdä* 'Грушевых деревьев у нас немного';

badyrzan 'помидор'. *Badyrzanıy da şylaj eşlişen* 'И помидоры так же выращиваешь';

balçeben 'пчела', ног. *balşybun*, тат. *bal korty*;

batmak 'грязь, болото', ног. *batrak* 'топь, болото'. *Salkın bulmaında kory batmak bula* 'Когда нет холодов, бывает сухая грязь';

bau 'фруктовый сад'. *Bauğa härk'em ayyuysy k'eli* 'Каждый хочет поливать сад';

dajanu 'терпеть, выдерживать', ног. *dajanuv*. *Skula jana, mallar jana, tavuşyna dajanuv bulmuş* 'Школа горит, скотина горит, невозможно перенести мычания коров';

zaux itü 'жить весело, припеваючи', ног. *zavk* 'удовольствие, наслаждение'. *Sauluym bulsa äjläner tä kağamas idem, zaux itär idem* 'Если бы было здоровье, не стал бы оглядываться, стал бы жить в свое удовольствие';

joma songu 'суббота', тат. *şimbä*. *Joma songu barajak di* 'Говорят, что поедет в субботу';

jusan 'польнь', тат. *ärem*;

jusyğ 'в направлении, по пути'. *Bezdän barıyan jusykta üläre* 'Дом их находится по пути к нам';

juvyk 'близко, близкий'. *Juvyğrak utyğ i aç täräzäne* 'Сядь поближе и открой окно';

irkäk 'мужчина'. *Irğäk'läre kapau kazylar* 'Мужчины копают канаву';

katy k'en 'воскресенье', ног. *katy k'ön*, тат. *jäk'sämbe* *Katy k'endä avtabus tyuyn bula* 'В воскресенье в автобусе бывает тесно';

kazyğ 'лопата', тат. *k'ögäk*. *Kazyğnu oynıayyz* 'Не забудьте лопату';

kaptal 'одежда, бешмет', ног. *kaptal* 'бешмет'. *Nek'rasofçylar kaptal k'igäpnär* 'Некрасовцы (казаки) одеты в бешметы';

кару 'ворота'. В ауле Куликовы Копани употребляется в том же значении слово *кабак*;

k'ečk'äj 'маленький', тат. *k'ečk'epä*. *K'ečkäj balyklar bar ide* 'Были маленькие рыбки';

kollyk 'работа', тат. *kollyk* 'рабство'. *Damir kollykka k'itte* 'Дамир пошел на работу';

kotaru 'закончить', ног. *kotaɣuv*, тат. *beterü*. *Ber malaj bar, sigez klass kotardy* 'Есть один сын, окончил восемь классов';

kopazyn 'телка', тат. *tapa*. *K'iläjäk'k'ä kopazyn bulsa, jaxşy* 'Хорошо, если на будущее есть (запасна) телка';

kuz 'грецкие орехи', тат. *çik'lävek'*. *Kuz da üsä bezdä* 'У нас растут и грецкие орехи';

kuzu 'ягненок', тат. *bärän*;

kuj 'овца'. *Kujlar k'ür asramujlar* 'Овец много не держат';

kunyş 'сосед', ног. *konsy*, тат. *k'ürşe*. *Bezneñ kunyşybyzda ik'e igczäk' bala tora ide* 'У наших соседей жили близнецы';

kupta 'коробка, ящик'. *Apy da salyan kupta eçenä* 'И это положил в ящик';

k'üläk' 'платье, рубаха', ног. *k'ülek'*, тат. *k'ülmäk'*. *K'üläk' k'ijärsez* 'Наденьте рубашку';

kuduru 'ходить, гулять', ног. *kuduru* 'гулять, бродить'. *Kudurp k'ildem döñjany* 'Побродил по белу свету';

lak 'козленок', тат. *käzä bäräne*;

mazaly 'большой, славный', ног. *mazaly* 'сильный, мощный, большой'. *K'izlär mazaly ul* 'Кизляр — он большой';

maraz 'болезнь'. *Min ijül ajynda maraz jattym* 'В июле месяце я болел';

maslihat 'совет', ног. *masliyat*, тат. *k'inqäs*. *Sineñ belän maslihat itäjägem bar* 'Мне необходимо посоветоваться с тобой'. Отмечено в ауле Камыш Бурун;

maštak 'низкий', тат. *täbänäk'*. Данное слово характерно для речи жителей аулов Камыш Бурун и Малый Барханчак. В ауле Куликовы Копани в этом значении употребляется слово *karsak*;

mizar 'кладбище', тат. *zyjagat*, тат. диал. *mazar*;

mizgel 'еда, обед'. Употребляется только в Камыш Буруне. *Mizgel asalar ik'än biş alty k'eşegä ber kazan* 'Готовят один котел еды на пять-шесть человек'; *Mizgel azerlim aşaɣa* 'Приготовлю еду';

sakat 'искалеченный, болезненный, инвалид', ног. *saxat* 'увечный, искалеченный, калека'. *Apyng bile sakat* 'У него поясница искалечена'. Встречается во всех аулах.

syra 'ряд, линия'. *Moñau syraɣa zimeş tiräge utyrturɣa k'iräk'* 'В этом ряду надо посадить фруктовые деревья'. Зафиксировано в Камыш Буруне;

tiräk' 'дерево', ног. *terek'*, тат. *tiräk'* 'осокорь'. *Äväl ber tiräk' bulmyj ide* 'Раньше не было ни одного дерева';

tuban 'солома', тат. *salam*. *Tuban alyp kajtylar* 'Привезли солому';

tokly 'годовалый ягненок', ног. *tokly*;

turyaj 'воробей', тат. *turɣaj* 'жаворонок'. *Turɣajɣa darman juktyr* 'Нет лекарства для воробья';

tök'än 'магазин', тат. *k'ibet*. *Tök'ändä bulduyuzmy?* 'В магазине вы были?';

tägärček' 'колесо', ног. *tegersik'*, тат. *tägärmäc*;

tynşaju 'отдых', ног. *tynşajuv* 'отдыхать'. *Tynşaj k'erep üdä* 'Зайди в дом и отдохни'. Отмечено в Камыш Буруне;

saɣur 'вино'. *Saɣur k'ür jasyjbyz* 'Вина делаем очень много';

äjdäü 'гнать, погонять', ног. *ajdav*. *Zim ašamyjmy, irtän äjdärgä k'iräk'* 'Если скотина не ест, надо погнать ее на пастбище пораньше'.

И. БАЖИНА

К ВОПРОСУ О КИРГИЗСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ(ПО МАТЕРИАЛАМ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ)

Статистические данные о национальном составе союзных республик свидетельствуют о том, что в каждой республике проживает значительное количество русских. Давние экономические, политические и бытовые контакты русского и национального населения содействовали как влиянию русского языка на язык коренного населения той или иной республики, так и воздействию того или иного национального языка на русский. Наглядный пример такого обоюдного влияния — взаимоотношения русского и киргизского языков.

Вопрос о влиянии русского языка на языки народов Советского Союза достаточно широко освещался в лингвистической литературе. Обратное же влияние национальных языков (особенно тюркских) на русский пока еще должным образом не исследовалось. Об этом пишет акад. М. Ш. Ширалиев: «...роль национального языка в обогащении русского языка пока еще не стала объектом специального изучения. Между тем взаимодействие языков требует двустороннего исследования процесса»¹.

Проблема изучения влияния отдельного тюркского языка (а также комплекса тюркских языков) на русский является чрезвычайно актуальной, и решение ее требует усилий многих исследователей.

Воздействие одного языка на другой проявляется на различных уровнях языка, но, как известно, наиболее отчетливо оно наблюдается в сфере лексики и фразеологии. Нельзя не согласиться с В. А. Исенгалиевой, утверждающей, что «лексические заимствования — постоянный источник пополнения словарного состава языков на всем пути их существования»².

После присоединения Киргизии к России на киргизской земле появляются переселенцы из разных губерний Российской империи (русские, украинцы). Общаясь с киргизами, они осваивали их опыт ведения сельского хозяйства, присматривались к их образу жизни, быту, изучали киргизский язык. Заимствование ряда реалий и понятий, естественно, не могло не сказаться на лексике русских переселенцев. Заимствованные киргизские слова не подвергались письменной фиксации и

¹ М. Ш. Ширалиев. Основные вопросы взаимодействия и взаимообогащения языков народов СССР. — В кн.: «Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР». М., 1969, стр. 113—114.

² В. А. Исенгалиева. Тюркские глаголы с основами, заимствованными из русского языка. Алма-Ата, 1966, стр. 6.

носили локальный характер, не распространяясь за пределы Киргизии. Некоторые из этих слов встречаются в работах русских ученых (этнографов, историков, географов, естествоиспытателей и др.), посещавших бывший Туркестанский край и территорию современной Киргизии, а в первые десятилетия после Октября они фиксируются в работах советских лингвистов, в научной и научно-популярной литературе, посвященной описанию природы, экономике, истории, обычаям и быту киргизского народа. Начиная с 20—30-х гг. киргизский народ выдвигает из своей среды большой отряд поэтов и прозаиков. Многочисленные переводы произведений киргизских писателей на русский язык, появившиеся произведений местных русских писателей, посвященных жизни киргизского народа, содействовали проникновению в русскую художественную (переводную и оригинальную) литературу, создаваемую в Киргизии, многих киргизских слов. Поэзия и проза насыщаются киргизскими лексическими элементами. Менее понятные из них разъясняются в примечаниях, а широко известные слова систематически повторяются без перевода и закрепляются в живой речи читателей.

Часть этих слов, являясь общетюркской, давно проникла в русский язык из татарского и других тюркских языков, чему в значительной мере способствовала и русская классическая литература, обогатившая русскую речь такими словами, как *кунак* (кирг. *конок*), *арба* (кирг. *араба*) и многие другие. Основную же массу киргизских слов, встречающихся в местной русской печати (научной, научно-популярной, художественной литературе и т. д.), составляют лексемы, заимствованные непосредственно из киргизского языка. В данной статье мы хотели бы остановиться на лексическом освоении заимствованных киргизских слов и на их значениях в связи с присущей этим словам полисемией.

Из установленных учеными признаков, которые могут служить критериями освоения заимствованных слов³, наиболее существенными, на наш взгляд, являются следующие: 1) отсутствие адекватного эквивалента в русском языке (дублета, синонима), точно передающего понятие (например, слово *манасчи* можно заменить только описательным «сказитель Манаса»); 2) широкое, массовое употребление слова в разных жанрах художественной литературы, в периодике, в научных исследованиях, часто без подстрочного перевода и пояснений в тексте; 3) соотносительность слова с соответствующими грамматическими классами и категориями русского языка: оформленность рода, падежных парадигм, числа и т. п. Такой характерный для заимствованных слов русского языка признак, как графемно-фонетическая передача иноязычного слова средствами заимствующего языка⁴, для нашего случая не показателен, так как современный киргизский алфавит построен на основе русской графики, а фонетическая передача киргизского слова не всегда обладает устойчивостью. Это же касается и передачи орфографии многих слов, поскольку ни словарями, ни справочниками эта передача не нормируется.

Исходя из указанных критериев, к освоенным русским языком можно отнести приводимые ниже киргизские слова, обладающие высокой частотностью употребления в местных периодических изданиях, произведениях русских писателей и переведенных на русский язык произведениях киргизских писателей. Некоторые из этих слов зафиксированы русскими толковыми словарями, иные же не включены в них.

³ Л. П. Крысин. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968, стр. 35.

⁴ Там же, стр. 42.

Аил (*аул*), кирг. *айыл*, в местном написании *аил*. Примеры: «Вот будет время, поеду в родной *аил*» (Н. Ч., Семиречье. Ф., 1954); «*Аилы* разбили свои юрты в тех же лощинах, что и в прошлые годы» (Т. С., Среди гор. М., 1961). Зафиксировано в ССРЛЯ, т. I, еще раньше в Энци. лекс., 1835; Даль, Сл.: аульный.

Айран, кирг. *айран*: «На всех в двух бидонах *айрану* не привезешь» (Ш. Б., Сын Сарбая. — ДН, 1967, № 2); «Как будто залита *айраном* — ночь зимняя в лучах луны» (А. Т., Как будто залита айраном... Избранные стихи, поэмы. Ф., 1958). Отмечено в Энци. лекс., 1835, в ССРЛЯ, т. I.

Аксакал 'седобородый'. Форма почтительного обращения к старшему по возрасту или общественному положению мужчине (ныне — независимо от пола): «Кыдырбек воздал должное председателю, члену правления, похвалил *аксакалов*» (С. Я., Дым очага. — ЛК, 1967, № 3); «О чем говорит *аксакал*? — спросил Иваницын» (Н. Ч., Семиречье). В ССРЛЯ не включено.

Акын, кирг. *акын* 'певец-импровизатор, поэт (общий термин)'. До революции — *акын* 'поэт-песенник': «Но и не только мать, весь народ любовно встретил своего дорогого *акына*» (Д. О., Токтогул в произведениях художников Киргизии. Ф., 1964); «*Акыны* воспевали глубокую старину, ратные подвиги предков...» (Н. Ч., Семиречье). В ССРЛЯ не включено.

Алыча, кирг. *алча* 'сев. вишня': «Подруги по лугу бегут хохоча, и щеки у них, что твоя *алыча*» (С. Э., Поэма о любви. М., 1962); «...такое яблоко сразу же утолит твою жажду! А *алыча*?» (Н. Б., Жылдызкан. Ф., 1958). ССРЛЯ, т. I; Даль, Сл.: алыча, тур. (из перс.).

Арба, кирг. *араба*: «А тем временем *арба* скрылась за поворотом...» (Дж. М., Мать. — ЛК, 1968, № 2); «Если я завтра заболею, кто же сделает колеса для *арбы*?» (Н. Б., Последний патрон. Ф., 1962). В ССРЛЯ, т. I. Тюрк. араба — повозка.

Аргамак, кирг. *аргымак*: «Он — достойный сын своего отца, жеребенок несравненного *аргамака*» (Т. С., Среди гор); «Эй, *аргымак*, — потрепал он гриву коня, — слушай, в твою пользу говорю» (Н. Ч., Семиречье). ССРЛЯ, т. I, ранее Норд., Сл. 1780, Даль, Сл.: аргамачный, тюрк. аргымак — кровная лошадь.

Архар, кирг. *аркар* 'горный баран': «Самат принес альчики в мешочке из шкуры *архара*» (Ч. А., Тополек мой в красной косынке. — В кн.: «Повести гор и степей». М., 1963); «Да, козлы, как и *архары*, умеют построить круговую оборону против стаи волков, но против человека они бессильны» (Ш. Б., Сын Сарбая); «...звеня копытами, *архары* неслись, минуя перевалы, неслись, чтоб встретиться со мной» (О. С., Сон. — СК, 1968, 1 сентября); «Что за чудо в степи моей, может быть, это трубит *архар*?» (Дж. Б., Паровоз на вершине гор. Избранное. Ф., 1958). В ССРЛЯ не включено.

Арча 'древовидный можжевельник': «И попарно, как подруги, там растут кусты *арчи*» (Дж. Б., Сын вам пишет издалека. Избранное. Ф., 1958); «*Арча* неприхотлива, и растет там, где другие древесные породы расти не могут» (А. Г., Растительность Киргизии. Ф., 1957); «С детства я видела вокруг непроходимые заросли елей, берез, *арчи*, рябины» (С. С., Жизнь старшей сестры. — ЛК, 1966, № 1); «Шепчут у самого края стремнины ива-подросток, *арча* и рябина» (Н. И., Сусамыр. Ф., 1964). В ССРЛЯ не зафиксировано.

Арык, кирг. *арык*: «А когда возвращалась с работы, то не вошла, а вбегала во двор, перепрыгивая через *арык*» (Ч. А., Джамия. —

В кн.: «Повести гор и степей». М., 1963). ССРЛЯ, т. I; ранее: Энци. сл. Березина, 1874: арык — тюрк. арык — водный канал.

Аскаp, кирг. *аскар*: «Сапаш, да ведь это не доктор, а *аскар*» (Т. С., Среди гор). ССРЛЯ, т. I, ар., из ир. — солдат.

Байбиче 'хозяйка в доме, жена; почтительное обращение к пожилой женщине': «Да вы не тревожьтесь, *байбиче*» (Ч. А., Джамиля); «Наше счастье, *байбиче*, что Абдылда жив» (Н. Б., Последний патрон); «Когда пиалы пусты, богато одетая *байбиче* средних лет, не двигаясь с места, наливала кумыс из черного бурдюка, хорошо прокуренного дымом еловых шишек» (Т. С., Среди гор). В ССРЛЯ не включено.

Байга, кирг. *байге* 'скачки, состязание в беге, в скачках': «Вот четверо всадников на берегу как будто бы думают начать *байгу*» (К. Дж., Каныбек. Ф., 1961); «Они быстро рысили вперед за иноходцем и кричали, как маленькие дети на *байге*» (Ч. А., Прощай, Гульсары. — НМ, 1966, № 3); «Как велит обычной старей, здесь устроили *байгу*» (К. М., В Ак-суйской стороне. — В кн.: «Ала-Тоо — моя отчизна». М., 1958). В ССРЛЯ не зафиксировано.

Башкарма 'председатель колхоза', 'начальник': «Стал Керимкул избранником народа, стал первым сусамырским *башкармой*» (Н. И., Сусамыр); «Татыбек, иди получай за сестру, — говорит *башкарма*» (Н. Б., Жылдызкан); «Вы с *башкармой* не правы» (Н. И., Сусамыр); «Ой, Барпы-*башкарма*! — причитала старуха» (Н. Б., Последний патрон). В ССРЛЯ не включено.

Беркут, кирг. *буркут* (ударение на втором слоге): «Два силача то как *беркуты* устремлялись друг на друга, то отступали» (Т. С., Среди гор); «Щелкая клювом и издавая боевой клекот, неохотно расставался *беркут* со своей добычей» (К. Бер., Проба крыла. — ЛК, 1967, № 6); «Горцы держали пивные кружки как-то неумело, на весу. Будто охотничьих *беркутов*» (Т. С., Среди гор). Включено в ССРЛЯ, ранее: Сл. Акад., 1789: беркут — тюрк.

Беркутчи, кирг. *буркутчу* 'охотник с беркутом': «Саякбай Каралиев родился... в семье бедняка-*беркутчи*» (В. В., Киргизская народная музыка. Ф., 1958); «В ней (охоте) проявляется не только ловкость и быстрота птицы, но и выносливость коня и умение самого *беркутчи* приучать крылатого хищника служить человеку» (К. Бер., Проба крыла). В ССРЛЯ не включено.

Бешбармак 'кушанье, состоящее из мелко нарезанных кусочков мяса и теста или лапши, политых бульоном (любимое киргизское блюдо)'. Название происходит от словосочетания *беш бармак* 'пять пальцев': «Надеюсь будущим летом пригласить тебя и твою семью на *бешбармак*» (Ш. Б., Сын Сарбая); «Рабы на широких деревянных блюдах подавали *бешбармак*» (Н. Ч., Семиречье); «Нет таких дураков, чтобы свое богатство отдали другим, а сами отказались ... есть вкусный *бешбармак* и согласились бы жить в бедности» (Т. С., Среди гор). В ССРЛЯ не зафиксировано.

Боорсок, кирг. *боорсок* 'печенье в виде жаренных в жире кусочков теста': «На скатерть перед молодыми положили свежие *боорсаки*, поставили тарелки со сметаной» (Т. С., Среди гор); «Замолчи, Курман, не мели чепухи! — остановил его Сапарбай, макая в сметану румяный *боорсок*» (Т. С., Среди гор). В ССРЛЯ не зафиксировано.

Буза, кирг. *бозо* 'род домашнего алкогольного напитка': «...Досторкан у нее всегда накрыт богато, ... *бозо* подает обязательно» (Н. Б., Последний патрон); «Поскорее бы в аил, жениться, пить *бозо* и наслаж-

даться жизнью» (М. Б., Парень из района. — ЛК, 1967, № 4); «Пусть байбиче и Кукешь пьют чай, а мы с тобой выпьем *бозо...*» (Т. С., Темир. М., 1947). ССРЛЯ, т. I. Ранее Норд., Сл. 1780: буза — перс.

Д ж е й л а у, кирг. *джайлоо*: «Летом сюда пригоняли скот на *джайлоо*» (Н. Б., Последний патрон); «Зелены *джайлоо* на юге и не сметны стада в горах» (К. М., Юг. — В кн.: «Ала-Тоо — моя отчизна». М., 1958); «Мой родной Киргизстан! Цвети, как цветет на *джайлоо* тюльпан» (М. Т., По ленинскому пути. — В кн.: «Весна пришла» Ф., 1958). Зафиксировано в ССРЛЯ, т. 3; ранее в Энци. сл. Брокг. и Ефрона: джейлав или джейлау; СИС, 1949; джайлау.

Д ж а р м а, кирг. *жарма* 'похлебка из дробленного жареного зерна пшеницы или ячменя, приправленная молоком, жиром, а также без приправы; напиток': «...если одну болтушку-*джарму*, ходили в отрепьях» (С. С., Жизнь старшей сестры. — ЛК, 1966, № 1); «Из толокна она квасила *джарму*, научилась экономить то, что приносил домой отец...» (Т. С., Среди гор); «За что его хвалишь? За то, что хорошо пьет *джарму*?» (Т. С., Среди гор) В ССРЛЯ не включено.

Д ж е р г а н а к, кирг. *чычырканак* 'облепиха'. Широко известно местным русским. В литературе дается без подстрочного перевода и пояснения в тексте: «Зоотехник Токчулук внес охапку *джерганак*» (Н. И., Сусамыр); «Колочек барбариса и *джерганак* тоже не боялись мои ноги» (Ш. Б., Сын Сарбая); «Вдали, в густых зарослях *джерганак*, синел Иссык-Куль» (К. Б., Счастливый табунщик. — В кн.: «Счастье». М., 1948). В ССРЛЯ не зафиксировано.

Д ж и г и т, кирг. *жигит* 'парень, молодой мужчина, молодец, жених': «И *джигиты* шута выставили вилы» (Ч. А., Джамия); «Байтык приказал своему *джигиту* Дулат Батыру для предстоящего тоя отобрать из отары самых лучших баранов» (Н. Ч., Семиречье). Слово включено в ССРЛЯ (т. 3) в значении «смелый, лихой наездник», «удалец». Ранее: Толль, Сл., 1864: джигит; Даль, Сл.: джигит — тюрк.

Д у в а л, кирг. *дубал* 'глинобитная или кирпичная стена, забор из самана': «Муса тем временем кинулся к *дубалу* и полез вдоль него по высохшему руслу арыка» (А. С., Под небом юга. Ф., 1965); «Здесь он сам построил зимовку, огородил её высоким *дубалом*» (Н. Ч., Семиречье); «Возле самого брода, на пригорке, где кончается улица, стоят два двора, обнесенные добротными саманными *дубалами*» (Ч. А., Джамия). В ССРЛЯ не зафиксировано.

И ш а к, кирг. *эшак* 'осел': «Изнывающие от зноя *ишаки* лениво бродили у берега, не отваживаясь отойти от реки» (Н. Б., Жылдызкан); «Мне хоть на *ишаке*» (Ч. А., Прощай, Гульсары); «Не бей лошадей, *ишак!*» (Т. С., Среди гор); «Эх ты, *ишак*, — говорю, — трусливый!» (Ч. А., Тополек мой...); «Эй, *ишак*, разве у меня в хозяйстве твоя доля есть?» (Н. Б., Последний патрон). Включено в ССРЛЯ, т. 5; ранее: Норд., Сл., 1780: ишак.

К а з а н, кирг. *казан* 'котел': «Девушка взяла войлочные хваталки и, опрокинув *казан*, вывалила из него подрумнявшиеся лепешки» (Дж. М., Мать. — ЛК, 1968, № 2); «Ведь умный человек всегда смотрит в огонь, и только глупый заглядывает в *казан*» (Н. Ч., Семиречье); «Говоря так, Салима быстро и ловко разожгла огонь под *казаном*» (Ш. Б., Сын Сарбая). Включено в ССРЛЯ, т. 5, ранее: Норд., Сл., 1780: казан — тюрк.

К а й м а к, кирг. *каймак* используется не только в литературном языке, но и в устной речи местных жителей: «В руках у меня выдавшая виды берданка, на левом боку охотничья сумка, в которой вместо подстреленных какликов — бутыл с козьим молоком и литровая банка

каймак) (А. С., Под небом юга); «Расцеловав брата, она усадила его на почетное место, расстелила и поставила пышные боорсоки и *каймак*» (С. Дж., Из леса в лес. — ЛК, 1968, № 1); «Эх, вот это настоящая женщина! Прямо *каймак*, — подумал он» (Т. С., Среди гор). Включено в ССРЛЯ, ранее: Сл. Акад., 1847: каймок — тюрк.

Камча, кирг. *камчы*: «Наказывать тебя надо, *камчой* бить...» (Ч. А., Джамия); «Осмон вскочил на коня, ударил его *камчой* и покакал прочь» (Н. Ч., Семиречье). Включено впервые в ССРЛЯ, т. 5.

Карагач, кирг. *кара жыгач*, русские названия карагача (вяз, берест) абсолютно не приняты: «Здесь и полынь мне к сердцу прикипела, моим дубам сродни *карагачи...*» (С. Ф., Ливень. Ф., 1964); «Как будто нарисованы на туче, застыли в небе три *карагача*» (Н. И., Сусамыр); «...как кора столетнего *карагача...*» (Н. И., Когда горит сердце. Ф., 1961). Включено в ССРЛЯ, ранее зарегистрировано в Сл. Акад., 1792: карагач; Сл. Акад., 1847: карагач — тюрк.

Кеклик, кирг. *кекилик* 'каменная куропатка'. Русский эквивалент полностью вытеснен словом «кекилик», широко известным благодаря объявлениям в газетах об открытии и закрытии охотничьего сезона: «В силки часто попадались *кеклики*, и каждая такая удача переполняла грудь Каныбека радостью и гордостью» (К. Дж., Каныбек); «*Кеклики*, путаясь в траве, удирали от людей» (М. Дж., Там, где теплый синий Иссык-Куль. — ЛК, 1968, № 3). В ССРЛЯ не включено.

Кесе, кирг. *кесе* 'большая чашка'. В литературе встречается очень часто: «А у нас на Иссык-Куле джарма. Выпьешь в жару большую *кесе* и целый день пить не хочется» (А. С., Лето в Кемине, Ф., 1958); «Ну-ка, налей еще по одной *кесе*» (Т. С., Темир); «...Татыбек разлил его по *кесе* и подал матери и сестре, а себе наливать не стал» (Н. Б., Жылдызкан). В ССРЛЯ не включено.

Кетмень, кирг. *кетмен* 'орудие труда в поле, на огороде': «...никто в колхозе не видел в руках Бокобая ни *кетменя*, ни граблей» (Н. Б. Сам виноват. Ф., 1958); «...словом, прочно держала в руках *кетмень*» (Ч. А., Джамия). Зарегистрировано и в СИС, 1949: кетмень — тюрк.

Кийик/киик кирг. *кийик* 'все раздельнокопытные дикие животные, кроме свиньи'. Казахи называют так дикую козу⁵. Очень популярно в литературе: «Годовалый *киик* с едва обозначившимися рожками попал в капкан передней ногой» (Ш. Б., Сын Сарбая); «Пятки-то у тебя, смотри-ка, растрескались, стали похожи на копыта *кишка*» (Ш. Б., Сын Сарбая). В ССРЛЯ не включено.

Кишлак, кирг. *кыштак* 'селение'. В населенных пунктах Киргизии, в том числе и в кишлаках, представители разных национальностей живут смешанно, что способствует усвоению этого слова русскими. Оно популярно в литературе: «На рубеже нового века Игемберды поселился на жительство в *кыштаке* Таш-Тюбе» (Н. Ч., Семиречье); «Сердце рвалось в свой *кыштак*, к друзьям детства» (Т. С., Люди наших дней. Ф., 1949); «Он вспомнил, как в *кыштак* зимой приехала кинопередвижка» (Ш. Б., Сын Сарбая). Включено в ССРЛЯ, т. 5. Ранее: в Сл. Акад., 1909: кишлак.

Комуз, кирг. *комуз* 'трехструнный щипковый музыкальный инструмент'. Изготовлением комузов теперь заняты и русские: «Играй, *комуз*, отрада гор киргизских» (С. Ф., Ливень); «Вслед за певцом состязались в виртуозной игре на *комузах* веселые комузчи» (Н. Ч., Семиречье); «*Комуз* пел о том, что скоро солнце скроется за холмами, синяя

⁵ Х. Махмудов, Г. Мусабаев. Казахско-русский словарь. Алма-Ата, 1954, стр. 211.

прохлада бесшумно побежит по земле» (Ч. А., Тополек мой...). В ССРЛЯ не включено.

Кумыс, кирг. *кымыз*: «На намаз я ездил, напившись *кумыса*» (Т. С., Среди гор); «Байбиче перелила *кумыс*, шумно взболтав его...» (Т. С., Среди гор). Включено в ССРЛЯ, т. 5; ранее: Срез. кумызъ. Сл. Акад., 1847: кумыс — от тюрк. *кымыз*.

Курай, кирг. *куурай*, одно из наиболее употребляемых слов: «Я вздохнул и принялся собирать *курай*, складывая его охапками возле плуга» (Ч. А., Верблюжий глаз. — В кн.: «Повести гор и степей». М., 1963); «Когда курю твой табак, чувствую запах сухого *курая*, которым по вечерам топят печи в нашем аиле» (М. Бай., Тропа. — ЛК, 1966, № 6); «Будь же ты незабвенен, синью тронутый край, и горячие камни, и колючий *курай*» (С. Ф., Ливень); «Как подобает взрослым, я доила коров, овец, собирала кизяк, *курай*» (С. С., Жизнь старшей сестры). Включено в ССРЛЯ; ранее у Даля, Сл.: курай — тюрк.

Курджун 'переметная сума', очень часто встречается в литературе: «Кончал базар, — заключил Саякбай, положив в *курджун* скребилицу» (Н. Ч., Семиречье); «Я ездила по кишлакам, набив *курджуны* красными косынками» (С. С., Жизнь старшей сестры); «...как это можно уместить в маленьком брезентовом *курджуне* столбы, проволоку...» (Т. С., Люди наших дней). В ССРЛЯ не включено.

Мазар 'мавзолей, могила': «У самого *мазара*, в зарослях святого можжевельника» (Т. С., Темир); «Справа от дороги показался *мазар*, окруженный оплывшими холмиками» (С. Я., Дым очага); «Я видел его (дервиша) на *мазаре*» (К. Дж., Каныбек). В ССРЛЯ не включено.

Сузьма, кирг. *сузме* 'отцеженное кислое молоко'. Широко используется в разговорной речи: «...а женщины порастороннее, вроде его жены, успевают даже делать *сузьму*» (Ш. Б., Сын Сарбая). В ССРЛЯ отсутствует.

Суюнчи, кирг. *сүйүнчү* 'подарок за сообщение радостной вести'. Используется русскими, владеющими киргизским языком. Слово обладает высокой частотностью употребления в художественной литературе: «А приехав, подарил этого коня гонцу в знак *суюнчи*» (Т. С., Люди наших дней); «С тебя *суюнчи*... за радостную весть» (Ш. Б., Сын Сарбая); «Праздник у нас, *суюнчи* с тебя, хозяйка, — сказал председатель Байдин» (В. К., Рассказ о матери. — ЛК, 1966, № 2); «Возьму как *суюнчи* его кунью шапку» (Н. В., Последний патрон). Слово вошло в памятники русского языка, как отмечает Ф. П. Сороколетов, из тюркских языков не ранее XIV в. в виде *сеунч* «радостная весть, особенно о военной победе». На русской почве получило другое значение: *сеунч* «гонимец, вестник, принесший какую-либо весть», производные: *сеунщик*, *сеунчик*, *сеунчевати*⁶. В ССРЛЯ не включено.

Той, кирг. *той* 'пир, пиршество, празднество'. Активно используется часто в значении «свадьба»: «Большой *той* закатали! — радостно подхватил Бахматов» (А. С., Под небом юга); «Но он не только щедр, как бай на *тое*, он и как байский беркут зоркоглаз» (Н. И., Сусамыр); «Все хлопотали и сутились, готовясь к предстоящему *тою*...» (Т. С., Среди гор). Включено в ССРЛЯ, т. 15.

Шырдак 'шитый в два слоя орнаментированный войлок': «Слушай, Кычан, что я тебе скажу, — подсев к другу на уголок *шырдака*, Керез перешел на шепот» (Ш. Б., Кычан. М., 1959); «Брошенный под яблоней *шырдак*, казалось, звал прилечь на него и отдохнуть» (Н. Б., Сам виноват). В ССРЛЯ не включено.

⁶ Ф. П. Сороколетов. История военной лексики в русском языке. Л., 1970, стр. 255.

Элечек 'белый тюрбан замужней женщины': «Около большой юрты толпились нарядные девушки, молодухи, старухи в огромных *элечеках*» (К. Дж., Каныбек); «*Элечек* на голове у нее сбился» (Т. С., Люди наших дней). В ССРЛЯ не зафиксировано.

В русском языке много и других слов, отличающихся высокой частотностью употребления, проникших из периодической печати, художественной литературы, в результате речевых контактов русских с киргизами, например: *батыр* 'богатырь', *бий* 'судья, разбиравший тяжбы по обычному праву', *букара* 'простолюдины, чернь', *досторкан* 'праздничная скатерть, яства', *дежканин* 'крестьянин', *келин* 'невестка, молодуха', *кементай* 'род бурки', *кереге* 'деревянная решетка цилиндрической части юрты', *комузчи* 'комузист', *кыяк* 'музыкальный инструмент типа скрипки', *коночок* 'ведерко из кожи', *курут* 'шарики из отжатого и засушенного творога', *максым* 'кислый напиток из дробленого ячменя', *манап* 'представитель верхушки феодально-родовой знати', *мата* 'ткань кустарного производства', *тайган* 'род борзой', *темир-комуз* 'варган', *тёр* 'передний, почетный угол', *туш-кииз* 'богато орнаментированный настенный ковер', *тундук* 'верхний круг остова юрты', *улар* 'горная индейка', *элик/илик* 'косуля' и многие другие.

Согласно нашим материалам, наиболее употребительными в художественной литературе являются следующие киргизские слова: *курджун* (встретилось 21 раз), *аксакал* (20), *достаркан*, *кыштак*, *тундук* (17), *башкарма* (14), *джайлоо*, *джарма*, *ширдак* (12) и т. д.

Поэты и прозаики постоянно прибегают к художественным изобразительным средствам, сравнениям, олицетворениям, метафоре и в этих целях используют названия предметов и понятий окружающей природы и быта киргизов. Это способствует росту частотности употребления многих слов. Приведем несколько примеров: «Мырзабек, как испуганный *архар*, вскочил и поспешил к лошади» (Т. А., Сын Мамбеткула. — В кн.: «Тайна мелодии». Ф., 1958); «Открытой осталась только спина Ахмата, желтая и сухая, как *арча*» (К. О., Пережитое. Ф., 1959); «А осенью начали ветры *байгу*» (С. Э., Поэма о любви); «От любви своей не беги, как от волка робкий *кулан*» (К. А., Любовь и финиш. Ф., 1960); «Как *кулан*, я тревожно метался во мгле, я с волнением искал к новой жизни дорог» (Дж. Б., Пустыня жизни. Избранное. Ф., 1958); «Словно с высокого неба ночного льется на сонную землю кумыс (С. Э., О любви и о луне. — В кн.: «Весенние цветы». Ф., 1958); «Но она все еще была стройна, как *марал*, замерший в стойке...» (К. Дж., Каныбек); «Видишь, конь красив, как *марал*?» (Дж. Б., Сон. Избранное. Ф., 1958); «С утра ничего не евши, дрожешь там, дурень, как захудалый *тайган*» (Т. С., Среди гор); «...как в седле качая, везет меня стальной *тулпар*» (Дж. Б., Паровоз. Избранное. Ф., 1958); «Паровоз *тульпаром* сказочным грохочет и по рельсам, как по воздуху, летит» (Дж. Б., Комсомольцы. Избранное. Ф., 1958); «Росла я *чинарой* над ширью твоей, куда же судьба меня нынче несет?» (С. Э., Поэма о любви).

Многие киргизские слова, вошедшие в русский язык, многозначны. Лексическая полисемия слова свойственна словарному составу любого языка. Известно, что «семантика многозначного слова развивается вместе с развитием материальной и духовной жизни общества — носителя данного языка, но происходит это в каждом конкретном языке по его собственным моделям, в рамках внутренних закономерностей, присутствующих ему»⁷.

⁷ И. С. Тышлер. О проблеме причинности лексической полисемии слов. — В кн.: «Язык и общество», вып. 2. Саратов, 1970, стр. 160.

Нельзя не согласиться с Ш. Ханбиковой, отмечающей, что при заимствовании слов из одного языка в другой очень редки случаи, когда многозначное слово проникает в язык в полном своем семантическом объеме, то есть с сохранением всех своих лексических значений⁸.

Безусловно, прав Ш. Мухамеджанов, утверждающий, что без учета полисемии слов невозможно правильное описание и характеристика заимствованной лексики⁹. Было бы совершенно недостаточным ограничиться сообщением, что то или иное слово заимствовано из киргизского языка, не отметив при этом, в каком или каких значениях оно принято в русском. Как правило, однозначные слова в любом языке, в том числе и в киргизском, встречаются достаточно редко.

Семантическое освоение киргизских слов русским языком в основном протекает в соответствии с теми закономерностями, которые обычно выявляются при изучении заимствований.

Большинство слов — наименования конкретных предметов, реалий, а такие слова чаще всего полисемантичны. Названий отвлеченных понятий значительно меньше. Как правило, имея несколько значений, слово при заимствовании используется только в одном из них. Приведем примеры, в которых слово употребляется только в одном значении.

Айттыш: 1) 'сказывание', 2) 'пререкания, препирательства', 3) 'поэтическое состязание акынов в импровизации'. В русском языке употребляется в третьем значении: «Как обычно, в числе других развлечений и игр проходили и *айттыши* между акынами» (В. В., Киргизская народная музыка).

Акын. Из пяти его значений в киргизском, в русском языке употребляется только одно — «поэт-импровизатор»: «Уже в ранние творческие годы Токтогул предстает перед нами как народный *акын*...» (М. Бог., О некоторых вопросах истории киргизской литературы XIX и начала XX в. Труды Института языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР, вып. III. Ф., 1952).

Аркан: 1) 'шерстяной или волосяной аркан', 2) 'мера длины, равная 4—5 метрам'. В русском языке используется только в первом значении: «Зуура предусмотрительно закрепила веревки, которыми была привязана дверь к *аркану*, опоясывающему юрту...» (К. Б., На берегах Иссык-Куля. Ф., 1956); «Там действительно пасся привязанный *арканом* за ногу чей-то конь» (С. С., Чокмор. — В кн.: «Дочь фабрики». Ф., 1958).

Арман: 1) 'заветная мечта', 2) 'название одного из старых стихотворных жанров киргизского фольклора'. Закрепилось в русском языке во втором значении: «Если в его ранних произведениях — бедняцких кошкоках, *арманах* и грустных лирических песнях — определяющим было... глубокое сочувствие к страданиям народа...» (М. Бог., О некоторых вопросах истории киргизской литературы XIX и начала XX в.).

Аскер: 1) 'войско', 2) 'солдат, воин'. В русском языке встречается во втором значении: «Сапаш, да ведь это не доктор, а *аскер*» (Т. С., Среди гор).

Аш: 1) 'пища', 2) 'фрукт, плод диких растений', 3) 'поминки', 4) *южн.* 'плов'. Употребляется в русском в значении — поминки: «В 1932 году в местности Бештиш Алымкул встретил на *аше* Токтогула и с тех пор сопровождал его в поездках по аплам...» (В. В., Киргизская

⁸ Ш. Ханбикова. Роль заимствований в обогащении синонимии языка. — В кн.: «Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР». М., 1969, стр. 203.

⁹ Ш. Мухамеджанов. Освоение переносных значений заимствованных русских слов в современном казахском языке. — В кн.: «Прогрессивное влияние русского языка на казахский». Алма-Ата, 1965, стр. 110.

народная музыка); «На следующий год Тюлькубек справлял *аш* по Кадырбеку» (К. Дж., Каныбек).

Б а й: 1) 'богач', 2) *уст.* 'капиталист, буржуй', 3) 'богатый, изобилующий чем-то', 4) *уст.* 'хозяин' и др. Вошло в употребление в русском только в первом значении «богач»: «В долине Чункур-Тёр, где туман особенно густ, расположен аул *бая* Куджумкула» (К. Б., Мурат. — В кн.: «Счастье». М., 1948); «Все трое направили к *баю* шаги (Т. У., Охотник Токтомуш. — В кн.: «Три легенды». Ф., 1958).

Б а к а н: 1) 'шест, которым поднимают кошмы в верхнюю часть остова юрты', 2) 'дубинка', 3) 'коромысло'. Встречается в русском только в первом значении: «Юрты нет, значит и *бакана* нет» (Т. С., Люди наших дней); «Пока женщины мучались... и держались за *бакан*, Бектур сидел на кургане» (Т. С., Люди наших дней).

Б а ш к а р м а: 1) 'управление', 2) *уст.* 'редакция', 3) *сев.* 'правление колхоза', 4) *сев.* 'председатель правления колхоза'. В русском встречается в одном, четвертом, значении: «Посевы изучает *башкарма* — в любое время дел ему хватает» (С. Э., Башкарма. — В кн.: «Весенние цветы». Ф., 1958).

Б о т о к ё з, словосочетание: 1) 'большие карие темные глаза', 2) 'незабудка'. В русском используется в первом значении: «Он смотрел в глаза мне, называя их прекрасным словом *бото кёз*» (Н. И., Сусамыр).

Б у к а р а: 1) 'подданный', 2) *уст.* 'простолюдин', 3) *уст.* 'пришлый'. В русском встречается во втором значении: «"Степное положение" об управлении киргизами еще больше упрочило власть манапов над *букарой*» (З. Р., Семафоры в пустыне. — В кн.: «Первое десятилетие». М., 1957).

Д ж а р м а: 1) 'отщеплённый, щепка', 2) 'крупное толокно', 3) 'пohлебка из дробленого жареного зерна'. В русском встречается в последнем значении: «Дрожащими руками отвинтил он крышку, налил в нее горячую... *джарму* и стал пить Джакыпа» (К. Б., На берегах Иссык-Куля); «...Я стал пастухом, летом и зимой питался холодной просяной болтушкой-*джармой*» (К. Б., Некоторые предложения г-ну Пойнтону. — В кн.: «Счастье». М., 1948).

Д ж а р ч и. Имеет прямое и переносное значение, встречается только в прямом — «глашатай»: «Весть дошла до старого и малого, словно крылатый *джарчи* промчался по улицам...» (Т. С., Люди наших дней).

Д ж а т а к: 1) 'место лежания, ночлег', 2) 'логово, берлога', 3) *уст.* 'постоянное жилище', 4) то же, что *жатаккана*, 5) 'бедняк, не имеющий скота и вынужденный проводить лето на зимовке'. Употребляется в русском языке в последнем значении: «Что мы *джатаки*, что ли, чтобы не кочевать на джайлоо? (Т. С., Среди гор).

Д ж е й р а н: 1) 'рыжий', 2) 'газель'. Вошло в русский во втором значении: «*Джейраны* подошли к самому краю поля и остановились как вкопанные» (Ч. А., Верблюжий глаз).

Д ж о л д о ш: 1) 'спутник', 2) 'товарищ', 3) 'супруг', 4) 'форма обращения «товарищ»'. Встречается в русском только в одном, четвертом, значении: «И мы исполним, *джолдош* председатель! — за всех ответил Акман» (Т. С., Люди наших дней).

Д ж ю к: 1) 'груз, вьюк', 2) 'сложенные стопкой постельные принадлежности', 3) 'свободное пространство в игре', 4) 'место, с которого начинаются некоторые игры'. В русском встречается только во втором значении: «Гость неторопливо опустился на сложенный вчетверо кол-

делен, долго устраивался и, наконец, уселся, прислонившись к *джюку*» (Т. С., Среди гор).

По сути дела, в русском языке это слово не имеет точного эквивалента за отсутствием самой реалии. Слово «стопка» не адекватно понятию *джюк*. У хорошей киргизской хозяйки насчитывается до 30—40 одеял, не считая подушек.

Кендырь, кирг. *кендир*: 1) 'конопля обыкновенная', 2) 'веревка конопляная'. Слово заимствовано в первом значении: «Появились поля пшеницы, сахарной свеклы, хлопчатника, *кендыря*, люцерны...» (Б. Л., Беседы по географии Киргизии. Ф., 1951).

Кербез: 1) 'чванливый', 2) 'франт, щеголь', 3) 'название мелодии'. В русском употребляется в третьем значении: «Уже прикованный к смертному одру, Токтогул просит комуз и слагает *кербез*...»; «Звени, *кербез*, ты песнь моя, пусть память родичей живет» (В. В., Киргизская народная музыка).

Карын: 1) 'живот, желудок', 2) 'кутырь, т. е. желудок коровы или овцы, употребляемый в качестве сосуда для хранения топленого масла или сала'. Используется в русском только во втором значении: «Но когда Бурулча собственноручно поставила на стол объемистый *карын* с маслом, сам Джапар не выдержал...» (К. Б., На берегах Иссык-Куля).

Кокчай: 1) 'зеленый чай', 2) 'материнка, душица'. Встречается в русском в первом значении: «Вставал,пил крепкий остуженный *кокчай* и снова ложился с тяжелым сердцем» (А. С., Под небом юга).

Кошегё: 1) 'занавес у постели', 2) *южн. тушкийиз*, 3) 'театральное действие'. В русском употребляется только в одном, первом значении: «Мама мне вместо белого платья шьет *кошегё* из белого шелка» (С. А., Я не всегда одинакова. — ЛК, 1968, № 3).

Курбаши, кирг. *корбашы*: 1) *ист.* 'наименование местной полиции в Кокандском ханстве', 2) 'предводитель басмачей'. В русском известно только во втором значении: «По тому, как распорядился он, понял Арстаналы, что это *курбаши*» (Ю. О., Революцией призванные. — ЛК, 1966, № 3); «Но один из умирающих басмачей сказал, как он собственными глазами видел раненого *курбаши*...» (А. С., Под небом юга).

Мазар: 1) 'могила, кладбище', 2) 'священное место паломничества', 3) *этно.* 'священное дерево', 4) *перен.* 'мать (при выражении большого почтения, преклонения)'. В русском используется в первом значении: «Но за старым *мазаром* он наткнулся на Кожалана, видимо, специально там кого-то поджидавшего» (Ш. Б., Кычан).

Малай: 1) 'наемный рабочий, используемый для домашней работы', 2) 'прислужник'. Встречается в русском в первом (прямом) значении: «Богача ненавидит *малай*. Как с *малаем* обходится бай?» (К. Дж., Каныбек); «Ему не говорят теперь *малай*. Не назовет его *малаем* бай» (А. Т., Сирота Эшим. Избранные стихи, поэмы. М., 1958).

Мерген: 1) 'охота', 2) 'охотник'. В русском употребляется во втором значении: «Кушай, *мерген*! — говорила чон-апа. — Твои кеклики уже разлетелись» (А. С., Под небом юга).

Сырт: 1) 'внешняя сторона, внешность', 2) 'периферия', 3) 'тыльная сторона', 4) 'высокогорное плато, долина'. Используется в русском в последнем значении: «По *сыртам* и по ущельям сорок лет мы счастье сеем» (Аб. Ток., Марш победы. — В кн.: «Песни Ала-Тоо». Ф., 1958); «С далеких *сыртов* приехали мы с приглашением на той» (С. Э., Поэма о

любви); «До свиданья, раздолжный *сырт*» (К. Б., На берегах Иссык-Куля).

Тундук: 1) 'ночной, длительностью в одну ночь', 2) 'ужин', 3) *сев.* 'северный', 4) 'верхний деревянный круг остова юрты'. В русском встречается только в последнем значении: «...свежий утренний ветерок прошел через *тундук* в дверь...» (Ш. Б., Сын Сарбая); «Луна засмотрелась в открытый *тундук*» (Н. И., Сусамыр).

Чыгдан: 1) 'загородка из чия в женской половине юрты', 2) 'загородка, которой огораживается покойник до похорон', 3) *юж.* 'циновка из чия, стебли которого обмотаны цветными нитками'. В русском употребляется только в первом значении: «...возьми в *чыгдане* куурдак, поешь и разотри мне поясницу» (М. Бай., Тропа).

Как видно из примеров, киргизские слова проникают в русские тексты обычно в одном из прямых значений, но в отдельных случаях слово заимствуется и в переносном значении. Например, слово *тамыр* имеет в киргизском языке два прямых значения: 1) «корень», 2) «кровеносный сосуд» и два переносных: 1) «друг, приятель, побратим», 2) «любовник, любовница». В русский язык вошло это слово в первом переносном значении — «друг, приятель, побратим»: «В лице многих русских, посещавших Киргизию, киргизы видели *тамыра*...» (В. В., Киргизская народная музыка).

В русском языке встречается немногочисленная группа киргизских слов, имеющих два и более прямых значения:

Басмач, кирг. *басмачы*. Из трех имеющихся значений в русском употребляется в двух: 1) *ист.* 'басмач', 2) 'бандит': «Через несколько месяцев наш батальон попал в окружение *басмачей*» (С. С., Жизнь старшей сестры); «Давай хлеба! Давай, грабитель, *басмач*» (Ш. Б., Сын Сарбая).

Батыр, кирг. *баатыр*. В русском используется в двух значениях: 1) 'богатырь, храбрец', 2) 'как форма обращения, иногда шутливая, к парню, малышу': «Что этот голодранец тут кривляется? Какой *батыр* нашелся!» (Т. С., Среди гор); «Ах ты, маленький *батыр*!» (К. Б., На берегах Иссык-Куля).

Дасторкон: 1) 'скатерть', 2) 'стол с яствами'. В русском употребляется в обоих значениях: «Как только перед Бердыбаем разостлали *дасторкон*, снаружи раздался конский топот...» (Т. С., Среди гор); «У меня есть дом, семья, *дасторкон* и ночлег» (Ч. А., Тополек мой в красной косынке); «Меня усадили за *дасторкон*» (С. Т., Отец. — ЛК, 1965, № 3).

Джене: 1) 'жена старшего брата', 2) 'тетушка', 3) 'старшая родственница невесты'. Используется в русском в двух первых значениях: «Она любила свою *джене*» (М. Г., Первый бал Наташи Ростовской. — ЛК, 1966, № 1); «*Джене* сочувственно и лукаво взглянула на Темира» (Т. С., Темир).

Джигит: 1) 'парень, молодой мужчина, молодец', 2) 'жених', 3) *ист.* 'низший служащий при должностном лице', 4) *ист.* 'член ханской или богатырской дружины, личной охраны'. Используется в русском в трех значениях (1, 2, 3): «...баба, а лучше любого *джигита* с делом справляется» (К. Б., На берегах Иссык-Куля); «Я найду *джигита*, равного себе. Лучше не уговаривай, позабудь о своих свахах! — говорила она (Зейна) матери» (Т. С., Среди гор); «Жакуб-хан и его *джигиты* до полусмерти избили старуху и Кубегена...» (К. Б., Ажар. — В кн.: «Счастье». М., 1948).

Келин: 1) 'сноха, невестка (жена сына)', 2) 'молодуха'. Используется в русском в обоих значениях: «Ты все спешил увидеть *келин*. Вот она» (К. Б., На берегах Иссык-Куля); «Наполненные пиалы разносила *келин* в красном платье» (Т. С., Среди гор). В последнем предложении слово *келин* употреблено в значении «молодуха».

Тулпар: 1) *миф*. 'крылатый конь, сказочный скакун', 2) 'боевой конь, выдающийся скакун', 3) переносное значение — «богатырь». В русском языке используются оба прямых значения: «*Тулпар* за тридцать земель отыщет свой косяк» (Ч. А., Джамия). Обычно в тексте значения дифференцируются орфографически: в первом значении тулпар пишется с прописной буквы, во втором — со строчной.

Во всех приведенных выше примерах проникшие в русский язык киргизские слова семантически адекватны своим киргизским прототипам. Однако в ряде немногочисленных случаев значение заимствованного слова расходится со значением киргизского прототипа, например: *саман* в киргизском языке обозначает «солома», тогда как в русском — это «кирпич-сырец, изготовленный из глины с примесью навоза, соломы или каких-то волокнистых материалов» (ССРЛЯ, т. 13). В русском языке слово приобрело более широкое значение по сравнению с киргизским прототипом.

Введение в текст киргизского слова, при наличии соответствующего его синонима в русском языке, объясняется в ряде случаев еще тем, что русский синоним зачастую более объемный и отвлеченный по значению, нежели заимствованное киргизское слово. Приведем несколько примеров.

Казалось бы, введение в русские тексты непереведенного слова *джоолук* ничем не оправдано, ибо в русском языке имеется его эквивалент — «платок». Но *джоолук* — это не всякий платок, а только головной убор замужней женщины и чуть ли не эмблема замужества.

Слово *закет* (*зекет*) синонимично русскому «налог», однако значение последнего значительно шире и отвлеченнее: под словом *закет* понимается конкретный вид налога (налагаемый на скот). Кроме того, русский синоним лишен оттенка архаичности, тогда как *закет* является уже историзмом.

Слово *зиндан* не полностью соответствует понятию, выражаемому словом «тюрьма». Это особый вид тюрьмы-ямы, в которую бросали заключенных, и в то же время само место заключения, то есть в какой-то мере семантика этого слова совпадает со значением слова «тюрьма». Если бы эти слова были адекватными, обозначающими идентичные понятия, то киргизский язык не заимствовал бы из русского слово «тюрьма» (*түрмө*), а *зиндан* не стало бы историзмом.

Слово *кайни* соответствует русским «деверь» и «шурин», разница заключается в возрастных особенностях: *кайни* всегда моложе того, кто его так называет.

Слово *жаро* и *шерне* — оба соответствуют понятию, выражаемому в русском языке словом «компания». Однако объем значений слова «компания» шире и знаменует родовое понятие, причем более абстрактное, чем *жаро* и *шерне*, которые обозначают виды специализированных компаний в зависимости от угощения.

Подводя итоги сказанному о семантическом освоении киргизских слов русским языком, можно отметить следующие закономерности:

1. Абсолютное большинство заимствованных киргизских слов используется русским языком в одном из имеющихся значений, как пра-

вило, в прямом значении, то есть киргизские слова заимствуются как однозначные, их семантический объем сужается. Таким образом, при заимствовании обычно усваивается не вся смысловая структура слова, а только ее часть.

2. Заимствование переносного значения слов является редким исключением.

3. Слова, заимствованные с двумя и большим количеством значений, немногочисленны.

4. Очень редкие заимствованные слова обнаруживают семантический отрыв от прототипа.

5. Иногда, казалось бы, заимствованное киргизское слово можно перевести или заменить русским эквивалентом, однако неадекватность их семантических нагрузок этого сделать не позволяет, ибо одно из этих слов обозначает понятие более узкое и конкретное, другое — более широкое и отвлеченное.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

<i>Аб. Ток.</i> — А. Токтомушев	<i>Н. И.</i> — Н. Имшенецкий
<i>А. Г.</i> — А. Головова	<i>НМ</i> — «Новый мир»
<i>А. С.</i> — А. Сальников	<i>Норд.</i> — Нордстет
<i>А. Т.</i> — А. Токомбаев	<i>Н. Ч.</i> — Н. Чекменов
<i>Б. Л.</i> — Б. Лунин	<i>О. С.</i> — О. Султанов
<i>В. В.</i> — В. Виноградов	<i>С. А.</i> — С. Акматбекова
<i>В. К.</i> — В. Корчагина	<i>С. Дж.</i> — С. Джусуев
<i>Дж. Б.</i> — Дж. Боконбаев	<i>СИС</i> — Словарь иностранных слов
<i>Дж. М.</i> — Дж. Мавлянов	<i>СК</i> — «Советская Киргизия»
<i>ДН</i> — «Дружба народов»	<i>Срез</i> — Срезневский
<i>Д. О.</i> — Д. Орешкин	<i>С. С.</i> — С. Сасыкбаев
<i>З. Р.</i> — З. Рихтер	<i>ССРЛЯ</i> — Словарь современного русского литературного языка
<i>К. А.</i> — К. Акаев	<i>С. Т.</i> — С. Токтосунов
<i>К. Б.</i> — К. Баялинов	<i>С. Ф.</i> — С. Фиксин
<i>К. Бер.</i> — К. Беренс	<i>С. Э.</i> — С. Эралиев
<i>К. Дж.</i> — К. Джантошев	<i>С. Я.</i> — С. Ярошенко
<i>К. М.</i> — К. Маликов	<i>Т. А.</i> — Т. Абдумомунов
<i>К. О.</i> — К. Осмоналиев	<i>Т. С.</i> — Т. Сыдыкбеков
<i>ЛК</i> — «Литературный Киргизстан»	<i>Т. У.</i> — Т. Ументалиев
<i>М. Б.</i> — М. Борбугулов	<i>Ф</i> — Фрунзе (город)
<i>М. Бай</i> — М. Байджиев	<i>Ч. А.</i> — Ч. Айтматов
<i>М. Бог.</i> — М. Богданова	<i>Ш. Б.</i> — Ш. Бейшеналиев
<i>М. Г.</i> — М. Гапаров	<i>Энци. лекс.</i> — Энциклопедический лексикон
<i>М. Дж.</i> — М. Джангазиев	<i>Ю. О.</i> — Ю. Осмонбеков
<i>М. Т.</i> — М. Токобаев	
<i>Н. Б.</i> — Н. Байтемиров	

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

А. Х. АБДУГАФУРОВ

О «РИСОЛАИ ХУСАЙН БОЙҚАРО»

«Рисолаи Хусайн Бойқаро» («Трактат Хусейна Байкары») впервые в нашей стране был издан в 1966 году¹.

«Трактат» представляет научную ценность не только потому, что это пока единственное известное нам прозаическое произведение Хусейна Байкары, но и потому, что в нем содержатся документальные сведения об Алишере Навои и его творчестве. Хусейн Байкара говорит о Навои с искренней симпатией, высоко отзывается о его выдающемся поэтическом даре и подчеркивает большую роль поэта в развитии литературы на тюрки. Особенно высокую оценку дает Хусейн Байкара «Хамсе» Навои.

«Трактат» Хусейна Байкары уже стал достоянием узбекского литературоведения, но специальных исследований ему не посвящалось. Поэтому мы считаем возможным остановиться на нем несколько подробнее.

О дате написания «Рисолаи Хусайн Бойқаро». 1. В предисловии к узбекскому изданию «Трактата» Г. Араслы пишет: «Дата создания трактата еще не уточнена. Поскольку в нем речь идет о «Хамсе» Навои и говорится о Джами, как здравствующем, можно полагать, что он написан между 1485 и 1492 годами».

Если внимательно читать текст трактата, то по отдельным деталям можно уточнить время его создания.

Говоря о мастерстве Навои как поэта, Хусейн Байкара подчеркивает, что его выдающийся талант проявился не только в созданных им месневи (имеется в виду «Хамса»), но и во всех других жанрах восточной поэзии того времени. В частности, он восторженно отзывается об одном из диванов Навои:

«...не девон, оллоҳ, оллоҳ, жунгеким, софий алфоздин тўла гавҳар бўлғай ва сипеҳр авроқиким, пок маонийдин мамлу ахтар бўлғай:

Дема девон, гаму дард аҳлига офат де они.

Куймаку шуўлаи гам бирла қиёмат де они!»²

«Что за диван, о, боже, боже! Это — сборник, полный прекрасных стихов-жемчужин (букв.: чистых слов); это — страница небосвода, заполненная звездами девственных мыслей:

¹ «Рисолаи Хусайн Бойқаро». — «Ўзбек тили ва адабиёти», 1966, № 3. Публикация академика АН Азерб. ССР Г. Араслы. В предисловии Г. Араслы писал, что им использовано фотофаксимиле трактата, подготовленное турецким ученым Исманлом Хикметом и изданное Стамбульским университетом в 1945 году.

² «Ўзбек тили ва адабиёти», 1966, № 3, стр. 11—12.

Не называй его (просто) диваном, скажи, что это (лавина) беды, горя, обрушивающаяся на людей печали, страданий (т. е. на влюбленных), Сжигающим пламенем печали, днем страшного суда, — назови его³.

Этот отрывок чрезвычайно важен для уточнения года написания «Трактата», ибо Хусейн Байкара имеет здесь в виду первый диван, составленный самим поэтом. На это же указывают и те места «Трактата», где говорится о *фихрасте-дебоcha* (предисловии) самого Навои к дивану, в котором он называет жанры включенных им в диван стихов³. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что в данном случае имеется в виду именно первый официальный диван Навои «Бадоеъ ул-бидоя» («Редкости начала»), составленный поэтом приблизительно в 1473—1475 гг. после вступления Хусейна Байкары на престол Хорасана (1469). Этот диван Навои оставался единственным до 1486 г., то есть до времени создания второго официального дивана — «Наводир ан-нихоя»⁴ («Диковины конца»). Именно в предисловии к «Бадоеъ ул-бидоя» Навои говорит о жанровых особенностях включенных в диван стихов⁵.

Следовательно, «Рисолаи Хусайн Бойқаро» был создан в то время, когда Навои закончил свою знаменитую «Хамсу» (которая упоминается в «Трактате»), и поэт имел тогда единственный им же составленный диван — «Бадоеъ ул-бидоя». Таким образом, «Трактат» мог быть написан в период между началом 1485 года (когда была закончена «Хамса») и серединой 1486 года (когда появился второй диван Навои).

2. В «Рисолаи Хусайн Бойқаро» определенное место отводится и творчеству Абдурахмана Джами. Автор отзывается о нем, как о человеке редчайшего поэтического дарования и большого ума, создавшем множество замечательных произведений. В четырех стихотворных строках, посвященных Джами, Хусейн Байкара сообщает, что Джами также работает над «Хамсой» («в размере и весомости «Пятериц» Низами и Хосрова»). Однако в «Трактате» нет утверждения, что Джами закончил свое монументальное произведение. Завершение его, несомненно, явилось бы значительным событием в культурной и литературной жизни Герата, и Хусейн Байкара не мог бы не отметить этого, хотя бы потому, что из пяти поэм Джами три посвящены самому Хусейну Байкаре и тем более что в «Трактате» значительное место отведено сообщению об аналогичном событии — завершении «Хамсы» Навои. Отсюда можно заключить, что «Рисолаи Хусайн Бойқаро» написан до завершения Джами пятой поэмы — «Хирадномаи Искандари» («Книга мудрости Искендара»). Поэт закончил свою «Хамсу» в том же 1485 г. (890 год хиджры), только на несколько месяцев позже «Хамсы» Навои.

Исходя из этих фактов, можно с известной долей уверенности предположить, что «Рисолаи Хусайн Бойқаро» написан в 1485 г. или еще точнее — в середине этого года, то есть тогда, когда Навои уже закончил «Хамсу», а Джами еще не завершил свою «Хамсу»,

³ «Ўзбек тили ва адабиёти», 1966, № 3, стр. 12.

⁴ Иззат Султан считает, что этот диван был составлен Навои после завершения «Хамсы» (см. «Навойнинг қалб дафтари». Тошкент, 1969, стр. 346). Как утверждает другой исследователь лирики Навои — Х. Сулейман, во второй диван включены и стихи, относящиеся к 1486 г. (см. Предисловие к «Хазойин ул-маоний». Тошкент, 1959, стр. X). Следовательно, можно полагать, что «Наводир ан-нихоя» составлен в 1486 г.

⁵ См.: *Алшиер Навоий*. Хазойин ул-маоний. Нашрга тайёрловчи Ҳамид Сулаймон. Том IV «Фавойид ул-қибар». Тошкент, 1960, стр. 770.

получившую впоследствии широкую известность, после добавления еще двух поэм, под названием «Хафт авранг» («Семь престолов»).

3. Алишер Навои преподнес «Хамсу» султану Хусейну Байкаре, который был этим крайне доволен, справедливо считая столь гениальное произведение на родном ему языке выдающимся событием в культурной жизни того времени. Хусейн Байкара пишет, что Навои своей «Хамсой» «влил душу и кровь в мертвое тело турки». Под впечатлением только что прочитанной поэмы он дает высокую оценку произведению поэта в своем «Трактате».

«...Ва алҳақ, чун бу ҳумоюн фурсатда ва бу рузафзун давлатда (Навоий. — А. А.) «Хамса» панжасига илик урди ва анинг итмомига жаҳд келтурди...»⁶ «...И в действительности, в это радостное счастливое время всерастущего блага и могущества (Навои) взялся за «Хамсу» и закончил ее...»

Это высказывание подтверждает наше предположение о том, что «Трактат» был написан Хусейном Байкарой вслед за завершением Навои «Хамсы», то есть в 1485 г.

Алишер Навои о «Рисолаи Хусайн Бойқаро». В историко-литературных источниках прошлого нет упоминания о данном «Трактате». Возможно, он не получил в свое время широкого распространения. Биографы Алишера Навои тоже обходят его молчанием. Даже Хандамир, составивший перечень посвященных Навои трудов и художественных произведений, не упоминает о «Трактате». С нашей точки зрения, это объясняется, по-видимому, тем, что «Рисолаи Хусайн Бойқаро» не целиком посвящен Навои. Основное содержание его составляет рассказ автора о своих деяниях. Нередко в преувеличенных тонах Хусейн Байкара прославляет благополучие и процветание своего государства. В этом же тоне самовосхваления он пишет о Джами и Навои, утверждая, что только в его царствование культура и литература достигли расцвета, что под его покровительством живут и творят такие выдающиеся поэты, как Джами и Навои... Об основном содержании «Трактата» Навои писал: «...*Рисолаки, ўз камоҳий ҳолатлари кайфиятида гузориш сурати тутунтур...*»⁷ «...Трактат, в котором полностью изложили свое состояние, положение...»

Вместе с тем в «Трактате», как уже упоминалось, дается высокая оценка личности и творчества Алишера Навои. И поэт, конечно, не мог остаться равнодушным к этим искренним и лестным для него высказываниям султана. Г. Араслы в предисловии приводит отрывок из «Мухокамат ал-луғатайн» («Суждение о двух языках»), в котором Навои упоминает о трактате, указывая на его принадлежность перу Хусейна Байкары:

«...алқобимни юқори адо қилдимки, — не унвон била сабт қилдиларки, — мукаррар қилмоқ ҳожат эрмас...»⁸ «...и нет надобности поминать снова, сколь высокими званием наделили меня милостивые речи их, ибо имена-титулы эти я приводил выше...»

Отсюда можно заключить, что кроме приведенного Г. Араслы отрывка, у Навои имеются и другие высказывания о «Трактате». И действительно, в другом месте того же произведения Навои дает более детальную оценку «Рисолаи Хусайн Бойқаро», не без гордости цитируя

⁶ «Ўзбек тили ва адабиёти», стр. 11.

⁷ *Алишер Навоий*. Асарлар, т. 14. Тошкент, 1967, стр. 127.

⁸ «Ўзбек тили ва адабиёти», стр. 7.

отдельные отрывки из него. Так, например, Хусейн Байкара посвятил Навои четверостишие, в котором, выражая свое восхищение произведениями поэта, называет его «полководцем-героем, победоносным завоевателем страны художественного слова» и награждает титулом «соҳибқирон», то есть «обладатель счастливого сочетания звезд»:

^А
 «Эрур суз мулкининг кишварситони,
 Қаю кишварситон — хусрав нишони.
 Дема хусрав нишонким, — қаҳрамони,
 Эрур гар чин десанг — соҳибқирони»⁹

'Он является властителем страны слов,
 Нет, не властителем, а царем (её),
 Но не называй его и царем — он герой (её),
 А если хочешь знать истину, то он — обладатель
 счастливого сочетания звезд (страны слов)'.

Алишер Навои, имея в виду эти строки «Трактата», писал:

«...Ва султон ус-салотинки, ...олий мажлисда фасоҳат ва балоғат аҳли натоийжи табъидин ҳар не мазкур бўлса мушорун шайх бу ҳақирни қилур эрдилар. Ва ул миқдор бу туфроғнинг (Навоийнинг. — А. А.) рутбасин фалакка еткуруп ва онча бу зарранинг (Навоийнинг. — А. А.) поясин қуёшдин ошуруп эрдиларким, ўзларининг хуришд файз табъларидин зуҳур қилгон рисолаки, — ўз гавҳаррез қаламларидин ниғориш топибдур ва ўз камоҳий ҳолатлари кайфиятида гузориш сурати тутупдур, бу байри бандаларини назм тариқининг борча навъида таърифлар битиб, соҳибқиронлик лақаби била сарафроз қилибдурлар ва бемисл ва анбозлиг васфи била мумтоз этибдурлар...»¹⁰

«...Султан султанов.., когда в высоких собраниях заходила речь о наименованиях и правилах, употребляемых среди этого круга людей, большей частью обращался ко мне, недостойному, и если обсуждалось что-либо из плодов дарования мужей красноречия и прекраснословия, высшим авторитетом признавал меня, смиренного. И славу праха моего так вознес к небесам, а частицы его возвысил до самого солнца, и из его дарований, по богатству своему схожих с солнцем, изшел «Трактат», который был изображен его собственным каламом, рассыпающим перлы; и в нем прославил своего давнего слугу во всех видах стихосложения и нарек мне прозвище «обладатель счастливого сочетания звезд» и назвал меня бесподобным и избранным»¹¹.

Этот отрывок представляет исключительный интерес не только потому, что в нем излагается отношение Навои к «Рисолаи Хусайн Бойкаро», но также и потому, что это один из первых отзывов об этом произведении.

О четырех ранее неизвестных бейтах Навои. В литературном наследии Алишера Навои особое место занимает стихотворное послание Саййиду Хасану Ардашеру — его близкому другу и наставнику, озаглавленное «Маснавий». Оно представляет собой реалистическое описание трудного положения Хорасана 60-х годов XV в. и содержит немало биографических сведений.

«Маснавий» привлекло внимание ряда исследователей творчества Навои — А. Шарафуддинова, Е. Э. Бертельса, В. Захидова, И. Султанова, А. Хаитметова и др. Написанное еще в 1467 г., это произведение однако не было включено в первые два дивана Навои («Бадоеъ ул-бидоя» и «Наводир ан-ниҳоя»). Оно стало известным благодаря «Фаройиб ус-сифар», то есть по первому дивану знаменитого собрания лирических произведений поэта «Хазойин ул-маоний», составленному после 1492 г.

⁹ «Ўзбек тили ва адабиёти», стр. 12.

¹⁰ Алишер Навоий. Асарлар, т. 14. Тошкент, 1967, стр. 127.

¹¹ Перевод А. Малеховой. См.: Алишер Навои. Сочинения, т. X. Ташкент, 1970, стр. 133.

В данном случае для нас «Маснавий» представляет интерес в связи с тем, что в «Рисолаи Хусайн Бойқаро» цитируется большой отрывок из него, имеющий непосредственное отношение к той части «Трактата», где Хусейн Байкара пишет о таланте поэта. В этом отрывке Навои с гордостью говорит о своем поэтическом даре, о том, что он ощущает в себе силы для создания в короткий срок произведения такого же масштаба, что и «Шахнамэ» Фирдоуси. Приведем четыре бейта из этого произведения:

*«...Не «Шоҳнома»ким, «Хамса» га урсам ал!¹²
Анинг панжаси сори еткурсам ал
Умидим буқим, айлабон фатҳи боб,
Қўлум бергай ул панжага тоғи тоб.
Ўттуз йилки, они Низомий демиш,
Қошимда эрур икки-уч йиллик иш.
Қачон они дер базмини тузгамен?!
Демакни халойиқга кўргузгамен?!»¹³*

«...И не только «Шахнамэ». Если я возьмусь за «Пятерицу» И протяну руку к ней, Надеюсь, главу за главой покорю ее, И рука моя выдержит такой труд. Низами тридцать лет работал над ней, А для меня — это дело двух-трех лет. Когда же, наконец, приступлю к написанию ее? И когда я смогу преподнести ее народам?!»

Эти бейты не были известны исследователям Навои до публикации «Рисолаи Хусайн Бойқаро». По сведениям Хамида Сулеймана, «Маснавий» Навои, даже в самых ранних (прижизненных) рукописях поэта, состоял из 148 бейтов¹⁴. Благодаря «Трактату» Хусейна Байкары эти четыре бейта дошли до нас, и, таким образом, первоначальный вариант «Маснавий», как мы видим, содержал 152 бейта.

Приведенные стихи интересны уже потому, что в них молодой поэт говорит о своих намерениях и возможностях¹⁵. «Маснавий» был написан в 1467 г. Значит, Навои к тому времени был знаком с «Пятерицей» великого Низами и считал себя способным создать равноценное произведение на своем родном языке. Этим намерениям молодого поэта не суждено было тогда осуществиться. По-видимому, помешали объективные условия того бурного времени.

Приводя в своем «Трактате» отрывок из 15 бейтов Навои, Хусейн Байкара ссылается именно на эти стихи поэта, утверждая, что, хотя Навои и давно задумал написать «Хамсу», но только теперь, в его царствование смог осуществить свою давнюю мечту. Небезынтересно замечание Хусейна Байкары о том, что упомянутое заявление молодого Навои было в свое время встречено скептически, с недоверием. Поэта обвиняли в безответственности и легкомыслии. Хусейн Байкара пишет:

«...ул вақтки, бу абъёт анинг табъидин бош уруб эрди, эл қошида шоирона лоф ва мой хомаи газоф кўрунур эрди»¹⁶ «...в те дни, когда создавались эти стихи, (сказанное в них) было воспринято людьми как поэтическое бахвальство и пустая болтовня».

¹² Это слово (означающее «рука») в журнальном тексте ошибочно написано как «эл» («народ», «люди»).

¹³ «Ўзбек тили ва адабиёти», стр. 11.

¹⁴ Хамид Сулейман. Редакционная классификация узбекских рукописных диванов Навои (в кн.: Алишер Навоий. Хазойин ул-маоний, т. IV. Фавойид ул-кибар. Тошкент, 1960, стр. 847).

¹⁵ Иззат Султан. Указ. раб., стр. 153.

¹⁶ «Ўзбек тили ва адабиёти», стр. 11.

Эти слова Хусейна Байкары и цитируемые им стихи перекликаются с отдельными отрывками из последней поэмы «Хамсы» Навои — «Садди Искандарий» («Стена Искендара»):

*«...Қилиб ёд даъвою лофимни ҳам,
Соғиниб бурун дер газофимни ҳам;
Уятқа солиб буйла ҳолат мени,
Ҳалок айлабон бал хижолат мени;
Гаҳи юзланиб ул сўзумдин уёт,
Сўзумдин демайким, ўзумдин уёт!...»¹⁷*

‘...Вспоминая те «притязания и бахвальства» свои,
Припомнил свою прежнюю «болтовню»;
И это ставило в неловкое положение меня,
И смущение убивало меня;
Иногда из-за тех слов своих позор и стыд оборачивались
лицом ко мне;

Не только тех слов, я стыдился самого себя...’

Здесь поэт говорит именно об упоминаемых выше четырех бейтах «Маснавий».

Можно предположить, что Хусейн Байкара вспомнил об этих бейтах, прочитав процитированные строки из последней поэмы «Хамсы». Это предположение подтверждается и тем, что в «Трактате» есть строки, перекликающиеся с тем местом «Садди Искандарий», где говорится о времени, затраченном на написание «Хамсы». Хусейн Байкара пишет:

«Шейх Низами — учитель людей стихотворству, над своей «Хамсой» проработал тридцать лет., а Мир Хосрав, несмотря на то, что на много сократил объем «Хамсы», тем не менее затратил на нее шесть-семь лет... А время работы Навои над «Хамсой», от начала и до завершения, не превышало и двух лет. Если учесть время, непосредственно затраченное на создание произведения, то не получится и шести месяцев...»¹⁸

То же самое узнаем из «Садди Искандарий» Навои:

*«...Низомийки, назм аҳли устодидур,
Анинг таъби сўз жинси наққодидур.
Неча тожвардин топиб парварши,
Иши бу ўтгуз йилда эрди бу ши»¹⁹*

‘...Низами — учитель стихотворства;
Природа коего — оценщик товара слова.
Получив от нескольких ценителей поддержку,
За эти тридцать лет закончил эту работу»²⁰.

Навои приводит те же сведения, которые вслед за ним без каких-либо существенных изменений были повторены в «Рисолаи Хусайн Бойқаро»:

*«...Бу меҳнатлар ичра чекиб сўзга тил,
Замондин каму беш ўтуб икки йил...
Ки, аҳли муҳосиб шитоб айласа,
Дейилган замондин ҳисоб айласа,
Пиғиштурса бўлмас бори олти ой
Ки, бўлдунг бу раънога суратнамоӣ»²¹*

‘...Ты среди этих работ поведа речь (закончил труд),
Когда прошло около двух лет.
А если бы поторопился разум счетчика

¹⁷ Алишер Навоий. Хамса. Тошкент, 1958, стр. 1239.

¹⁸ «Ўзбек тили ва адабиёти», стр. 12.

¹⁹ Алишер Навоий. Хамса, стр. 1654.

²⁰ Пер. Е. Э. Бертельса.

²¹ Алишер Навоий. Хамса, стр. 1651.

И подсчитал время (самого) сочинения,
То, если все собрать, не будет и шести месяцев,
Что ты заставил появиться лик этой красавицы²².

Небезынтересны и следующие сопоставления. В цитируемых выше стихах Хусейна Байкары из его «Трактата» дается высокая оценка поэтическому таланту Навои, и он награждается эпитетами «қаҳрамон» 'герой', «кишварситон» 'властитель', «соҳибқирон» 'обладатель счастливого сочетания звезд' в «царстве художественного слова». Сам Навои, отмечая, что малые поэтические жанры со временем все меньше удвлетворяли его, писал в той же «Садди Искандарий»:

*«...Хайлимда кишварситонлиғ кириб,
Мамоликда соҳибқиронлиғ кириб,
Бу андешадин эрди кўнглумда шайн
Ки бўлди кўнгул мойили «Хамсатайн»²³*

'...В помыслы мои запало стремление покорять кишвары (страны).

Быть полновластным господином царств.
От этих намерений мое сердце пришло в смятение и тревогу.
Ибо оно влеклось к двум «Хамса» (имеются в виду «Хамса» Низами и Хосрова).

В этой же главе Навои выражает свои сомнения и тревогу, опасаясь, сумеет ли он, наконец, успешно завершить начатое им большое произведение, хватит ли у него сил и умения. И поэт слышит всееляющий в его сердце уверенность голос Хатифа²⁴:

*«...Ки, бу мулк аро қаҳрамон бўлғасен,
Улус ичра соҳибқирон бўлғасен!»²⁵*

'...Да, ты станешь героем в этой стране,
Будешь властителем этих народностей!'

Таким образом, в обоих случаях — и в «Рисолаи Хусайн Бойқаро» и в «Садди Искандарий» — высказана одна и та же мысль, употреблены одни и те же эпитеты. Вряд ли это случайное совпадение, тем более, что такие слова (как, например, «қаҳрамон») в литературном языке того времени встречались очень редко. Скорее всего, Хусейн Байкара, написавший свой «Трактат» сразу же вслед за завершением Навои его «Хамсы», говоря о поэте, использовал в своем сочинении хвалебные эпитеты-титулы, упоминаемые в произведениях самого Навои.

²² Пер. Е. Э. Бертельса.

²³ Алишер Навоий. Хамса, стр. 1238.

²⁴ Хатиф — тайный голос, голос совести.

²⁵ Алишер Навоий. Хамса, стр. 1240.

ТОПОНИМИКА, ПАТРОНИМИКА

Т. И. ТЕПЛЯШИНА

ИЗ ПАТРОНИМИИ КАРИНСКИХ ТАТАР

В данной статье рассматриваются семейно-родовые имена каринских татар, отличающиеся весьма своеобразным характером.

В пределах Слободского района Кировской области, в низовьях реки Чепцы (притока Вятки), расположен крупный населенный пункт Карино, объединяющий ряд селений: Ильясово (тат. *Лясель*), Арсланово (тат. *Арслан*), Абашево (тат. *Бесэрмән*), Касимово (тат. *Касәм*) относятся к нижнему Карино; Деветьярово (тат. *Дэвлетйар*), Митюково — к верхнему Карино. Татарское население проживает также и в деревне Шамарданово, находящейся в трех километрах от Карино. Татарскими же являются небольшие населенные пункты Кокир (семь дворов) и Боронский (девять дворов), посетить которые нам не удалось.

В семи вышеперечисленных населенных пунктах нами было зафиксировано свыше семидесяти семейно-родовых имен как отдельных семей (жителей одного хозяйства, одного двора), так и групп семей, связанных кровным родством и общим отдаленным мужским предком.

Приведем названия семейно-родовых ячеек по отдельным населенным пунктам (деревням):

Абашево: *борняпилар, гөбайпилар, кожапилар, көрбангалипилар, мөрадөпилар, мөртазапилар, шадрапилар, якунпилар;*

Арсланово: *абөзпилар, адөйпилар, биляйпилар, гөсаинпилар, кривойпилар, оскөльтөкпилар, пегөйпилар, саевпилар, сибирякпилар, тяпэкпилар, шакмипилар, якуняпилар, янинафитпилар, эркепилар;*

Ильясово: *алта өзпилар, бабйөкпилар, галиэсэбпилар, ильканипилар, кадөзпилар, кариньпилар, лялюпилар, хадөрпилар, мадьярпилар, наулипилар, папапилар, саитпилар, сөлимонпилар (<? сулейманпилар), ситтикпилар, селеметпилар, серазипилар, табанакпилар, тавирпилар, такапилар, хараусмонпилар, зөбайтилар, эльмөззапилар;*

Касимово: *азяпилар, арасланпилар, атаспилар, кемйөкпилар, нахмутпилар, рөжөйпилар, сипсикпилар, корсягапилар, саяйманпилар, шариппилар, зүгүтпилар;*

Шамарданово: *абзьяльпилар, баярпилар, энтрейпилар, капностпилар, манайпилар, мусапилар, рахматпилар, шарокпилар, хадөр-валитпилар, хадөрпилар.*

Как мы видим, семейно-родовые имена каринских татар отличаются большим разнообразием. Одни из них происходят от личных имен, ср.: *Саитпилар* 'дети, потомки Саита, то есть Сантовы', *Шариппилар* 'по-

томки Шарипа', *Хадәрпилар* 'сыновья, дети Хадыра', *Зөбайпилар* 'дети, потомки Зыбая', *Гөбайпилар* 'потомки Губая' и т. д.; другие являются прозвищами, ср.: *Шадрапилар* (тат. *шадра* 'рябой') букв. 'сыновья, потомки Рябого', *Такапилар* (*така* 'баран') букв. 'дети, потомки Барана', *Атаспилар* (*атас* 'петух') букв. 'потомки Петуха', *Рөжойпилар* (*рөжой* < русск. *рыжий*) букв. 'потомки Рыжего', *Пегойпилар* (*пегой* < русск. *пегий*) букв. 'потомки Пегого', *Кривойпилар* букв. 'потомки Кривого' и т. д. Большинство семейно-родовых имен каринских татар — тюркские, некоторые из них удмуртские, отдельные имена русского происхождения.

Обращает на себя внимание сама структура этих имен. К личному имени (прозвищу или прозванию) примыкает элемент *-ни*, заимствованный из удмуртского языка и означающий «сын, потомок, предок». К этому сложному образованию прибавляется общетюркский аффикс мн. числа *-лар*, например: *Арслан* (тат. *арслан* 'лев') — *арслан+ни+лар* > *Арсланпилар* 'сыновья, потомки Арслана'; *Атас* (удм. < тюрк. *атас* 'петух') — *атас+ни+лар* > *Атаспилар* букв. 'сыновья, потомки Петуха' и т. д.

Появление элемента *-ни* в семейно-родовой терминологии каринских татар отмечалось в работах татарских исследователей Дж. Валиди и Н. Бургановой. У Дж. Валиди находим указание, что *-ни* «человек, но не женщина; народ» у каринских татар прибавляется к концу имен или прозвищ и придает им значение фамилии: *эсэпилар* значит «потомки Эсэ» (они же Арслановы), *спсыдпилэр* вм. каз.-тат. *Спсыдлэр* букв. 'Воробьевы'¹. Н. Б. Бурганова пишет: «Слово *ни* у каринских татар употребляется в значении "потомок, детище". Син кем пи буласин? — Гайнетдин пи Арсланов Вэли булам ("Чей ты будешь? — Я есть Арсланов Вэли, сын Гайнетдина")»².

Ни здесь выступает в качестве словообразовательного суффикса. Удмуртское слово *ни* в семейно-родовых именах каринских татар следует считать усвоенным из языка бесермян (этническая группа удмуртов). Бесермяне, тюрки по происхождению, с давних пор соседствовали с каринскими татарами. Часть современных каринских татар — бывшие бесермяне — до переселения в бассейн р. Чепцы жили на нижней Каме³, где и усвоили южноудмуртскую речь⁴. 150—200 лет назад бесермяне бывшего Слободского уезда еще говорили на южноудмуртском диалекте, о чем до сих пор вспоминают пожилые люди. Об этом же свидетельствуют и некоторые слова в говорах каринских татар, живущих ныне в Шамарданове, Абашеве и Митюкове. В речи местного татарского населения распространены общеудмуртские слова *ме* 'на, возьми', *ук* 'ведь'. Сохранились специфические бесермянские названия родственных отношений *тэгэй* 'старшая сестра', *бикем* 'старшая сестра мужа', *бикечей* 'младшая сестра мужа' и другие, отличающиеся от местных татарских терминов родства. В речи жителей указанных деревень сохранились даже некоторые южноудмуртские ругательства и не-

¹ См.: *Джемаль Валиди*. Наречие каринских и глазовских татар. — «Труды общества изучения Татарстана», т. I. Казань, 1930, стр. 140.

² Н. Б. Бурганова. Говор каринских и глазовских татар. — «Материалы по татарской диалектологии», т. II. Казань, 1962, стр. 55.

³ См.: Т. И. Тепляшина. О смещении терминов *чуваши* и *бесермяне* в письменных источниках. — «Ученые записки Чувашского научно-исследовательского института», вып. XI. Чебоксары, 1968, стр. 187.

⁴ См.: Д. Корепанов. Бесермяне. — «На удмуртские темы», вып. II. М., 1931, стр. 106.

цензурные слова еще с тех давних времен, когда предки бесермян жили в нижнем Прикамье где-то в соседстве с южными удмуртами.

В удмуртском языке для обозначения принадлежности к определенному роду (племени, семье), как уже отмечалось, широко используется суффикс *-ни*, например: *Васяни* (Вася+ни) букв. 'сын, сыновья, потомки Васи', 'человек, принадлежащий к роду Васи', 'люди, принадлежащие к роду Васи'. Аналогичные имена могут носить несколько поколений родственников, связанных кровным родством. Любопытно одно обстоятельство: на севере Удмуртской АССР, в среднем течении р. Чепцы, существуют названия населенных пунктов, совершенно аналогичные названиям, встречающимся в Карино. Жители их носят те же самые фамилии, что и каринские татары.

Так, например, в Юкаменском районе Удмуртии имеются селения Абашево (удм. *Абагурт* < *Абашгурт* букв. 'деревня Абаша') и Шамардан с бесермянским населением. Абашево местными жителями именуется *Бесермян*, ибо в прошлом проживали в нем бесермяне. В Шамарданово и Митюково, по словам местных жителей, также проживают не «чистые татары», а потомки бесермян. Речь жителей Абашево, Митюково и Шамарданово отличается от речи жителей деревень Арсланово, Ильясово, Касимово, Деветьярово.

Бесермяне деревни Абашево Юкаменского района Удмуртии хорошо помнят, что их предки жили вблизи большого татарского селения Карино. Сличение состава фамилий жителей Абашево Слободского и Абашево Юкаменского районов подтверждает версию о первоначальном месте их расселения: в деревне Абашево Слободского района Кировской области более половины жителей (20 дворов из 35) носят фамилию Абашев; в деревне Абашево Юкаменского района Удмуртской АССР почти половина ее бесермянских жителей (24 двора из 51) тоже Абашевы.

Шамардановцы рассказывают также, что в давние времена часть их деревни, расположенная за небольшим логом, переселилась в Глазовский уезд. И действительно, в пределах Юкаменского района Удмуртии, недалеко от города Глазова, находится большое селение под названием *Шамардан*. Сопоставление семейно-наследственных имен этих двух населенных пунктов, расположенных на разных территориях, свидетельствует о том, что фамилия Сабреков, восходящая еще к Каринскому стану (XVI—XVII вв.), в современный Шамардан Юкаменского района под городом Глазовом, где половина жителей (66 дворов из 112) именуется Сабрековыми, была перенесена из Шамарданово Слободского района, в котором жители 26 дворов из 28 носят фамилию Сабреков.

Жители деревни Митюково также знают, что их предки были бесермянами. Таким образом, из перечисленных селений Слободского района исконно татарскими являются лишь Ильясово, Деветьярово, Арсланово и Касимово; а в деревнях Абашево, Шамарданово и Митюково проживают татары бесермянского происхождения. Это подтверждается также историческими документами — писцовыми книгами XV—XVII вв. и дореволюционными переписями. Так, по переписи 1893 г. в пределах Слободского уезда бесермяне проживали в следующих деревнях:

- Омсино — 14 дворов с числом жителей 126 человек,
- Нижнее Мочагино — 29 дворов (211 человек),
- Верхнее Мочагино — 10 дворов (64 человека),

Абашевская — 73 двора (522 человека),
 Шамардановская — 31 двор (202 человека),
 Митюковская — 55 дворов (569 человек),
 Касимовская — 1 двор (1 человек)⁵.

По переписи последних десятилетий жители деревень Омсино, Нижнее Мочагино и Верхнее Мочагино записаны удмуртами, а население деревень Абашево, Шамарданово и Митюково — татарами. Абашевцы, шамардановцы и митюковцы, полностью усвоившие татарский язык, составляют ту часть бесермян, которая исповедовала ислам. Как известно, бесермяне в далеком прошлом были мусульманами. Этнограф Н. П. Штейнфельд утверждает, что «бесермяне ранее татар, или по крайней мере одновременно, приняли закон Магомета, что могло иметь место не на Вятке, где ислама никто не знал»⁶. Та часть бесермян, которая расселена по среднему течению р. Чепцы, некогда также исповедовала ислам, но в конце XVII — начале XVIII вв. была обращена в православие⁷. Пережитки ислама до сих пор сохраняются в быту и обычаях среднечепецких бесермян. Небезынтересно отметить, что в прошлом население деревень Шамарданово, Абашево и Митюково имело отдельный приход, а так называемые «исконные» татары — свою мечеть. Заметим также, что национальный татарский праздник перед посевом, именуемый *акашка*, каринские татары не справляют; после завершения полевых работ они ежегодно отмечают традиционный *сабантуй*. Бесермяне, живущие в пределах Удмуртии, отмечают совместно с татарами Удмуртской АССР акашку. Каринские татары, как и бесермяне, справляют обряд *кәрбан*.

Все сказанное подтверждает, что каринские татары, проживающие в Абашево, Митюково и Шамарданово, — бывшие бесермяне, а сложившаяся у них своеобразная структура патронимии отражает особенности языка бесермян⁸, которые, в свою очередь, усвоили речь удмуртов. Семейно-родовые имена каринских татар, в том числе и бывших бесермян, образуются от мужских личных имен, в то время как у удмуртов они, как правило, происходят от женских личных имен⁹. В образовании семейно-родственной терминологии у всех бесермян, в том числе и не каринских татар, наблюдается полное тождество.

Предки каринских татар, как и других соседствующих с ними народов, жили общинами. К сожалению, до нас не дошли предания о «духах-покровителях», по которым можно было бы установить, подобно тому, как это было сделано по отношению к удмуртам, происхождение и место поселения той или иной родовой ветви. Родовые организации у каринских татар, как и у бесермян, в отличие от удмуртов, состояли из самостоятельных семей, во главе которых стоял старший в семье мужчина (дед, отец или старший сын). Н. П. Штейнфельд отмечал: «...кому приходится часто иметь дело с бесермянами, последние представляются народностью, сохранившею в редкой чистоте свой патриархальный быт и нравы. Семейная организация держится под главенством родоначаль-

⁵ П. Н. Луппов. Обзор быта нацмен Вятской губернии. — «Вятско-ветлужский край», 1. Вятка, 1926, стр. 20.

⁶ Н. П. Штейнфельд. Бесермяне. Опыт этнографического исследования. — «Календарь и памятная книжка на 1895 год». Вятка, 1894, стр. 228.

⁷ Там же.

⁸ См.: Т. И. Тепляшина. Язык бесермян. М., 1970.

⁹ См.: М. Худяков. Вотские родовые деления. — «Известия отделения археологии, истории и этнографии», т. XXX, вып. 3. Казань, 1920; т. XXXI, вып. 1; М. Косвен. Распад родового строя у удмуртов. — «На удмуртские темы», вып. II. М., 1931, стр. 8—9; «Очерки истории Удмуртской АССР», т. I. Ижевск, 1954, стр. 19.

ника весьма прочно»¹⁰. Известно, что общины являлись пережитками более древних социальных отношений. «Родовое имя... было доказательством общего происхождения... { от общих предков } в пределах рода далеко назад...»¹¹ В отличие от удмуртских бесермянские общины, как и татарские, были основаны на патриархальных началах¹².

К сожалению, в описаниях говоров каринских татар отсутствует подробный анализ языковых особенностей татар — бывших бесермян. Одно несомненно, что говоры деревень Шамарданово, Абашево и Митюково (жители которых считают своими предками бесермян) заметно отличаются от говоров татар соседних деревень Ильясово, Арсланово, Касимово, Деветьярово.

Изучение этого явления представит несомненный интерес для татарских диалектологов.

---

¹⁰ Н. П. Штейнфельд. Указ. раб., стр. 235.

¹¹ Архив Маркса и Энгельса, т. IX. М., 1941, стр. 138—139.

¹² См.: «Татары Среднего Поволжья и Приуралья». Под ред. Н. И. Воробьева и Г. М. Хисамудинова. М., 1967, стр. 181.

А. ГУСЕЙНЗАДЕ

К ЭТИМОЛОГИИ ТОПОНИМА *Bilāzāgi*

Bilāzāgi (в русском произношении — *Баладжары*) в прошлом — пригород Баку, в котором находились зимовья для содержания скота, принадлежащего городским жителям. По завершении строительства Баку-Тифлиского участка Закавказской железной дороги (1883) здесь была создана узловая железнодорожная станция. В настоящее время Баладжары — поселок городского типа [2, 146; 38, 44].

Bilāzāgi — одно из наиболее древних и неясных по этимологии географических названий. Второй такой топоним на современных картах Закавказья не встречается. Согласно бытующей в народе версии, *Bilāzāgi* представляет собой сочетание слов *bilad* и *čāgi* в русском переводе — ‘город воинов’. Первый компонент термина — *bilad* — форма множественного числа от арабского слова *belde*, что означает ‘город, местечко’, а второй — тюркское слово *čāgi* ‘войско’.

Существуют различные толкования рассматриваемого географического названия. Ш. Садиев, например, считает, что *Bilāzāgi* — тюркское слово, означающее «маленькое местечко» (*bala* ‘маленький’ и *žet* ‘место’) [16]. Некоторые исследователи предполагают, что первоначально этот ойконим произносился *Binä-i Vagi*. По мнению автора этой расшифровки Р. Юзбашева, первая часть термина — *binä* ‘загородное местечко для содержания скота’ [41, 89], а вторая — *šāgi* — антропоним, то есть это сочетание означало «загородное местечко для содержания скота, принадлежащее некоему Джери» [42, 62].

Приведенные толкования термина *Bilāzāgi*, по нашему мнению, неубедительны. Этимология этого топонима неразрывно связана с историей Закавказья и в частности с историей Азербайджана и Дагестана. Возможна связь этого географического названия с известным хазарским топонимом *Belānpāg* или с древне-булгарским этнонимом *berānpāg*. Вполне вероятно и предположение, что *Bilāzāgi* является вариантом *belānpāg* или видоизменением *berānpāg*. В исторических источниках мусульманского средневековья *Belānpāg* с незначительными фонетическими отклонениями выступает как ойконим, гидроним, этноним и антропоним: *Belānpār*, *berānpār* и *Belāngāri*.

О хазарском городе *Belānpāg* сообщают арабоязычные авторы Иакуби [43, 6], Ибн Хордадбех [1, 123], ал-Мас‘уди [30, 62], Ибн ал-Асир [23, 29], Иакут ал-Хамави [44, 729], а также анонимный персоязычный автор географического труда «Худūd ал-‘Алем», («Границы мира»), написанного в X в. [39, 76]. По рассказу ал-Мас‘уди, это был столицный город Хазарии [30, 62], дважды подвергавшийся нашествию

арабских войск. Первый раз он был разрушен в 722 г. полководцем Джаррахом, второй раз в 737 г. — Мерваном. Победы арабов на Кавказе вынудили хазар покинуть *Beläpžär* и перенести свою столицу в новый город Итиль, недалеко от устья Волги [12, 676].

По мнению И. Маркварта, город *Beläpžär* находился «на одном из притоков Кой-су (Сулака)» в Северном Дагестане [11, 597]. М. И. Артамонов не разделяет этого мнения и, не соглашаясь с существующей в исторической литературе идентификацией *Beläpžär* «с современным селением Тарки, находящимся вблизи Махачкала» [4, 222], отождествляет его с современным Буйнакском [4, 392—3]. Показательно, однако, что авторы всех этих гипотез связывают местонахождение хазарского города *Beläpžär* с Северным Дагестаном.

Из тех же источников мы узнаем о существовании гидронима *Beläpžär*. Историк Йа'куби, излагая эпизоды из истории арабских завоеваний в Азербайджане и Дагестане, сообщает, что «был завоеван Азербайджан в 22 году (642—3 г. н. э.) при эмирате Мугири ибн Шуби или, по другому мнению, Хишама ибн Утби ибн абу-Ваккаса... Немного спустя Сальман проник в Ширван, царь которого заключил с ним мир; затем он отправился дальше и прибыл в землю Маскат и заключил с ее жителями мир. Так же поступил царь лакзов¹, и жители Шабирана², и жители Филана³, а что касается хагана, царя хазар, то он встретил Сальмана во главе многочисленной армии за рекой Беленджер и убил его и тех, кто был с ним, а их было четыре тысячи» [43, 5; 17, 100]. Об этом же сообщают Баладзори [6, 14], Ибн ал-Факих [24, 293] и другие авторы. Необходимые сведения о данном гидрониме имеются и в советской историографии [4, 179; 15, 83].

В большинстве случаев одноименные ойконимы и гидронимы располагаются поблизости друг от друга, и вполне возможна локализация данного гидронима вблизи города *Beläpžär*.

Об этнониме *beläpžär* (= *beräpžär*) сообщает Ибн Фадлан, находившийся в 921—922 гг. у волжских булгар в составе посольства аббасидского халифа ал-Муктадира (908—932): «...мы видели у них домохозяев (одной семьи) в количестве пяти тысяч душ женщин и мужчин, уже всех принявших ислам. Все они известны (под названием) беренджер. Для них построили мечеть из дерева, в которой они молятся. Они не умеют читать (молитв), так что я научил (одну) группу (из них) тому, как (какими словами) молятся» [27, 138].

Если учесть, что фонетические различия хазарского топонима *Beläpžär* и болгарского этнонима *beräpžär* заключаются лишь в чередовании в начале второго слога сонорных /г/, что не противоречит фонетическим закономерностям тюркских языков [40, 92], то вряд ли можно отрицать их генетическую связь.

Историю развития изучаемого этнопонима дополняет и соответствующий антропоним. В письменных источниках сельджукского периода на территории Аррана и Азербайджана упоминается имя Ибн Беленгери. По Ибн ал-Асиру, Арслан-бек, он же Хассбек ибн Беленгери, туркмен по происхождению, с малых лет воспитывался при дворе сельджукского

¹ О местах расселения лакзов В. В. Бартольд пишет: «Арабские авторы, по-видимому, так (*lakz*) называли особый народ, месторасселение которого, впрочем, точно не указывается. По словам Баладзори (208), страна лакзов находилась на равнине между Самуром и городом Шаберан, то есть южнее нынешнего Дагестана; напротив, согласно Мас'уди (Мурудж, II, 5) — многочисленный народ лакзов жил в самых высоких горах этой местности» [7, 410].

² Исторический город Шаберан находился вблизи нынешнего города Куба.

³ Филан, небольшой исторический округ, находился на юго-западе от Дербента.

принца Мас'уда [25, 209]. Впоследствии он прославился как Хассбек, то есть личный, привилегированный бек Мас'уда [35, 79]. Его настоящее имя Арслан-бек. После прихода к власти Мас'уда ибн Мухаммеда (1133—1152) он возвышается до чина эмир ал-хаджиба⁴ и в дальнейшем именуется уже Хассбек ибн Беленгери эмир ал-хаджиб [33, 225]. По поручению своего покровителя он убивает эмира Абд ал-Рахмана ибн Тагайрика (ابن طغایرك), правителя Азербайджана и Аррана [25, 194—6], проявлявшего излишнюю самостоятельность. После смерти султана Мас'уда Хассбек ибн Беленгери играет основную роль в определении дальнейшей судьбы престола иракских Сельджукидов. Он провозглашает султаном Меликшаха (1152—1153), сына Махмуда, а затем, отстранив его, возводит на трон Мухаммеда II (1153—1159) (также сына Махмуда) [28, 396]. Придя к власти, Мухаммед II, усомнившись в преданности Хассбека ибн Беленгери, лишает его жизни [25, 209—210].

Антропоним *Ибн Беленгери* по своей структуре очень близок к нашему этнопониму. Его основу составляет *Belängär*, а конечная фонема -i (ى) представляет собой персидский аффикс *яйе нисбет*, образующий подобно тюркскому аффиксу -li относительные имена.

Теперь остается дать лингвистическое и историческое истолкование имеющимся расхождениям между рассматриваемыми терминами *Biläzägi*, *Belänpär*, *begänpär* и *Beläng'äri*. Известно, что в тюркских языках сонорный п относится «к числу неустойчивых и часто выпадает» [20, 280], и это фонетическое явление прослеживается как в современной [40, 107: 26, 57], так и в исторической фонетике [34, 176], хотя и «носит менее закономерный характер, чем выпадение гласных» [36, 289]. Поэтому отсутствие сонорной фонемы п во втором слове топонима можно считать вполне закономерным. Иначе говоря, *Biläzägi* Апшеронского полуострова — возможный вариант как хазарского топонима *Bilänpär*, так и болгарского этнонима *begänpär*. Что касается различия между топонимом *Biläzägi* и антропонимом *Beläng'äri*, то оно заключается, во-первых, в чередовании e/i в первом слове слова, а это является нормальным явлением [40, 51]; во-вторых, в отсутствии п во втором слове топонима (о закономерности этого говорилось выше); и, наконец, в чередовании среднеязычной фонемы g' (گ) с переднеязычной палатальной ž (ج) в последнем слове, что объясняется отсутствием в арабском языке тюркской среднеязычной фонемы g' (گ), являющейся звонким коррелятом фонемы k' (ك), и заменой ее переднеязычной палатальной ž (ج). Оба эти термина, в которых конечный -i, как уже указывалось, представляет собой аффикс, очевидно, являются производными: *Biläzägi* от *Belänpär* (или *begänpär*), а *Beläng'äri* от *Beläng'är*, ибо основой всех существующих вариантов является *Beläng'är* (*Belänpär*), к этимологии которого мы еще вернемся.

Попытаемся подтвердить высказанное нами предположение о происхождении ойконима *Biläzägi* историческими фактами. По сообщению арабоязычного автора IX в. Баладзори, в царствование Кавада (488—531) Грузия (Джурзан) и Арран находились под властью хазар [6, 5].

⁴ В мусульманских феодальных государствах хаджиб — высший чин гвардейца, выходя из числа тюркских рабов. Пройдя в течение семи лет определенную военную подготовку, рабы-гвардейцы по достоинству и заслугам возвышались в чине, начиная от *хейль-баши* и до *хаджиба*. В сельджукском государстве эмир ал-хаджиб был после вазира наиболее приближенным человеком султана. Хотя по чину эмир ал-хаджиб стоял ниже вазира, однако нередко он пользовался большим влиянием [29].

В рассматриваемый период Арраном⁵ называлась территория, расположенная между Араксом и Курой [13, 213]. Известно также, что при Ануширване (531—579) в Азербайджане и в соседних с ним областях было поселено 10 тысяч пленных хазар [14, 22]. При этом же государе наряду с беленджерами [4, 125] в южные районы Азербайджана были переселены также болгары. Очевидно, Болгаркент, название села в исторической топонимии [3, 328], и современные названия Болгарчай (река в Азербайджане) [38, 48] и Балхар (село в Дагестанской АССР) [19, 119] являются отражением этих исторических фактов.

Хазары на территории Кавказа и Закавказья находились почти столет [14]. Это подтверждается как письменными, так и археологическими данными [5, 33].

Таким образом, гипотеза о происхождении интересующего нас ойконима Bilāzāri от хазарского Velānzār подтверждается не только филологическим анализом, но и историческими фактами.

Что касается этимологии ойконима Bilāzāri, то в литературе существует толкование его хазарского прототипа Velānzār, проливающее свет и на семантику нашего ойконима. Существует мнение, что хазарский топоним Velānzār произошел от монгольского военного термина baḡaṇṡar 'правое крыло армии', вошедшего с этим же значением в новоперсидский язык [21, 206] и сохранившегося в источниках в различных транскрипциях⁶. Термин состоит из двух монгольских слов: baḡaṇ 'правый' [21, 207] и ṡar 'рука' [21, 208]. Поскольку наблюдаемые в данном случае структурно-фонетические изменения допустимы, то подобный состав этого термина с филологической точки зрения не вызывает возражений. По мнению сторонников этой интерпретации, упоминаемые Ибн Фадланом beḡānzār и являются осевшей на Волге частью хазар, вытесненных туда арабами из Дагестана после вторичного разгрома столицы Хазарии Velānzār в 737 г. полководцем Мерваном. Эта точка зрения принята и в советской историографии. В таком случае этноним beḡānzār, о котором сообщает Ибн Фадлан, является производным от хазарского топонима Velānzār в северном Дагестане.

Появление топонима Velānzār в Дагестане относится приблизительно к VI—VII вв. Каким же образом монгольское слово baḡaṇṡar 'правое крыло армии' оказалось в Дагестане?

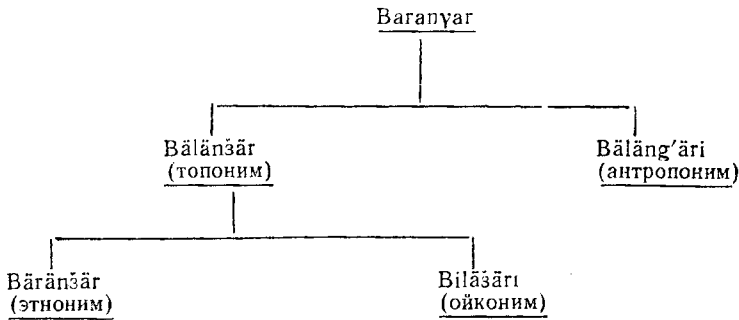
В свое время П. Пеллино полагал, что монгольские термины и титулы, встречающиеся у тюрков, заимствованы ими «у своих предшественников — аваров, жужаней китайских источников», которых он считал монголами [10, 24]. В. В. Бартольд, не соглашаясь с П. Пеллино, писал, что это «находится в полном противоречии с мнениями, господствующими в науке в последнее время» [9, 197]. Если вопрос о происхождении авар является еще спорным, то тюркоязычность их не подлежит сомнению [31; 32, 72]. Известно также, что хазарское государство, возникшее на месте тюркютского каганата и унаследовавшее «государственные традиции и международный авторитет» последнего [4, 171], этнически не было однородным [37, 123; 18; 32, 83; 4, 171]. Вместе с тем хазары по своим этническим традициям ближе всего были к булгарам [4, 171], савирам [22, 307] и, очевидно, к тюркоязычным аварам, вторгшимся в степи Западного Прикаспия в середине VI в.

⁵ Границы Аррана, как известно, исторически не были постоянными. См. об этом у В. В. Бартольда [8, 334].

⁶ Г. Дёрфером выявлено двенадцать вариантов транскрипции термина baḡaṇṡar: براونقار — برانقار — براونقار — برانقار — براونقار — برانقار — براونقار — برانقار — براونقار — برانقار — برانقار — برانقار [21, 206].

Напомним вкратце некоторые известные исторические факты, которые помогут нам объяснить появление военного термина монгольского происхождения на Кавказе раньше самих монголов. Установлено, что как в раннее средневековье, когда племена тюрков и монголов находились в районе Алтая, так и в последующие времена, когда монгольские завоевания распространились на Восточную Европу, эти два народа находились в тесном контакте. Известно, например, что у тюркоязычных племен в бытность их на Алтае [4, 103] или в период монгольской империи [9, 211] существовала даже правящая династия монгольского происхождения. В этой связи следует вспомнить слова В. В. Бартольда: «...последствием монгольского происхождения династии и окружавших ее военных отрядов было образование турецких (тюркских. — А. Г.) родов, племен и целых народностей с монгольскими названиями» [9, 211]. Хотя к этому выводу В. В. Бартольд пришел на основании фактов более позднего времени (XIII—XV вв.), нам кажется, что он в принципе допустим и для интересующего нас раннего периода тюрко-монгольских взаимосвязей, когда у отдельных тюркоязычных племен также существовала правящая династия монгольского происхождения [4, 103]. Вполне возможно, что тюрки, в бытность их на Алтае, наряду с другими монгольскими словами — *tarhan*, *bagadur*, *похиг* заимствовали рассматриваемый нами военный термин *baganyar* и занесли его на Кавказ, где он подвергся дальнейшему структурно-фонетическому изменению.

В таком случае эволюция ойконима *Bilāzāri* схематически может быть представлена следующим образом:

ЛИТЕРАТУРА

1. Abu'l-Kāsim Obaidallah ibn Abdullah ibn Khordādhbeh. *Kitab al-Masālik Wa'l Ma-mālik*. Leiden, 1967.
2. Азербайжан ССР инзибати-эрази бөлкүсү, үчүнчү нәшри. Баку, 1968.
3. С. К. Алфин. Экономический быт государственных крестьян Джебатовского уезда Бакинской губернии. «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края», т. VII. Тифлис, 1887.
4. М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962.
5. Г. М. Ахмедов. Средневековый город Байлакан (историко-археологическое исследование). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Баку, 1972.
6. Баладзори. «Книга завоевания стран», текст и перевод с арабского П. К. Жузе. Баку, 1927.
7. В. В. Бартольд. Дагестан. Соч., т. 3. М., 1965.
8. В. В. Бартольд. Арран. Соч., т. 3. М., 1965.
9. В. В. Бартольд. История турецко-монгольских народов. Соч., т. 5. М., 1968.

10. В. В. Бартольд. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Соч., т. 5. М., 1968.
11. В. В. Бартольд. Хазары. Соч., т. 5. М., 1968.
12. В. В. Бартольд. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Соч., т. 2. М., 1963.
13. В. В. Бартольд. Историко-географический обзор Ирана. Соч., т. 7. М., 1971.
14. З. Бунятов. О длительности пребывания хазар в Албании в VII—VIII вв. — «Известия АН Азерб. ССР, серия общественных наук», 1961, № 1.
15. З. Бунятов. Азербайджан в VII—VIII вв. Баку, 1965.
16. Г. Гејбуллајев. Азәрбајҹан кәнд вә шәһәр адларынын мәншәји. Материаллар вә арацдырмалар (рукопись).
17. А. Н. Генко. Арабский язык и кавказоведение. О значении арабских материалов для изучения истории Кавказа. — «Труды второй сессии ассоциации арабистов» (19—23 октября 1937 г.). М.—Л., 1941.
18. А. Губайдулин. Заметки о происхождении хазар. — «Известия Общества обследования и изучения Азербайджана». Баку, 1927, № 4.
19. Дагестанская АССР. Административно-территориальное деление. Махачкала, 1966.
20. Н. К. Дмитриев. Неустойчивое положение сонорных *p, l, n* в тюркских языках. — Сб. «Исследование по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. I. Фонетика. М., 1955.
21. G. Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. I: Mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, 1963.
22. М. М. Дьяконов. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961.
23. Ибн әл-Әсир. Әл Камил фи-т-тарих. Баку, 1959.
24. Ibn al-Fakih al-Hamadani. Kitab al-Boldan. Leiden, 1967.
25. Imad ad-Din al-Katib Isfahani. Irak ve Horasan Selcukluları Tarihi. Istanbul, 1943.
26. М. Исламов. Азәрбајҹан дилинин Нуха диалекти. Баку, 1960.
27. А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956.
28. Köymen. Mehmed Altay. Büyük Selcuklu Imparatorluğu Tarihi. Cilt II. İkinci Imparatorluk Devri. Ankara, 1954.
29. М. F. Köprülü. Hâcib. İslam Ansiklopedisi. Cilt 5. Istanbul, 1950.
30. Al-Masûdi. Kitab at-Tanbih Wa'l Ischraf. Leiden, 1967.
31. Н. Я. Мерперт. Авары. Советская историческая энциклопедия, т. I. М., 1961.
32. G. Moravcsik. Byzantinoturcica. I. Die byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvolker. Berlin, 1958.
33. Ar-Râwandî. The Rahat-uş-Şudur Wa Ayat-us-Surur, by Muhammed Iqbal. Leiden, 1921.
34. М. Ряснен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. Перевод с немецкого А. А. Юлдашева. Редакция, предисловие и примечание Н. А. Баскакова. М., 1955.
35. Sadruddin Ebu'l-Hasan 'Ali Ibn Nâsir Ibn 'Ali El-Hüseyni. Ahbâr üd-Devlet is-Selcukiyye. Nicati Lûgal tercümesi, Ankara, 1943.
36. Э. В. Севортян. Выпадение согласных в южных тюркских языках. — В кн.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. I. Фонетика. М., 1955.
37. С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. I (тома 1—2). М., 1959.
38. Азәрбајҹан ССР-нин изаһлы чоғрафи адлар лүғәти. Баку, 1960.
39. Худуд әл-Алем. Рукопись Туманского. С введением и указателем В. В. Бартольда. Л., 1930.
40. М. Ширәлијев. Азәрбајҹан диалектолокијасынын әсаслары. Баку, 1962.
41. Р. Јузбашов. Азәрбајҹан чоғрафија терминләри (тәдгигләр). Баку, 1966.
42. Р. Јузбашов. Мүәллимин топонимик лүғәти. — «Тарих, ичтимаијјәт, чоғрафија тәдриси». Баку, 1970, № (35) 5.
43. Якуби. «История», текст и перевод с арабского П. К. Жузе. Баку, 1927.
44. Jacutš geographische Wörterbuch, von Wüstenfeld. Bd. 1. Leipzig, 1866.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ

К ИСТОРИИ СУФФИКСА ДЕНОМИНАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ -la В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Суффикс деноминативных глаголов -la является самым распространенным глагольным словообразовательным суффиксом в тюркских языках. Количество глаголов, образованных при помощи этого суффикса, исчисляется многими сотнями. Возник этот суффикс, по-видимому, очень давно, еще в эпоху существования общетюркского языка-основы. Несмотря на солидный исторический возраст, суффикс -la не только не утратил своей функции, но, наоборот, сфера его употребления все время расширяется, и количество деноминативных глаголов с этим суффиксом продолжает непрерывно увеличиваться.

Какова же история образования суффикса -la, к какому первоначальному источнику он восходит и какова история возникновения его основной функции — быть средством образования отыменных глаголов?

В тюркологии были некоторые попытки ответить на эти вопросы. Г. И. Рамstedт, например, связывал суффикс -la с падежным суффиксом -li¹, у М. Рясänen имеется указание на возможность генетической связи -la с отыменными суффиксами -la, -li², по мнению О. Н. Бётлинг-ка, суффикс -la связан генетически с суффиксом множественного числа -lar³, Ж. Дени считал его результатом переразложения основ⁴, М. А. Казембек возводил происхождение этого суффикса к глаголу olmok 'быть'⁵ и т. д.

Необходимо отметить, что все тюркологи, предлагавшие тот или иной вариант этимологии суффикса -la, не пытались даже подтвердить справедливость высказываемых предположений. «Вопрос о составе этого суффикса, — замечает А. Н. Кононов, — еще не только не решен, но и не ставился сколько-нибудь широко»⁶.

Еще более неясен процесс возникновения основной функции суффикса -la как средства образования отыменных глаголов, хотя и в этой

¹ Г. И. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 175.

² M. Räsänen. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen. — «Studia Orientalia», XXI. Helsinki, 1957, стр. 148.

³ Otto Böhtlingk. Über die Sprache der Jakuten. Theil I. — В кн.: «Dr. A. Th. v. Middendorff's Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens». Band III. St. Petersburg, 1851, стр. 255.

⁴ J. Dény. Principes de grammmair turque. Paris, стр. 122.

⁵ М. А. Казембек. Общая грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1846, стр. 175.

⁶ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 256.

области высказывались некоторые интересные соображения. Так, например, Э. В. Севортян, рассматривая различные значения суффикса отыменных глаголов -la, замечает, что все глаголообразующие формы (за исключением новейших, образованных от суффикса -la) на определенном историческом этапе своего существования могли образовывать глаголы как от имен, так и от глаголов. Аффикс -la придавал глаголам количественное значение участительности, которое еще достаточно ощутимо в некоторых из современных тюркских языков, например в узбекском, ср. азерб. *soqag-la-tak* 'распрашивать' от глагольного имени *soqag* 'распрос'⁷. Этот пример наглядно иллюстрирует возможность присоединения многократного суффикса -la уже не к глагольным основам, а к глагольным именам, что могло послужить началом образования новой структурной модели — *именная основа + многократный суффикс -la*.

Несмотря на эти интересные предположения, мы все же не имеем достаточно определенных данных о первоначальном источнике отыменного глаголообразовательного суффикса -la и о том, как возникла его современная, наиболее распространенная функция.

Хорошо известно, что любое явление в языке имеет свою историю, и если эта история все еще не выяснена, то это может быть объяснено только двумя причинами: либо исторический процесс образования данного языкового явления не оставил абсолютно никаких следов, либо же мы не умеем организовать рациональный поиск этих следов, обнаружение которых и приведение в определенную связь позволило бы создать более или менее верное представление о ходе интересующего нас исторического процесса.

Поиск следов исторического процесса может производиться в самых различных направлениях.

Не может ли дать каких-либо полезных сведений изучение комплекса различных значений деноминативного суффикса -la?

Л. Н. Харитонов насчитывает следующие 14 основных значений, которые может иметь суффикс -laa в якутском языке: 1) осуществлять данное предметное понятие в действии, 2) снабжать данным предметом, 3) применять данный предмет, 4) собирать данный предмет, 5) производить данный предмет, 6) действовать как данный предмет, 7) двигаться в сторону предмета, 8) мерять или определять данный предмет, 9) подвергать или подвергаться действию предмета, 10) выделять из себя данный предмет, 11) потреблять, поедать данный предмет, 12) поступать согласно природе данного предмета, 13) играть во что-нибудь, 14) удалять грязь, очищать данный предмет⁸.

Рассматривая особенности употребления суффикса -la в узбекском языке, А. Н. Кононов отмечает некоторые значения, отсутствующие в списке Л. Н. Харитонова, например: приобретать признаки, качество, свойство, форму, свойственные исходной основе, сообщать кому-либо или чему-либо качество, свойство, вид, форму, обозначенные исходной основой, находиться в определенном месте и т. д.⁹

Очень большое количество различных значений свидетельствует о необычайно широкой дистрибуции деноминативного суффикса -la, что

⁷ Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, стр. 89, 90.

⁸ Л. Н. Харитонов. Типы глагольной основы в якутском языке. М.—Л., 1954, стр. 94—100.

⁹ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 247—248.

уже неоднократно отмечалось многими исследователями. Л. Н. Харитонов утверждает, что в якутском языке с помощью аффикса *-laa* глагол может быть образован от любого существительного¹⁰. Суффикс *-laa* выражает глагольность в самом общем смысле. Он обозначает, что данное слово переведено в аспект глагольного понятия¹¹.

Какие же выводы может сделать историк языка? Здесь полезно вспомнить одну имплицативную связь, которая заключается в следующем: **чем больше точек приложения у форматива, тем больше он утрачивает некогда присущее ему специфическое значение и превращается в механическое средство обозначения довольно абстрактной по своему характеру функции.**

Это означает, что на каком-то участке пока не известного нам исторического пути образования суффикса *-la* он присоединялся к различным именам существительным чисто механически, осуществляя довольно простую цель — образование глагола от имени.

Не дает ничего нового и обращение к родственным языкам, так как развитие деноминативного глагольного суффикса *-la* во всех тюркских языках не обнаруживает уровней контрастности. Значения суффикса *-la* в основном всюду одинаковы.

Вряд ли дает что-либо и обращение к памятникам древнетюркской письменности, поскольку в этих памятниках основная функция рассматриваемого суффикса выступает вполне сложившейся.

Все поиски в сфере отыменного глаголообразования, по всей видимости, не могут дать желаемых результатов.

Как уже упоминалось выше, суффикс *-la* может образовывать новые глаголы также от глагольных основ. Э. В. Севортян связывает эти суффиксы генетически.

Отглагольный суффикс *-la* может выступать в чистом или в усложненном виде (в сочетании с суффиксом *-a-||-e-*). Такое усложнение, однако, не меняет сущности дела, так как суффикс *-la* не утрачивает при этом типичного для него значения многократности действия; ср. узб. *buk-la-mok* 'складывать' от *buk-mok* 'гнуть', *sava-la-mok* 'стегать, хлестать' от *savamok* 'бить прутом', тур. *dur-ala-mak* 'запинаться' от *dur-mak* 'вставать', еж-еле-тек 'разрывать' от *ešmek* 'рыть', чуваш. *čav-ala-* 'раскапывать' от *čav-* 'копать', кирг. *žaska-la-* 'отмахиваться' от *žaska-* 'замахнуться' и т. д.

Частотность глаголов многократного действия, характеризующихся суффиксами *-la*, *-ala*, крайне низкая, тогда как сама возможность выражения многократного действия очень широка. Теоретически в тюркских языках можно найти многие сотни глаголов, допускающих состояние повторности или прерывности протекания действия.

Что же помешало распространению многократного суффикса *-la*? Для того чтобы получить ответ на этот вопрос, мы должны вспомнить следующую имплицативную связь: **если какой-либо формант получает новое значение, то сфера его прежнего значения может сильно сузиться.** Это явление вполне закономерно и отражает широко распространенную в языках мира тенденцию к устранению омонимии форм. Как только многократный суффикс *-la* приобрел новую функцию — быть средством образования глаголов от имен существительных — проявилась тенденция устранения, вернее, уменьшения числа омонимических форм,

¹⁰ Л. Н. Харитонов. Указ. раб., стр. 92.

¹¹ Там же.

и сфера употребления этого суффикса в значении многократности сильно сузилась.

Таким образом, сам факт низкой частотности распространения многократного значения суффикса -la получает определенное признаковое значение. Он свидетельствует о том, что деноминативный суффикс -la действительно восходит к многократному суффиксу -la.

Исходя из этих показательных данных, можно было бы сделать вывод, что способность деноминативного суффикса -la образовывать глаголы от имен существительных развилась в результате переосмысления первоначального значения многократного действия, поскольку многократный суффикс -la начал непосредственно присоединяться к именным основам типа тур. baş 'голова', baş-la-tak 'начинать', iş 'работа', iş-le-tek 'работать' и т. д.

Рассуждая чисто логически, нетрудно доказать нецелесообразность такого вывода. Во-первых, совершенно необязательно, чтобы каждый отыменный глагол был многократным, во-вторых, существует ряд отыменных глаголов с суффиксом -la, которые не могут быть многократными. Возьмем для примера узбекский глагол muz-la-tok 'превращаться в лед'. Замерзающая при низкой температуре вода не может многократно затвердевать и вновь оттаивать; азерб. глагол axşamla-taq 'вечереть' также не мог быть первоначально многократным. В противном случае он означал бы прерывность наступления темноты.

Все данные говорят о том, что в процессе перехода от многократного значения суффикса -la к новой функции — к средству образования глаголов от имен существительных — должна быть какая-то переходная ступень, которая нам пока не известна. В целях облегчения поиска этой переходной ступени полезно опять-таки вспомнить одну имплицативную связь, которая может быть выражена следующим образом: **если в языке имеется суффикс многократности действия, то рано или поздно от этого значения может отпочковаться значение ослабленного действия или значение малой меры действия.** Наличие такого значения у суффикса -la подтверждается материалами тюркских языков. Ср. тат. sib- 'лить', но sibälä- 'накрапывать', узб. kašimok 'чесать', но kaši-la-tok 'почесывать', тат. sujrala- 'поглаживать' от sujra- 'гладить' и т. д.

Значение малой меры действия оказалось очень удобным для образования глаголов, обозначающих постепенное образование какого-либо качества, ср. тат. sirek 'редкий', но sirek-le- 'редеть'; тур. dağa 'узкий', но dağalmak 'суживаться' (возможно, из dağa-la-tak); узб. muz 'лед', но muz-la-tok 'постепенно превращаться в лед' и т. д.

Глаголы этого типа создали в сознании говорящих представление глаголообразовательной структуры *имя+суффикс -la*, которая была осмыслена как чисто глаголообразовательная структура, допускающая возможность образования глагола почти от любого имени. Эта структура начала быстро, чисто механически распространяться в тюркских языках. Суффикс -la утратил в деноминативных глаголах собственное значение.

Остается произвести поиски еще в одном направлении — по линии этимологизации суффикса -la. Нам представляется, что в попытках этимологизации суффикса -la наиболее близким к истине был Бётлингк, связавший его с суффиксом множественного числа -lar.

Суффикс множественного числа -lar некогда имел форму -la и обозначал не абстрактную множественность, а собирательную множест-

венность предметов. Тогда же он был использован как суффикс многократного действия. Такая его функция была вполне возможна, поскольку прерывистое действие, представляющее совокупность его отдельных однородных актов, могло быть ассоциировано с совокупностью однородных предметов. Таким путем возникают глаголы типа узб. *oşa-la-tok* 'много раз есть', кирг. *şarşu-la-* 'часто бить' от *şarşu-* 'бить' и т. д. Многократный суффикс *-la* развивает дополнительное значение малой меры действия, ср. тат. *suĵra-la-* 'поглаживать' от *suĵra-* 'гладить'. Это значение суффикса *-la* используется для образования глаголов, обозначающих постепенное нарастание определенного качества, ср. узб. *tuz-la-tok* 'превращаться в лед'. Структура *имя + суффикс -la* воспринимается как средство образования отыменных глаголов и начинает быстро распространяться. Такова возможная история суффикса деноминативных глаголов *-la*.

Ч. Ю. ЛАТЫПОВ

О СУБЪЕКТНО-ПРЕДИКАТИВНЫХ СВЯЗЯХ МЕЖДУ ЧЛЕНАМИ СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУР С НЕЛИЧНЫМИ ФОРМАМИ ГЛАГОЛА В АНГЛИЙСКОМ И ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

В современных тюркских и английском языках обнаруживается удивительное сходство синтаксических структур с неличными формами глагола (*verbum infinitum*): деепричастием, причастием, именем действия в тюркских языках и причастием и герундием — в английском. Например:

Башк. *Jyly kulyng hujraças, küdle bulyan hukyrdar...* (Р. Бикбаев) 'Когда твоя теплая рука провела по глазам, слепые обрели очи'.

Тат. *Rivares, any alga ütkärep, zur zal işegen açu belän, Dzemma üzläre çugur torgan arada biredä nindider üzenä ber xäl bulganyn kürep aldy* (Э. Войнич) 'Как только Риварес открыл дверь большой гостиной, Джемма почувствовала, что в ее отсутствие произошло что-то необычное'.

Узб. *Jigit çikib ketgandan süng jonidagy Bektursudan: — Nima küjaniz? — deb süradi* («Тошкент оқшоми») 'Когда юноша вышел, сидевший рядом спросил Бектурсу: — Что поставим?'.

Англ. *The lamp having been lit, Mrs. Macallan produced her son's letter* (Collins) 'Когда зажгли лампу, миссис Макаллан достала письмо от сына'.

On Mr. Pickwick's presenting himself at the bar an elderly female emerged from behind a screen (Dickens). 'Как только мистер Пиквик появился в баре, из-за ширмы выскочила пожилая женщина'.

Английские грамматисты считают подобные синтаксические структуры сложными членами простого предложения¹.

Мнения же тюркологов по данному вопросу расходятся. Одни исследователи склонны рассматривать их как синтетические придаточные предложения. М. Ш. Ширалиев отмечает, что хотя эта точка зрения была характерна для дореволюционной тюркологии, однако она развивается и в настоящее время в трудах ряда зарубежных и некоторых советских тюркологов².

Другие тюркологи полагают, что причастные и деепричастные обороты не могут считаться придаточными предложениями, а являются лишь компонентами простого предложения³.

¹ См., например: В. Н. Жигадло, И. П. Иванова, Л. Л. Иофик. Современный английский язык. М., 1956, стр. 292; В. Н. Ившин. *The Structure of Modern English*. Moscow—Leningrad, 1965, стр. 270 et al.

² См., например: Н. Т. Саурбанбаев. Основные способы связи составных частей в сложноподчиненном предложении. — В сб.: «Вопросы грамматики тюркских языков». Алма-Ата, 1958, стр. 118—121.

³ См.: Б. А. Серебренников. Выступление на координационном совещании по проблемам глагольного вида и сложноподчиненного предложения в тюркских языках. — В сб.: «Вопросы грамматики тюркских языков», стр. 192—193; М. Ш. Ширалиев. Проблема сложноподчиненного предложения. — Там же, стр. 81; Н. А. Баскаков. Выступление. — Там же, стр. 235 и др.

Сторонники третьей, компромиссной точки зрения утверждают, что причастные и деепричастные обороты могут рассматриваться как придаточные предложения лишь при наличии у них своего собственного подлежащего. Это положение широко освещается в работах Н. К. Дмитриева, Н. З. Гаджиевой, Г. Г. Саитбатталова и др.

Таким образом, структурно и функционально сходные синтаксические структуры английского и тюркских языков получают неадекватную оценку. Лишь тюркологи, придерживающиеся второй точки зрения, полностью солидаризуются с английскими грамматистами. При этом тюркологи считают наличие подобных структур специфической особенностью исключительно тюркских языков, чем, видимо, и объясняется то, что до сих пор в лингвистической литературе эти конструкции не изучались в сравнении с другими, нетюркскими языками⁴.

Между тем известно, что то или иное языковое явление может быть глубже познано при сравнительно-сопоставительном рассмотрении, а «без изучения других языков люди выносят о своем собственном языке весьма ложные, односторонние и превратные суждения»⁵. По справедливому замечанию Н. Я. Марра, «чтобы понять данный конкретно взятый язык, нужно рассматривать его в общем составе его же языковой группы (семьи), а чтобы глубже уйти в понимание последней, необходимо перейти к сопоставлению ее с иноструктурными языковыми группами»⁶.

Ниже мы попытаемся рассмотреть, исходя из вышесказанного, упомянутые структуры в английском и тюркских языках в сравнительно-сопоставительном плане, что может пролить свет на релевантные признаки данного грамматического явления в разнотипных языках на основе общих критериев. Ибо известно, что при определении любого грамматического явления в каком-либо из языков необходимо руководствоваться некоторыми общими принципами, применимыми ко всем языкам мира⁷.

Так как интересующие нас структуры в некоторых работах приравниваются к придаточным предложениям, необходимо выяснить, являются ли вообще предложениями составляющие части сложного предложения и могут ли словосочетания с неличными формами глагола представлять структурную основу предложения.

На вопрос, являются ли составляющие сложноподчиненного предложения предложениями, ряд исследователей отвечает отрицательно, считая, что, поскольку сложное предложение представляет собой единое целое, оно не может распадаться еще на отдельные предложения. Например, М. И. Стеблин-Каменский замечает, что части сложного предложения «называются предложениями только по недоразумению»⁸. Для составляющих сложноподчиненного предложения в лингвистической литературе предлагаются термины «части сложного предложе-

⁴ В этом упрекнул тюркологов и монголист Т. А. Бертагаев в своем выступлении на координационном совещании по проблемам глагольного вида и сложноподчиненного предложения в тюркских языках (см.: «Вопросы грамматики тюркских языков», стр. 193).

⁵ М. Dohnány. Porovnávaňja Ruštiny so Slovenčinou. — «Slovenskje pohľad», II, 1851, č. 2, стр. 43 (Цит. по: А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология, ч. I. Братислава, 1954, стр. 5).

⁶ Цит. по: И. И. Мещанинов. Общее языкознание. К проблеме стабильного слова и предложения. Л., 1949, стр. 9.

⁷ См.: Б. А. Серебрянников. Проблема глагольного вида в тюркских языках. — В сб.: «Вопросы грамматики тюркских языков», стр. 29.

⁸ М. И. Стеблин-Каменский. Грамматика норвежского языка. М.—Л., 1957, стр. 174.

ния»⁹, «предикативные единицы»¹⁰, «предикативные части»¹¹, «придаточные квазипредложения»¹², компоненты, ингредиенты сложноподчиненного предложения и т. п.

Однако А. М. Пешковский рассматривал сложное предложение как «союз предложений», считая, что его правильнее называть другим термином — «периодом»¹³. Ряд авторов, соглашаясь с А. М. Пешковским, утверждает, что простое предложение, входящее в состав сложного на правах части последнего, не утрачивает своих существенных свойств предложения и не превращается в словесную форму или какую-либо другую языковую единицу, не обладающую признаками предложения¹⁴. Так, например, М. Б. Балакаев пишет: «Сложное предложение, представляющее собой нечто цельное по смыслу и форме, состоит из простых предложений. Но простые предложения в составе сложных, хотя и не имеют смысловой и интонационной законченности, но не теряют, однако, при этом и своих основных признаков предложения»¹⁵. Согласно Т. П. Ломтеву, «сложное предложение остается сложным до тех пор, пока в него входят разные предложения; как только одно из них перестает быть предложением, сложное предложение перестает быть сложным, ср.: *он читал газеты, которые были получены вчера вечером и он читал газеты, полученные вчера вечером*»¹⁶.

Авторы некоторых работ вслед за В. В. Виноградовым полагают, что составляющие сложного предложения по форме однотипны с простыми предложениями, но, не обладая коммуникативной и интонационной законченностью внутри сложного целого, характерной для категории предложения, не являются равноценными простому предложению¹⁷. Аналогично подходят к указанной проблеме и исследователи, рассматривающие предложение в двух аспектах — как единицу языка и как единицу речи. Составляющие сложного предложения в плане языка, по их мнению, правомерно называть предложениями (предложения-модели, структурные предложения); в плане же речи, они, не обладая самостоятельным коммуникативным значением и интонацией сообщения, не могут квалифицироваться как предложения¹⁸.

Думается, что при рассмотрении письменных текстов, вполне можно согласиться с последними авторами, тем более, что их точка зрения не

⁹ Н. С. Поспелов. О грамматической природе сложного предложения. — В сб.: «Вопросы синтаксиса современного русского языка». М., 1953, стр. 326.

¹⁰ Е. В. Кроткевич. Структура сложноподчиненного предложения. — В сб.: «Вопросы славянского языкознания». Львов—Харьков, 1953, стр. 46.

¹¹ С. Е. Крючков, Л. Ю. Максимов. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. М., 1969, стр. 6.

¹² С. А. Соколов. К вопросу о классификации сложных предложений в современном литературном турецком языке. — В сб.: «Структура и история тюркских языков». М., 1971, стр. 156—157.

¹³ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, стр. 445.

¹⁴ См.: Л. С. Бархударов, Г. В. Колишанский. К проблеме структуры сложного предложения. — «Сборник статей по языкознанию (Профессору Московского университета академику В. В. Виноградову)». М., 1958, стр. 43.

¹⁵ М. Б. Балакаев. Выступление на координационном совещании по проблемам глагольного вида и сложноподчиненного предложения в тюркских языках. — В сб.: «Вопросы грамматики тюркских языков», стр. 219.

¹⁶ Т. П. Ломтев. Природа синтаксических явлений. — «Филологические науки», 1961, № 3, стр. 33.

¹⁷ См.: «Грамматика русского языка», т. II. Синтаксис, ч. I. М., 1954, стр. 99; В. Г. Адмони. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М., 1955, стр. 209; К. З. Ахмеров. Синтаксис сложносочиненного предложения в башкирском языке (на башк. яз.). Уфа, 1960, стр. 7 и др.

¹⁸ См.: В. К. Покусаенко, Е. В. Скорлуповская. О компонентах сложного предложения. — «Филологические науки», 1965, № 4, стр. 115—116.

противоречит мнению грамматистов, усматривающих в составляющих сложного предложения именно предложения.

Согласившись, таким образом, с тем, что составляющие сложного предложения представляют собой простые предложения, необходимо установить релевантные признаки последних. Как считает М. Б. Балакаев, «чтобы хорошенько разобраться в синтаксисе простого предложения, нам надо учесть закономерности простого предложения, ибо синтаксис первого развивается из синтаксиса последнего»¹⁹.

Анализ имеющейся лингвистической литературы показывает, что существует несколько подходов к этому вопросу.

Одни лингвисты в качестве конституирующего члена предложения рассматривают только личную форму глагола. Например, А. А. Потемня полагал, что глагол в личной форме является наиболее самостоятельным членом предложения, который сам по себе может составлять предложение²⁰.

Другие считают, что «важнейшим формальным признаком предложения является интонация»²¹. Это чрезмерное акцентирование роли интонации в противовес существующему взгляду на личную форму глагола как на конституирующий член предложения восходит еще к А. А. Шахматову, который писал: «Определение предложения, как и вообще весь синтаксис, имеет в виду живую человеческую речь, а не то несовершенное и бледное отражение, какое она получает на письме»²². Такого же мнения придерживаются и некоторые тюркологи. Например, С. А. Аманжолов отмечает: «Интонация — один из признаков определения границ предложения как в сложносочиненных, так и в сложноподчиненных предложениях. Интонация — это одно из мерил в разграничении состава сложного предложения»²³.

Однако, поскольку лингвисту приходится иметь дело с предложениями, не содержащими личной формы глагола, или с предложениями письменных текстов, лишенных интонационной экспликации, то, как справедливо указывает А. М. Мухин, ни один из вышеназванных признаков предложения не может считаться основополагающим²⁴.

Предложение, согласно А. М. Мухину, должно определяться, подобно объективно существующим вещам и их отношениям, через свои составляющие и возникающие между ними реальные отношения, именуемые синтаксическими связями²⁵.

А. М. Мухин устанавливает следующие типы синтаксической связи между членами предложения:

- 1) социативно-предикативная связь, где оба компонента в равной мере предполагают друг друга (*Сестра пришла*);
- 2) нулевая предикативная связь, которая не связывает один компонент с другим компонентом предложения (*Море. Тропики*);
- 3) субординативная связь (*Абсолютный штиль*);
- 4) координативная связь (*И зверь, и человек, и леший бродит*);

¹⁹ М. Б. Балакаев. Указ. выступление, стр. 220.

²⁰ См.: А. А. Потемня. Из записок по русской грамматике, т. I—II. М., 1958. стр. 109.

²¹ «Современный русский язык», ч. II. Морфология, синтаксис. Под ред. Е. М. Галкиной-Федорук. М., 1964, стр. 266.

²² См.: С. А. Аманжолов. Вопросы учения о предложении по материалам архива А. А. Шахматова. — В сб.: «А. А. Шахматов (1864—1920)». М., 1947, стр. 327.

²³ С. А. Аманжолов. Выступление на координационном совещании... — В сб.: «Вопросы грамматики тюркских языков», стр. 212.

²⁴ А. М. Мухин. Структура предложений и их модели. М., 1968, стр. 58.

²⁵ Там же, стр. 66.

- 5) интродуктивная связь (*Видно, так уж бывает на свете*);
 6) социативная связь (*Он пал мертвый; I saw him crossing the road* 'Я видел, как он пересекал дорогу').

Далее автор показывает, что первые два типа синтаксической связи сами по себе, независимо от наличия другой синтаксической связи, способны создавать предложение, в то время как остальные типы связей не обладают этой способностью, выступая в предложении лишь при обязательном наличии в нем первых двух связей. Учет распределения личных и неличных форм глагола между синтаксическими связями в предложениях подводит исследователя к следующему общему заключению: если в предложении используется личная форма глагола, то она участвует в выражении либо социативно-предикативной связи, либо нулевой предикативной связи, то есть той связи, которая составляет структурную основу предложения, тогда как на долю других синтаксических связей (не составляющих структурной основы предложения) приходится лишь неличные формы глагола²⁶.

В лингвистике известны и другие классификации синтаксических связей между словами в предложении. Так, например, используя метод субституции, то есть путем подстановки одной или нескольких непосредственно составляющих (НС) вместо всей группы синтаксически связанных между собой слов (словосочетаний, предложений) на основе тождественности или различия синтаксических функций всей группы в целом и ее НС, Л. С. Бархударов устанавливает три основных типа синтаксической связи: подчинение, сочинение и предикация. Предикация (предикативная связь) отличается от сочинения и подчинения тем, что синтаксические функции обеих составляющих не совпадают с синтаксической функцией всего словосочетания в целом, и поэтому подстановка ни одной из НС вместо всего словосочетания невозможна²⁷.

Л. С. Бархударов отмечает, что предикативная связь характерна как для словосочетания «подлежащее+сказуемое», так и для инфинитивных, герундиальных и причастных (абсолютных) предикативных словосочетаний²⁸. При этом он указывает на сходство подлежащего и сказуемого предложения, с одной стороны, с предикативными словосочетаниями — с другой, которое заключается в том, что обе эти структуры всегда двучленны, причем их члены представлены аналогичными частями речи: первый, — как правило, существительным, субстантивным словосочетанием или местоимением, а второй — чаще всего глагольной формой или глагольным словосочетанием. Причем в предложении обычно, а в предикативном словосочетании всегда первый член предшествует второму. Например:

Предложение

The night was cold 'Ночь была холодная'.

Предикативное словосочетание

Anthony jumped out of bed and, the night being cold, put on his dressing-gown and slippers (A. Huxley)²⁹ 'Антони вскочил с постели и, так как ночь была холодной, надел халат и комнатные туфли'.

²⁶ См.: А. М. Мухин. Указ. раб., раздел 4.

²⁷ Л. С. Бархударов. Структура простого предложения современного английского языка. М., 1965, стр. 35—40.

²⁸ Там же, стр. 39.

²⁹ Там же, стр. 129.

Тем не менее, подчеркивает Л. С. Бархударов, предикативные словосочетания не являются предложениями, ибо они не обладают существенным признаком любого предложения — подлежащно-сказуемостной структурой, делающей возможным самостоятельное употребление в речи. Отсутствие характерной для подлежащего и сказуемого корреспонденции в формах числа и лица не позволяет предикативным словосочетаниям, в отличие от предложений, выступать самостоятельно, вне состава предложения³⁰.

Таким образом, несмотря на кажущееся различие в понимании границ предикативной связи, как А. М. Мухин, так и Л. С. Бархударов приходят к заключению, что синтаксические связи между членами структур с неличными формами глагола не могут служить структурной основой предложения.

На роль предикативной связи как составляющей «основу и ядро» предложения указывается и в тюркологической литературе: «Предикативная связь, или предикация, представляет собой акт, в котором соединяются две основные синтаксические категории: одна, называемая подлежащим, является носителем признака, другая, называемая сказуемым, передает самый признак»³¹.

Тюркологи, исследующие проблемы синтаксиса простого предложения, единодушны в том, что подлежащее и сказуемое должны быть согласованы в лице и числе. «Согласование подлежащего и сказуемого в лице для тюркских языков является обязательным», — пишет Н. К. Дмитриев³². Согласно Н. А. Баскакову, «каждое простое предложение состоит из двух зон: 1) зоны подлежащего и 2) зоны сказуемого, которые согласованы всегда в лице (и факультативно — в числе) и представляют собой основу простого предложения — две главные его части (разрядка наша. — Ч. Л.)»³³. Эту мысль поддерживает Е. И. Убрятова: «Ядром любого предложения в якутском языке является предикативное словосочетание, состоящее из подлежащего (может быть опущено) и согласованного с ним в лице сказуемого (разрядка наша. — Ч. Л.)»³⁴.

Однако эта важнейшая сторона предложения — координация подлежащего и сказуемого, обязательная в лице и факультативная в числе, — передается забвению, когда тюркологи начинают рассматривать сложные предложения. Между тем анализ наличия или отсутствия предикативной связи, как замечает Э. В. Севортян, «обязателен для любого предложения — и независимого, и зависимого, т. е. придаточного»³⁵. Аналогичное высказывание находим и у Н. А. Баскакова: «К каждому предложению, является оно сложным, простым или придаточным, должны предъявляться одинаковые требования»³⁶.

В свете сказанного трудно согласиться со сторонниками так называемого «синтаксического придаточного предложения» в тюркских язы-

³⁰ Л. С. Бархударов. Указ. раб., стр. 128—130.

³¹ Э. В. Севортян. О некоторых вопросах структуры предложения в тюркских языках. — В сб.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. III. Синтаксис. М., 1961, стр. 5.

³² Н. К. Дмитриев. Детали простого предложения. — Там же, стр. 39.

³³ Н. А. Баскаков. Простое предложение в каракалпакском языке. — Там же, стр. 71.

³⁴ Е. И. Убрятова. Выступление на координационном совещании... — В сб.: «Вопросы грамматики тюркских языков», стр. 223.

³⁵ Э. В. Севортян. О некоторых вопросах сложноподчиненного предложения в тюркских языках. — В сб.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. III. Синтаксис, стр. 123.

³⁶ Н. А. Баскаков. Указ. выступление, стр. 232.

ках, которые считают, что «глагольные имена (причастия, имена действия) представляют собой специфическую форму выражения сказуемого придаточного предложения..., обусловленную историческими путями развития данного типа сложноподчиненного предложения»³⁷.

Эту историческую обусловленность обычно объясняют тем, что развитие сложного предложения шло двумя путями: 1) путем синтаксического сращения предложений — сложения двух простых, 2) путем вычленения зависимого предложения в недрах независимого — усложнения или обогащения простого предложения на почве развития его отдельной части или трансформации определительных групп в предикативные, либо же возникновения подлежащего в деепричастных обстоятельственных оборотах простого предложения. Сказуемое придаточного предложения первого типа имеет личную форму, поскольку оно восходит к сказуемому независимого предложения. Сказуемое придаточного предложения второго типа имеет форму зависимого сказуемого — деепричастия, поскольку оно восходит к глагольному обстоятельству члену простого распространенного предложения³⁸.

По данному вопросу, однако, в последнее время высказывались и несколько иные суждения. Так, по мнению Н. З. Гаджиевой, «одним из характерных для строя тюркских языков путей развития сложноподчиненных предложений было их развитие не изнутри, а путем сложения двух ранее самостоятельных предложений, которые под давлением своей системы стремились превратиться в одно. Внутренним же путем в недрах простого предложения могли развиваться лишь причастные, деепричастные и глагольно-именные словосочетания, имеющие общий с главной определяемой частью предложения субъект действия в виде одного грамматически выраженного подлежащего...»³⁹ При сложении двух глагольных предложений глагол зависимого предложения грамматически трансформируется, стараясь утратить глагольность и обрести именную форму... Процесс трансформации исторически самостоятельных предложений сопровождается действием закономерной синтаксической тенденции: в условиях смыслового подчинения при двух самостоятельных подлежащих — стремление сократить одно сказуемое — *verbum infinitum*. И если в индоевропейских языках средства подчинения сохраняли самостоятельность обоих предложений (подчиненного и подчиняемого), то структура тюркских языков предопределила такое положение, что средства подчинения превращали грамматически самостоятельные предложения в несамостоятельные. Зависимые трансформы — это исторические самостоятельные предложения, но либо адъективизировавшиеся, либо субстантивизировавшиеся. Это новая структурная единица, не укладывающаяся ни в рамки предложения европейского типа, ни в рамки причастных, деепричастных естественных образований»⁴⁰.

Как следует из вышесказанного, сказуемое трансформируемого предложения из личной формы глагола переходит в неличную, в результате чего утрачивается согласование сказуемого с подлежащим, а

³⁷ Э. А. Грунина. Некоторые вопросы синтаксиса сложноподчиненного предложения в современном литературном узбекском языке. — В сб.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. III. Синтаксис, стр. 145.

³⁸ См.: Э. В. Севортян. О некоторых вопросах сложноподчиненного предложения в тюркских языках, стр. 126—127.

³⁹ Аналогичную мысль высказал и К. З. Ахмеров (Указ. раб., стр. 15).

⁴⁰ Н. З. Гаджиева. Агглютинация как определяющий фактор развития синтаксической структуры тюркских языков. — В сб.: «Проблемы языкознания». М., 1967, стр. 182.

это, в свою очередь, означает, что результирующую неличную форму уже нельзя определять как сказуемое. Там же, где нет сказуемого, нет и подлежащего. А когда отсутствуют и подлежащее, и сказуемое, не может быть речи и о самом предложении. Вот почему, на наш взгляд, неправы те авторы, которые, опираясь только на смысловые отношения и находясь в плену представлений о европейских, в первую очередь о русских сложноподчиненных предложениях, продолжают называть трансформированные синтаксические структуры с неличными формами глагола придаточными предложениями синтетического типа.

Поскольку рассматриваемые нами синтаксические структуры с неличными формами глагола в английском и тюркских языках, как это мы старались показать, не представляют собой предложений, их НС не могут быть определены как подлежащее и сказуемое. НС подобных структур в английском языке Л. С. Бархударов именует: первую — субъектным членом, вторую — предикативным членом⁴¹. Эти термины можно применять и к синтаксическим структурам с неличными формами глагола в тюркских языках, тем более, что определения «субъект в именительном падеже»⁴², «субъект конструкций»⁴³ уже встречались в тюркологической литературе.

Наличие субъектного члена в исследуемых структурах Э. В. Севортян объясняет следующим образом: «Так как деепричастие не имеет категории лица, то придаточное предложение с подобным сказуемым всегда нуждается в выделенном подлежащем...»⁴⁴; Н. З. Гаджиева же полагает, что «наличие двух самостоятельных грамматически выраженных подлежащих является реликтом того, что первоначальный замысел заключался в соединении двух самостоятельных простых предложений»⁴⁵. По всей вероятности, сохранение субъектного члена предикативного словосочетания обуславливается тем, что его референт, как замечает Л. С. Бархударов, никогда не совпадает с референтом подлежащего предложения, то есть они всегда обозначают разные предметы или разных лиц. Опускание субъектного члена приводит к изменению семантических связей в предложении: неличная форма уже обозначает действие, совершаемое не другим, а тем же лицом, обозначенным подлежащим предложения. Например:

Англ. *He held at the boat, it rising and falling* 'Он держался за лодку, когда она поднималась и опускалась'. — *He held at the boat, rising and falling* 'Он держался за лодку, поднимаясь и опускаясь'.

The night being cold, he put on his gown 'Так как ночь была холодная, он надел халат'. — *Being cold, he put on his gown* 'Озябнув, он надел халат'⁴⁶.

Тат. *Min mäktäptän kajtkaç, abyj kinoga kätte* 'Когда я вернулся из школы, брат пошел в кино' — *Mäktäptän kajtkaç, abyj kinoga kätte* 'Брат вернулся из школы и пошел в кино'.

Такой семантический сдвиг, по мысли Л. С. Бархударова, обусловлен тем, что рассматриваемые предложения характеризуются различной трансформационной историей, то есть они образованы в результате сложения различных самостоятельных предложений:

⁴¹ См.: Л. С. Бархударов. Указ. раб., стр. 130.

⁴² М. Ш. Ширалиев. Указ. раб., стр. 81.

⁴³ С. А. Соколов. Указ. раб., стр. 157.

⁴⁴ Э. В. Севортян. О некоторых вопросах сложноподчиненного предложения в тюркских языках, стр. 127.

⁴⁵ Н. З. Гаджиева. Указ. раб., стр. 182.

⁴⁶ Л. С. Бархударов. Указ. раб., стр. 130—131.

<p><i>The night was cold</i> 'Ночь была холодная'. <i>He put on his gown</i> 'Он надел халат'.</p>	} →	<p><i>The night being cold, he put on his gown</i> 'Так как ночь была холодная, он надел халат'.</p>
<p><i>He was cold</i> 'Он озяб'. <i>He put on his gown</i> 'Он надел халат'.</p>	} →	<p><i>Being cold, he put on his gown</i> 'Озябнув, он надел халат'.</p>
<p><i>Min mäktäptän kajttum</i> 'Я вернулся из школы'. <i>Abyj kinoga kitte</i> 'Брат пошел в кино'.</p>	} →	<p><i>Min mäktäptän kajtkaç, abyj kinoga kitte</i> 'Когда я вернулся из школы, брат пошел в кино'.</p>
<p><i>Abyj mäktäptän kajtty</i> 'Брат вернулся из школы'. <i>Abyj kinoga kitte</i> 'Брат пошел в кино'.</p>	} →	<p><i>Abyj, mäktäptän kajtkaç, kinoga kitte</i> 'Брат вернулся из школы и пошел в кино'.</p>

Из приведенного видно, что простые обороты с неличными формами глагола образуются в результате трансформации двух исходных простых самостоятельных предложений, подлежащие которых представлены одним и тем же лицом или предметом.

Таким образом, анализ функционально и структурно сходных построений английского и некоторых тюркских языков показывает, что между членами этих построений существует субъектно-предикативная связь; однако отсутствие конституирующих признаков подлежащно-сказуемой структуры предложения не позволяет рассматривать эти единицы как предложения. Они могут выступать лишь в роли сложных или осложненных членов предложения. Предложения, содержащие в своем составе структуры с неличными формами глагола в виде субъектных и предикативных членов, можно называть, в отличие от собственно простых предложений, осложненными предложениями⁴⁷. Факты рассматриваемых языков убеждают нас в том, что осложненные предложения не могут квалифицироваться как сложноподчиненные.

⁴⁷ См.: Н. Ф. Иргеньева. Конструкции с инфинитивом, герундием и причастием в современном английском языке. — «Иностранные языки в школе», 1967, № 6, стр. 17; С. А. Соколов. Указ. раб., сноска 6 на стр. 160—161.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

К. М. ЛЮБИМОВ

О ЧИСЛОВОМ ЗНАЧЕНИИ НУЛЕВОЙ ФОРМЫ ТЮРКСКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

(НА МАТЕРИАЛЕ ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА)

О категории числа в тюркских языках написано много. Однако эта тема продолжает интересовать языковедов-тюркологов¹.

В настоящей статье мы хотим высказать некоторые соображения о числовом значении нулевой формы тюркских существительных, то есть формы, не имеющей морфологических показателей.

Исследователи строя тюркских языков, дающие описание категории числа того или иного конкретного языка, считают, что нулевая форма всякого существительного выражает прежде всего единичность предмета, и называют эту форму единственным числом, противопоставляя ее множественному числу с аффиксом *-lar*.

Словари тюркских языков подают нулевую форму существительных, как правило, со значением единственного числа: тур. *at* 'лошадь', *ayak* 'нога', *kitap* 'книга' и т. д.

Между тем тюркские существительные нарицательные, выражающие считаемые предметы, заключают в себе и единичность, и множественность, а точнее, некую количественную неопределенность, которая по-разному конкретизируется в различных ситуациях и контекстах. Так, слово *at* в зависимости от ситуации может иметь разное числовое значение: «одна лошадь», «много лошадей», «неопределенно сколько или безразлично сколько лошадей (одна, несколько или много)».

Числовая неопределенность в нулевой форме существительных при выражении единичности уточняется числительным *bir* 'один', 'одна', 'одно'; при выражении определенной множественности — числительными *beş* 'пять', *on* 'десять' и т. д. и при выражении неопределенной множественности — аффиксом множественного числа: *masanın üstünde bir kitap vardır* 'на столе имеется одна книга'; *masanın üstünde beş*

¹ См.: Б. А. Серебrenников. О некоторых частных деталях процесса образования аффикса множественного числа *-lar* в тюркских языках. — «Советская тюркология», 1970, № 1, стр. 49—53; А. М. Шербак. Формы числа у имен в тюркских языках. — «Вопросы языкознания», 1970, № 3, стр. 87—99; С. А. Соколов. Категория числа в турецком литературном языке и ее взаимосвязь со смежными лексико-грамматическими категориями. — «Советская тюркология», 1970, № 4, стр. 71—81; А. Азнабаев, В. Псянчин. К проблеме исторического развития аффикса множественного числа *-lar* в тюркских языках. — «Советская тюркология», 1971, № 5, стр. 11—20. Значительное место уделено категории числа также в работе: В. Г. Гузев, Д. М. Насилов. Конкретно-предметные значения тюркского имени существительного как зона релевантности категорий числа и определенности—неопределенности. — «Советская тюркология», 1971, № 5, стр. 21—25.

kitap vardır 'на столе имеется пять книг'; *masanın üstünde kitaplar vardır* 'на столе имеются книги'.

Числовая неопределенность тюркских существительных иногда конкретизируется логически. Так, турецкое слово *göz* может означать «два глаза (глаза)», слово *el* — «две руки (руки)», слово *ayak* — «две ноги (ноги)» и т. д. Например: *onun gözünde* 'в его глазах', *kendi elinde* 'в своих руках', *ayakta* 'на ногах', *ayağına çarık giydi* 'он надел на ноги ботинки'.

Естественно, что тюркские существительные нарицательные в нулевой форме могут иметь абстрактно-собирательное значение, выражая, как и существительные в других языках, весь класс однородных предметов: *at çok faydalı bir hayvandır* 'лошадь — очень полезное животное', *köpek insanın dostudur* 'собака — друг человека', *kartal sinek avlamaz* 'орел не ловит мух'.

Кроме того, тюркские существительные в нулевой форме могут выражать нечленимую совокупность чего-либо, например: хлеба, сыра, сахара, воды, молока и т. п., а также какую-либо часть этой совокупности: *Ben ekmek peynir yedim çay içtim* 'Я поел хлеба и сыру и выпил чаю'.

Многозначность нулевой формы тюркских существительных отмечалась многими тюркологами. Приведем несколько высказываний.

Н. К. Дмитриев: «Соотношение единственного и множественного чисел в тюркских языках не то, что в русском и других европейских. Слово ТАШ не есть единственное число, с точки зрения русского и других языков. Это — недифференцированная форма для обозначения коллективного понятия «каменной вообще». Она может функционировать и по линии единственного, и по линии множественного числа. В каждом отдельном случае требуются особые синтаксические условия. Итак, слово ТАШ есть понятие коллективной неопределенности»².

А. Н. Кононов: «В турецком языке имя существительное без аффиксов *-lar/-ler* (формант множественного числа) выражает одновременно весь класс, род существ. предметов в целом, а также и отдельных представителей данного класса, рода. Так, например, имя существительное *at* на русский язык должно быть переведено словами 'лошадь' || 'лошади' || весь класс „лошадь“. Таким образом, т. наз. форма единственного числа турецкого имени представляет собой нечленимое, однородное или «сплошное множество, понятое как единица»³.

А. М. Щербак: «В древних и современных тюркских языках форма имени без специального морфологического показателя имеет значение неопределенной или совокупной множественности. В современных тюркских языках указанная форма нередко выражает значение единичности», и далее: «...в значении множественного часто выступают неформальные имена, причем в таких случаях, которые для индоевропейских языков, как правило, недопустимы»⁴.

С. А. Соколов: «Форма единственного числа существительного без неопределенного артикля объективно может иметь также значение множественности»⁵.

² Н. К. Дмитриев. Категория числа. — В кн.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. II. Морфология. М., 1956, стр. 68.

³ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 67.

⁴ А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 94, 97.

⁵ С. А. Соколов. Указ. раб., стр. 75.

Однако все тюркологи говорят о нулевой форме существительных как о форме единственного числа. Это видно из следующих примеров.

Н. К. Дмитриев: «Если тюркское слово в своей первоначальной форме обозначает целую категорию, то понятно, что при количественных числительных существительное ставится в единственном числе. (Здесь и далее выделено нами. — К. Л.). Это — норма для всех тюркских языков. Ср. тур. *kirk kitap* 'сорок книг' — дословно 'сорок книга'»⁶.

А. Н. Кононов: «...т. наз. форма единственного числа турецкого имени представляет собой нечленимое однородное или «сплошное множество, понятое как единица»⁷.

А. М. Щербак: «Если, например, для русского языка употребление формы единственного числа имен в значениях множественного допустимо в ограниченных размерах и иногда кажется несколько необычным..., то для современных тюркских языков это довольно распространенное явление, а для древних — почти норма»⁸.

С. А. Соколов: «Форма единственного числа... действительно весьма многозначна. Нетрудно заметить, что она прежде всего может иметь значение как единичности, так и собирательной, нерасчлененной, недифференцированной множественности»⁹.

С. С. Майзель писал: «...Турецкий язык имеет собственно два числа — определенное и неопределенное, причем каждое из них может мыслиться и как единственное и как множественное. Определенное число, получая определенность от стоящего перед ним числительного, является определенно-единственным, если это числительное выражено словом *bir* «один», «одна», «одно», или же определенно-множественным, если это числительное выражено каким-нибудь другим словом: *bir ev* «один дом», *bir oda* «одна комната», *bir pencere* «одно окно» (определенно-единственное число) и *iki ev* «два дома», *beş oda* «пять комнат», *on dört pencere* «четырнадцать окон» (определенно-множественное число).

Само исчисляемое слово не имеет в определенном числе никаких аффиксов, и то, что придает ему определенность в числовом отношении, является, как видно из вышеприведенных примеров, именем числительным. С другой стороны, неопределенное число потому и является неопределенным, что оно не уточнено именем числительным, причем оно может мыслиться либо как безразличное с точки зрения единственности или множественности, либо как неопределенно-множественное; в первом случае (как неопределенно-безразличное) оно никаких показателей не получает (ни числительных, ни аффиксов), а во втором случае (как неопределенно-множественное) оно принимает аффикс множественности *-lar/-ler*¹⁰.

Таким образом, тюркские существительные в нулевой форме могут выражать в контексте или в конкретной ситуации единичность (один предмет), множественность (несколько или много предметов), парность (два однородных предмета), собирательность (родовое понятие), частичность (часть от целого), числовую неопределенность (неопределенно-безразличное число: один, несколько или много предметов). Чтобы быть последовательным, необходимо признать, что нулевая форма тюркских существительных не есть форма единственного числа. Языковые

⁶ Н. К. Дмитриев. Указ. раб., стр. 69.

⁷ А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 67.

⁸ А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 96.

⁹ С. А. Соколов. Указ. раб., стр. 73.

¹⁰ С. С. Майзель. Изафет в турецком языке. М.—Л., 1957, стр. 103.

примеры показывают, что нулевая форма тюркских существительных **есть форма неопределенного числа**, которое в каждом конкретном случае уточняется контекстом или ситуацией.

Перечислим случаи употребления нулевой формы или формы неопределенного числа турецких существительных:

1) количественная сторона предметов и понятий является не существенной для говорящего и слушающего: *Bu kutuda kibrit var mı? Evet, bu kutuda kibrit vardır* 'В этой коробке спички есть? Да, в этой коробке спички есть';

2) существительное употребляется с числительными и с наречиями количества: *beş masa* 'пять столов' (не 'пять стол!'), *çok kitap* 'много книг' (не 'много книга!');

3) существительное употребляется в сочетании с другим, лексически выражающим совокупность, например: «полк», «группа», «стая» и т. п.: *asker alayı* 'полк солдат', *kuş sürüsü* 'стая птиц';

4) существительное является выразителем таких пар предметов, как глаза, руки, ноги: *ayağına çarık giydi* 'он надел на ноги ботинки'. Употребление аффикса *-lar* в этом случае не обязательно;

5) отрицается наличие чего-либо: *Bu odada masa yoktur* 'В этой комнате нет столов';

6) существительное употребляется в собирательном значении: *At çok faydalı bir hayvandır* 'Лошадь — очень полезное животное';

7) существительное передает значение части нечленимого целого: *Ahmet mağazadan ekmek, peynir, sucuk ve şeker aldı* 'Ахмед купил в магазине хлеба, сыру, колбасы и сахару';

8) существительное выражает отвлеченное понятие: *saadet* 'счастье', *cesaret* 'храбрость', *zenginlik* 'богатство' и т. д.

Тюркские существительные, снабженные падежными аффиксами и аффиксами принадлежности, выражают единичность предмета: *Ben evden çıktım, arabaya bindim* 'Я вышел из дома и сел в машину'; *Kitabı okudum ve dolabın içine koydum* 'Я прочел (эту) книгу и положил ее в шкаф'; *Bisikletimi bizim komşunun çocuğuna verdim* 'Я отдал свой велосипед мальчику нашего соседа'.

Тюркские существительные, употребляемые со словом *bir* 'один', 'одна', 'одно', всегда имеют значение единственного числа: *bir at* 'лошадь' или 'одна лошадь', *bir kitap* 'книга' или 'одна книга', *bir ayak* 'нога' или 'одна нога'.

Если существительное является выразителем единственного в своем роде предмета (Солнце, Земля, Луна и т. п.), то, естественно, оно воспринимается как имеющее значение единственного числа: *Dünya, güneşin etrafında döner* 'Земля вращается вокруг Солнца'; *Ay, dünyanın etrafında döner* 'Луна вращается вокруг Земли'.

Количественная сторона предметов (один, несколько, много) часто не имеет существенного значения как для говорящего, так и для того, к кому говорящий обращается. Когда мы спрашиваем, есть ли в соседней комнате столы (или в этом коробке — спички), для нас не имеет значения количество предметов. Один или несколько столов, одна или несколько спичек — для нас несущественно. В этих вопросах русские существительные стоят во множественном числе (столы, спички). В турецких же предложениях существительные будут употреблены в нулевой форме, то есть в неопределенном числе. И в ответах на эти вопросы существительные также будут иметь форму неопределенного числа.

Например:

1) *Komşu odada masa var mı? Evet, komşu odada masa vardır. (Hayır, komşu odada masa yoktur)* 'Есть ли в соседней комнате столы? Да, в соседней комнате есть столы. (Нет, в соседней комнате нет столов)';

2) *Bu kutuda kibrit var mı? Evet, bu kutuda kibrit vardır. (Hayır, bu kutuda kibrit yoktur)* 'Есть ли в этом коробке спички? Да, в этом коробке есть спички. (Нет, в этом коробке нет спичек)'.
 Как можно заметить, в русских предложениях, в которых отрицается наличие тех или иных предметов, существительные стоят во множественном числе. Эта алогичность в турецких предложениях отсутствует.

Грамматика и в большой степени лексика тюркских языков неразрывно связаны с логикой, со здравым смыслом. Здравый смысл конкретизирует широкие значения грамматических форм, уточняет значения словосочетаний, делает ясными значения отдельных слов в контексте или ситуации. Именно здравый смысл позволяет экономить выразительные средства тюркских языков, о чем в последнее время много говорят и пишут.

А. М. Щербак отмечает следующее: «Тщательное исследование древних и современных тюркских языков убеждает в том, что одной из отличительных особенностей их является максимальная экономия выразительных средств... Там, где нет необходимости в специальном выражении мн. числа, аффикс **-лар** отсутствует...»¹¹

Это обстоятельство необходимо иметь в виду при рассмотрении грамматических категорий и отдельных грамматических форм, в том числе и категории числа в тюркских языках.

Признание за нулевой формой тюркских существительных формы **неопределенного числа** делает понятными многие особенности тюркских языков, как, например:

1) многозначность нулевой формы тюркских существительных (не формы единственного числа) в числовом отношении;

2) широкое употребление тюркских существительных в различного рода собирательных значениях;

3) тот факт, что такие существительные, как *göz* 'глаз/глаза', *el* 'рука/руки', *ayağ* 'нога/ноги' могут выражать в контексте или определенной ситуации один предмет или пару предметов;

4) отсутствие аффикса множественного числа у тюркских существительных, употребляемых с числительными;

5) отсутствие аффикса множественного числа у тюркских существительных в сочетаниях с существительными же, объединяющими отдельные предметы в единое целое («полк», «группа», «стая» и т. д.): *asker alayı* 'полк солдат', *kuş sürüsü* 'стая птиц';

6) тот факт, что тюркские существительные, употребляемые с предикативным квазипричастием *yok* 'отсутствующий', не принимают аффикса множественного числа.

В заключение несколько слов о подаче тюркских существительных в словарях. Традиционно признавая нулевую форму тюркских существительных формой единственного числа, составители двуязычных тюрк-

¹¹ А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 96. См. также: Г. П. Мельников. Синтаксический строй тюркских языков с позиций системной лингвистики. — «Народы Азии и Африки», 1969, № 6, стр. 104—113; его же. Принципы системной лингвистики в применении к проблемам тюркологии. — В кн.: «Структура и история тюркских языков». М., 1971, стр. 121—137.

ских словарей переводят тюркские слова единственным числом, например: *at* 'лошадь', *ayak* 'нога', *kitap* 'книга' и т. д., тогда как вне конкретной ситуации или контекста тюркские существительные, за исключением некоторых отмеченных выше групп, всегда неопределенны в количественном отношении. Более верным будет следующий вариант подачи значений тюркских существительных: *at* 'лошадь/лошади', *ayak* 'нога/ноги', *kitap* 'книга/книги', *kibrit* 'спичка/спички' и т. д.

Ж. К. СЫДЫКОВ

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ФОНЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ БЕЗУДАРНЫХ ГЛАСНЫХ КИРГИЗСКОГО ЯЗЫКА

Как известно, гласные звуки в безударной позиции характеризуются нечеткой артикуляцией, выражающейся в сокращении их длительности, уменьшении интенсивности и изменении качества. Иными словами, безударные гласные подвергаются количественной и качественной редукции.

Результаты экспериментальных исследований безударного вокализма, проведенных на материале различных языков Л. В. Щербой, В. А. Богородицким, Л. Р. Зиндером, Л. В. Златоустовой, М. А. Соколовой, У. Ш. Байчурой, А. Махмудовым, Б. Калиевым, Т. К. Ахматовым, свидетельствуют о существовании различных видов и степеней редукции безударных гласных в разных языках. Например, в русском языке безударные гласные редуцируются в большей степени, нежели в английском, французском или в языках тюркской группы.

Киргизское языкознание еще не располагает исчерпывающими экспериментальными данными по безударному вокализму. Изучение же безударных гласных лишь на основе слухового анализа не дает вполне достоверных результатов, поскольку малая длительность этих звуков порождает так называемый эффект маскировки: окружающие согласные влияют на слуховое впечатление от безударного гласного и различным образом модифицируют его. Артикуляционный анализ, основанный главным образом на мускульных ощущениях исследователя, осложняется тем, что невозможно «затянуть» произнесение безударного гласного, не нарушая при этом специфики последнего. Естественная же длительность его слишком мала, чтобы можно было с уверенностью определить соответствующее положение артикуляционных органов¹.

В появившихся в последние годы экспериментально-фонетических исследованиях звукового строя киргизского языка безударный вокализм не был предметом специального изучения². «На этом вопросе, настоятельно требующем детального изучения по тюркским языкам, исследователи, за редкими исключениями, пока или совсем не останавливаются, или же останавливаются сравнительно мало; между тем

¹ См.: Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая и Л. Р. Зиндер. Акустические характеристики безударности. — В сб.: «Структурная типология языков». М., 1966, стр. 56.

² См.: Т. К. Ахматов. Звуковой строй современного литературного киргизского языка, ч. I. Фрунзе, 1968; ч. II. Фрунзе, 1970; А. Орусбаев. Киргизская акцентология. Опыт экспериментально-фонетического исследования ударения в слове и во фразе. Канд. дисс. М., 1971; М. М. Исабеков. Количественная характеристика гласных звуков в современном киргизском литературном языке. Канд. дисс. Фрунзе, 1971.

здесь имеем один из пунктов для сравнительной характеристики тюркских диалектов», — писал проф. В. А. Богородицкий, рассматривая безударный вокализм в казанско-татарском диалекте³. Данное высказывание остается в силе и в настоящее время.

Так, все еще не выяснена специфика безударных гласных в киргизском языке, не рассмотрены такие частные вопросы, как степень редукции отдельных безударных гласных, характер редукции (количественный или качественный) и т. д.

До последнего времени не было известно, какие физические характеристики безударных гласных (интенсивность, длительность или спектр) и в каких условиях (комбинаторных и позиционных) претерпевают существенные изменения.

В предлагаемой статье описывается методика и приводятся результаты исследования только одной из физических характеристик безударных гласных киргизского языка — интенсивности⁴.

Экспериментальный материал был подобран матричным методом⁵. Как известно, звуки в речевом континнуме выступают в различных комбинациях с другими звуками и тем самым образуют многочисленные звуковые структуры. Матричный метод дает возможность исследователю провести строгий и систематический учет необходимого экспериментального материала.

Для исследования было отобрано 1000 слов (в том числе из словарей⁶), отражающих многообразие звуковых комбинаций и слоговой структуры киргизского языка. В дальнейшем для экспериментального анализа было выделено 170 наиболее характерных двух-, трех-, четырех- и пятисложных слов.

Все отобранные слова состоят из слогов, содержащих один и тот же гласный звук. Такой принцип подбора нивелировал влияние собственных характеристик гласных (частоты, интенсивности и длительности) на исследуемые ударные и безударные гласные. Рассматриваемые гласные находились в окружении самых различных согласных (учитывалось качество как предыдущего согласного, так и последующего), что позволило определить степень влияния последних на физические характеристики безударных и ударных гласных⁷.

Весь экспериментальный материал был прочитан двумя дикторами-мужчинами, для которых киргизский язык является родным. Произношение дикторов соответствует нормам современного киргизского литературного языка. Запись речи производилась на магнитофоне МЭЗ-28 «А» со скоростью движения магнитной ленты — 381 мм/сек.

³ В. А. Богородицкий. О корневом вокализме и его изменениях в казанско-татарском диалекте. — «Вестник научного общества татароведения». Казань, 1928, № 8, стр. 121.

⁴ Экспериментальное исследование проводилось в ЛЭФ и ПР 1-го МГПИИЯ им. М. Горького под руководством проф. Э. В. Севортяна и доц. Л. П. Блохиной.

⁵ См.: Л. П. Блохина, Р. К. Потапова. К вопросу о методике исследования фонемного состава языка. — В сб.: «Материалы коллоквиума по экспериментальной фонетике и психологии речи». М., 1966, стр. 57.

⁶ К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь. М., 1965.

⁷ См.: Л. П. Блохина, Р. К. Потапова. Просодические характеристики речи. М., 1970, стр. 57—58; Ch. Mathew. Vowel Length Variation as a Function of the Voicing of the Consonant Environment. — «Phonetica», Vol. 22, N 3, 1970, стр. 129—157; A. S. House and G. Fairbanks. The influence of consonant environment upon the secondary acoustical characteristics of vowels. — JASA, 25, 1953, стр. 105—113.

Записи отобранных слов были исследованы на интонографе И-67, предназначенном для выделения и анализа основных физических характеристик звука⁸.

Обработка данных, полученных с помощью интонографа, включала следующие этапы:

1. Определялись границы слов и границы каждого звука. Границы звуков определялись по осциллограмме, одновременно учитывались изменения огибающей интенсивности и перепады по частоте основного тона.

2. Переходные участки от гласного к согласному или от согласного к гласному делились пополам.

3. Интенсивность гласного (ударного и безударного) определялась по максимальной точке на огибающей интенсивности в пределах данного гласного. После снятия характеристик (в дБ) производилась нормировка интенсивности по максимуму в слове, то есть на одном из слогов данного слова. Максимальное значение приравнялось нулю. Остальные гласные имели соответственно минусовые значения (—дБ).

120 слов из экспериментального материала были подвергнуты аудиторскому анализу⁹.

Сопоставительное изучение показаний приборов с данными аудиторов имеет важное значение для всестороннего анализа звуковых особенностей языка, поскольку в акте коммуникации участвует не только говорящий, но и слушающий¹⁰.

Аудиторы должны были определить в предлагаемых словах:

- 1) наиболее выделенный слог;
- 2) акустические характеристики, выделяющие слогаобразующий элемент (гласный);
- 3) степень выделенности отдельных гласных.

Аудиторский анализ показал, что примерно в 80% случаев гласные конечного слога определяются как наиболее выделенные. Эти же звуки отмечались как наиболее длительные и громкие¹¹. Однако установление степени выделенности гласных оказалось для аудиторов чрезвычайно трудной задачей (особенно в четырех- и пятисложных словах). Данные аудиторов были слишком противоречивы, и нам не удалось выявить какую-либо закономерность в их показаниях. По-видимому, это связано с объективными трудностями слухового анализа безударных гласных, отмеченными еще В. А. Богородицким, а также рядом других исследователей¹².

Инструментальное исследование экспериментального материала дало следующие результаты.

⁸ В. А. Артемов, В. Д. Лантев. Интонограф И-67. — В сб.: «Фонетика казахского языка». Алма-Ата, 1969.

⁹ Аудиторами были шесть научных сотрудников Института языка и литературы АН Киргизской ССР, имеющие опыт фонетического анализа звуковых единиц.

¹⁰ См.: В. А. Артемов. Об интонации. — «Труды Военного института иностранных языков», вып. 3—4. М., 1953, стр. 17—18; Л. Р. Зиндер. Некоторые принципиальные основы экспериментально-фонетических исследований. — В сб.: «Экспериментально-фонетические исследования речи», вып. 2. Минск, 1969, стр. 114—115.

¹¹ Эти данные согласуются с результатами аудиторского анализа А. Орусбаева, исследовавшего словесное ударение в киргизском языке. См.: А. Орусбаев. Киргизская акцентология. Опыт экспериментально-фонетического исследования ударения в слове и во фразе. Канд. дисс. М., 1971.

¹² См.: В. А. Богородицкий. Гласные без ударения в русском языке. Отдельный оттиск. Казань, 1880, стр. 3; D. Jones. The Phoneme: its Nature and its Use. Heffer, Cambridge, 1950, стр. 138; Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, Л. Р. Зиндер. Указ. раб.

Двусложные слова. В двусложных словах безударные гласные (как широкие, так и узкие) всегда характеризуются более слабой интенсивностью, чем ударные¹³ (см. табл. 1).

Таблица 1

Предударные гласные	ГСГ		ГСГС		СГСГ		СГСГС	
	И*	О	И	О	И	О	И	О
а	-3	-2	-4	-3	-5	-3	-1	-2
е	-4	-5	-5	-7	+2	-5	-2	-7
ё	-4	-7	-6	-6	+1	+3	-7	-6
и	-2	-4	-2	-7	-3	-2	-2	-1
у	-3	-4	-7	-4	-1	-1	-5	-5
і	-5	-6	-3	-8	-4	-5	-2	-1
й	-6	-8	-6	-9	-3	-2	-3	-8
о	-3	-4	-4	-5	-4	-4	-6	-3

* Здесь и далее этими буквами обозначены дикторы.

Разность между значениями интенсивности гласных в словах, имеющих структуру ГСГ, составляет от 2 до 8 *дб*, причем наибольшие различия зафиксированы для лабиализованных переднеязычных гласных. В словах со структурой ГСГС наблюдается увеличение различий по интенсивности между ударными и безударными гласными. В структурах же типа СГСГ констатируемое различие, как правило, значительно меньше наблюдаемого в случаях ГСГ и ГСГС. Иногда безударные гласные по интенсивности даже превосходят ударные. В двусложных словах со структурой СГСГС различие безударных и ударных гласных по интенсивности больше, чем в словах предыдущего типа, однако не превышает такового в словах типа ГСГ и ГСГС.

Отметим, что в рассмотренных нами двусложных словах разность распределения интенсивности передне- и заднеязычных гласных в предударном положении неодинакова. Как известно, на распределение интенсивности гласных (независимо от прочих факторов) определенное влияние оказывает их собственная акустическая мощность, связанная со способом их образования¹⁴.

Проведенный анализ двусложных слов не выявил характера влияния предшествующих и последующих согласных на распределение интенсивности безударных и ударных гласных. Более заметное влияние на распределение интенсивности безударных и ударных гласных оказывает закрытость ударных слогов. Увеличение интенсивности гласных закрытых слогов (по сравнению с открытыми) в тюркских языках отмечено рядом исследователей¹⁵.

¹³ В современном киргизском литературном языке ударение падает в основном на последний слог слова. См.: *И. А. Багманов*. Современный киргизский язык. Фрунзе, 1963, стр. 58; *Т. К. Ахматов*. Указ. раб., стр. 33; *А. Орусбаев*. Указ. раб., стр. 7.

¹⁴ *Н. И. Жинкин*. Механизмы речи. М., 1958, стр. 173—180; *Л. П. Блохина*. Разномощность русских гласных. — В сб.: «Исследования языка и речи» («Ученые записки 1-го МГПИИЯ», т. 60, 1971), стр. 262—269.

¹⁵ См.: *K. Nielsen*. Akcentueringen in turkisk (osmanisk) Videnskabs-Selskabet. Forhandlingar Aar, № 9. Christiania, 1907; *А. Махмудов*. Словесное ударение в узбекском языке. Ташкент, 1960, стр. 33; *У. Ш. Байчура*. Звуковой строй татарского языка. Казань, 1961, стр. 204.

Трехсложные слова. Если в двусложных словах гласные ударных слогов по интенсивности в основном превосходят аналогичные гласные безударных слогов, то в трехсложных словах гласные конечного ударного слога не всегда являются самыми сильными в слове. В 32% случаев (всего исследовано 38 слов) наибольшей интенсивностью характеризуется гласный первого предударного слога, в 18% — гласный второго предударного слога и в 50% — гласный конечного ударного слога слова. Можно предположить, что такое разнообразие в распределении интенсивности в трехсложных словах связано с морфологической структурой слов. Выделенные по интенсивности гласные предударных слогов в большинстве случаев находятся в конце корня или основы. Последний слог основы в тюркских языках (в том числе и в киргизском языке) даже при наслоении словообразовательных и словоизменятельных аффиксов остается выделенным¹⁶.

Полученные нами данные (см. табл. 2) подтверждают установленное исследователями целого ряда тюркских языков повышение интенсивности гласных к концу многосложных слов¹⁷.

Таблица 2

Гласные	Первый слог		Второй слог		Третий слог	
	И	О	И	О	И	О
а	—3	—1	—2	0	0	0
е	—1	—2	—2	—1	0	0
ó	—3	—6	0	—3	0	0
и	—6	—3	0	—2	—1	0
у	—3	—3	—2	—1	0	0
í	—6	—5	—3	—1	0	0
ü	—5	—4	0	—2	—3	0
о	—2	—2	—1	—1	0	0

Четырехсложные слова. Анализ четырехсложных слов показывает, что с увеличением протяженности слова возрастает влияние качества окружающих согласных на интенсивность гласных звуков.

Между глухими смычными согласными (а также между глухим и щелевым или даже сонантом и смычным) в начальных слогах безударные гласные заметно ослабляются. Например, первый гласный в слове *taKaLaDan*, второй и третий гласные в слове *apaKaJa* характеризуются более низкими значениями интенсивности по сравнению с остальными гласными.

В подобных условиях особенно ослабляются узкие безударные гласные.

В таблице 3 приведены слова, в которых безударные узкие гласные начального слога имеют наиболее низкие показатели интенсивности.

Если в двусложных и трехсложных словах интенсивность гласных повышается от начала слова к концу, то в четырехсложных (а также в пятисложных) словах указанная тенденция нарушается появлением дополнительно выделенного гласного одного из предударных слогов.

¹⁶ См.: Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 132; И. А. Батманов. Указ. раб., стр. 58—61.

¹⁷ А. Махмудов. Указ. раб., стр. 31—33; У. Ш. Байчура. Указ. раб., стр. 223; Ш. М. Абдуллаев. Место и природа словесного ударения в современном азербайджанском языке. Автореф. канд. дисс. Л., 1964; Т. К. Ахматов. Указ. раб., стр. 55—56; А. Орусбаев. Указ. раб., стр. 8.

Таблица 3

Слова	Гласный I слога		Гласный II слога		Гласный III слога		Гласный IV слога	
	И	О	И	О	И	О	И	О
ičiginin	21*	26	34	30	33	31	29	31
ïküsinün	24	32	31	36	30	36	30	37
kysygunun	18	22	32	31	27	28	31	35
tukumunin	23	27	33	34	30	31	30	36

* Приводятся абсолютные значения интенсивности в *дб*.

Относительное повышение интенсивности гласного одного из предударных слогов происходит главным образом в корнях или последних слогах основы (см. рис.). Данное явление, по-видимому, объясняется так называемым второстепенным ударением, наличие которого отмечено еще В. В. Радловым и С. К. Кенесбаевым¹⁸ и подтверждено данными экспериментальных исследований, проведенных Г. Шарафом, У. Ш. Байчурой, А. Махмудовым, Ш. М. Абдуллаевым, Т. К. Ахматовым, А. Орусбаевым на материалах различных тюркских языков.

Пятисложные слова. Следовало бы ожидать, что в пятисложных словах различие безударных и ударных гласных по интенсивности будет увеличиваться. Однако этого не произошло, и различие между наиболее интенсивными ударными и наименее интенсивными безударными гласными не превысило 7 *дб*.

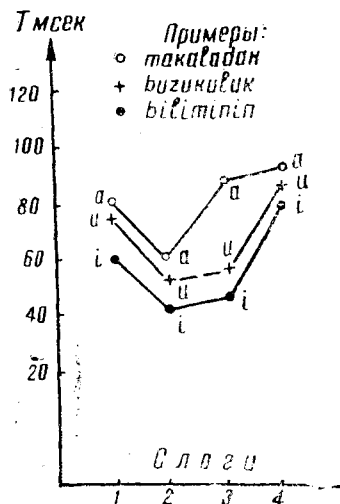

Таблица 4

Гласные	I слог	II слог	III слог	IV слог	V слог
а	-2	-3	-4	-5	0
ö	-2	-4	-3	-5	0
и	-1	-3	-2	-3	0
і	-1	-2	-3	-4	0

Данные таблицы 4 показывают, что гласные первого предударного слога слабее остальных предударных. Это можно объяснить влиянием первой предударной позиции, в частности качеством окружающих согласных, поскольку в данном случае гласные четвертого слога находились между смычными, а также между сонорными и глухими щелевыми типа (l, š) и (n, š).

¹⁸ W. Radloff. *Phonetik der nördlichen Türk Sprachen*. Leipzig, 1882. § 136; С. К. Кенесбаев. Қазақ тілінің епкің категориясы туралы. — «Известия АН Казахской ССР. Серия лингвистическая». Алма-Ата, 1948, № 77, вып. 5; Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 132—134.

Итак, интенсивность гласного в слове зависит не только от ударения, но и от ряда других переменных¹⁹.

На интенсивность безударных и ударных гласных влияет качество гласного, тип слога (открытый — закрытый), а также позиция гласного в слове.

Последовательное увеличение интенсивности гласных к концу слова наблюдается лишь в дву- и трехсложных словах, в которых релевантно ударение, а не другие факторы.

Разнообразие распределения интенсивности гласных в трех- и, особенно, в четырех- и пятисложных словах связано с неоднородностью морфологических структур рассматриваемых слов. Кроме того, дополнительное выделение гласных одного из предударных слогов, по-видимому, обуславливается наличием второстепенного ударения.

¹⁹ См.: Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, Л. Р. Зиндер. Указ. раб., стр. 58; С. В. Кодзасов, Ю. М. Отряшенков. Экспериментальное исследование ударения. — В сб.: «Исследования по речевой информации». М., 1968, стр. 98.

И. Н. КОБЕШАВИДЗЕ

РАЗГРАНИЧЕНИЕ СФЕР ГЛАГОЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ И СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ В ЯЗЫКЕ ОРХОНО-ЕНИСЕЙСКИХ НАДПИСЕЙ

Описание глагольной системы языка орхоно-енисейских надписей (ОЕН) предполагает четкое разграничение сфер глагольного словообразования и словоизменения. Однако, прежде чем непосредственно приступить к поискам в этом направлении, необходимо указать на некоторые проблемы, связанные с разграничением именной и глагольной парадигматических систем.

Тюркологи давно уже обратили внимание на совпадение именных и глагольных корней и основ. Отмечая многочисленные случаи такого совпадения¹ и указывая на трудности, возникающие при попытках разграничения именных и глагольных конструкций², исследователи обратили внимание, что именные и глагольные корни-основы взаимодействуют с аффиксами, которые могут рассматриваться не только как омоформные, но и как тождественные³.

Известны три различных подхода к объяснению совпадения формальной и семантической структуры именных и глагольных корней или основ. В. Банг считал, что глагольный корень в тюркских языках представляет собой глагольное имя⁴. К. Брокельман утверждал, что при семантическом разделении имени и глагола последний может взаимодействовать с именными аффиксами, тогда как имя может вступать во взаимодействие с аффиксами глагольной парадигмы⁵. В. Котвич придерживается мнения, что все глагольные формы в алтайских языках, за исключением повелительной, носят именной характер⁶.

С иных позиций выступал К. Грёнбек, видевший в однозвучных словах простое совпадение первоначально различных слов⁷. По мнению Г. Рамстедта, отмечающего случаи конверсии имен и глаголов в ново-

¹ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, тт. I—IV. СПб., 1888—1911.

² П. М. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина. СПб., 1899, стр. 101.

³ Ср. приводимые В. Бангом примеры на -ci, образующего и глагольные основы типа tarci, körçi и др. (W. Bang. Studien zur vergleichende Grammatik der Türksprachen, 2 Stück: Über das Verbum ai- «nehmen» als Hilfszeitwort. — «Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften», 1916, 2. Berlin, 1916, стр. 918).

⁴ W. Bang. Указ. раб., стр. 920.

⁵ C. Brockelmann. Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens. Leiden, Brill, 1954, стр. 197.

⁶ В. Котвич. Исследования по алтайским языкам. М., 1962, стр. 66.

⁷ K. Grönbech. Der Türkische Sprachbau, I. Kopenhagen, 1935, стр. 19.

образованиях, имя и глагол фонетически отличаются друг от друга, и им присуща способность взаимодействовать с различными аффиксами⁸.

Четкую позицию в этом вопросе занимал Н. К. Дмитриев, считавший, что существуют две ступени процесса развития именных и глагольных основ-омоформ⁹. Первая характеризуется формальным совпадением именной и глагольной основ, которые различаются в контексте как синтаксические, но не лексические единицы; на второй ступени происходит дифференциация глагольных и именных корней или основ за счет фонетического чередования (kög- 'видеть' — köz 'глаз'). В дальнейшем появляются словообразовательные аффиксы, с помощью которых от имен образуются глаголы (jaš 'год (о возрасте)' — jaša- 'быть в возрасте...'). Э. В. Севортян высказывает мнение о недифференцированности в прошлом именных и глагольных корней-основ: он указывает на различие между синкретичностью именных и глагольных форм на ранних стадиях развития тюркских языков и омоформностью этих форм на современном этапе¹⁰.

Данная сложная проблема может быть решена путем дистрибуционного анализа, то есть на основе исследования сочетаемости корней-основ с различными единицами словообразовательной и словоизменительной системы. И хотя имеются факты формального (в плане дистрибуции) совпадения некоторых единиц, принадлежащих, с одной стороны, к сфере именного словообразования, а с другой — к сфере глагольного словоизменения, тем не менее в большинстве случаев анализ сочетаемости показывает резкое расхождение именных и глагольных форм.

В языке ОЕН глагольный класс выступает как самостоятельная часть речи, характеризующаяся не только специфическими семантическими признаками, но и разветвленной системой словообразования и словоизменения. При агглютинативной системе наращивания аффиксов, присущей древним и современным тюркским языкам, синтетические отглагольные формы легко могут субстантивироваться, и, наоборот, отыменные образования часто приобретают глагольный статус¹¹.

Хотя ряд грамматических категорий типа категорий лица и числа одинаково характеризуют как именную, так и глагольный классы, тем не менее глаголу присущи специфические грамматические категории, находящие свое выражение в целом ряде аффиксов, независимо от того, где разные тюркологи устанавливают демаркационную линию между глагольным словообразованием и словоизменением, и рассматривается ли, например, такая категория, как залог, в качестве грамматикализованной категории в языке или нет¹². Для глагола в тюркских языках характерна способность изменяться по таким категориям, как наклонение, время, лицо и число; находит формальное выражение также залоговая категория¹³.

Вопрос о разграничении сфер словообразования и словоизменения представляет в равной степени теоретический и практический интерес.

⁸ Г. И. Рамstedt. Введение в алтайское языкознание. Морфология. М., 1957, стр. 171—172.

⁹ Н. К. Дмитриев, В. М. Чистяков, Н. З. Бакеева. Глаголы речи (verba dicendi) в языках тюркской группы. — «Очерки по методике преподавания русского и родного языков в татарской школе». М., 1952, стр. 205.

¹⁰ Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, стр. 362.

¹¹ См.: В. М. Насилов. Древнеуйгурский язык. М., 1963, стр. 19.

¹² См., например: Л. Н. Харитонов. Залоговые формы глагола в якутском языке. М.—Л., 1963, стр. 4.

¹³ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 132.

Ряд тюркологов, в частности А. Н. Кононов, при описании глагольной системы исходит из понятия формообразования, противопоставляя последнее словообразованию¹⁴. Мы же, вслед за Н. К. Дмитриевым, Э. В. Севортьяном и А. М. Щербаком, будем исходить из противопоставления категорий словообразования и словоизменения¹⁵.

Разобраться в длинной цепочке морфем в пределах тюркского слова¹⁶ можно лишь придерживаясь строгих критериев разграничения морфем словообразования и словоизменения. Морфемы словообразования примыкают к корневой морфеме, например: *sülä-* Тон₂₁ 'воевать, ходить с войском, отправляться в поход; совершать набег' < *sü* 1. 'войско'; 2. 'военный отряд'; *siyta- joyla-* КТб₄ 'оплакивать' < *siyit* 'плач, рыдание', *joü* 'поминальный обряд'¹⁷. Морфемы словоизменения располагаются в конечной части слова, например: *sülädim* КТм₃ 'я прошел с войском'; *joylatajin* Тон₃₁ 'совершу-ка поминальный обряд [по ней]'

Ч. Хокет под показателями словоизменения имеет в виду только морфемы спряжения и склонения¹⁸. Л. Блумфилд предлагает более сложный и неоднозначный подход к разграничению этих двух классов некорневых морфем. Показатели словоизменения могут следовать только за словообразовательными морфемами, но ни в коем случае не предшествовать им. Если словообразовательные морфемы приводят к возникновению новой единицы с новым лексическим содержанием, то словоизменительные морфемы могут выражать лишь определенные грамматические категории и отношения между лексическими единицами. Словоизменительные морфемы характеризуются тем, что, присоединяясь к той или иной лексической единице, не переводят ее из одного класса в другой, иными словами, сохраняют за ней статус прежней части речи¹⁹: с присоединением словоизменительной морфемы имя не становится глаголом, а глагол не превращается в имя. Э. В. Севортьян отмечает следующее: «Словоизменительные формы тюркских языков всеобщие для каждой части речи, и в этом отношении они шире, абстрактнее словообразовательных категорий, которые имеют определенные лексико-семантические ограничения»²⁰, что выражается в образовании новых слов «лишь от основ определенного круга значений»²¹.

Показатели наклонения, времени, лица и числа в языке ОЕН, несомненно, являются словоизменительными. Глаголообразующие аффиксы типа *+ad-*, *+siğa-* (*buḡad-* Тон₂₆ 'печалиться' < *buḡ* 'печаль'; *qayansiga-* КТб₁₃ 'лишаться кагана' < *qayap* 'каган') и другие должны быть отнесены к сфере словообразования, поскольку: 1) эти аффиксы образуют новые слова с новым лексическим значением; 2) образовавшаяся форма

¹⁴ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 190; *его же*. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 187.

¹⁵ Н. К. Дмитриев. Грамматика банкирского языка, стр. 132; Э. В. Севортьян. К соотношению грамматики и лексики в тюркских языках. — «Вопросы теории и истории языка...». М., 1952, стр. 307; А. М. Щербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.—Л., 1961, стр. 143, 163; *его же*. Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1962, стр. 151, 177.

¹⁶ См. ставший уже хрестоматийным пример Г. Глисона (*Г. Глисон*. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959, стр. 167).

¹⁷ Условные сокращенные обозначения орхоно-енисейских памятников даны по Древнетюркскому словарю (Л., 1969, стр. XXI—XXXVIII).

¹⁸ Ch. F. Hockett. A course in modern linguistics. New York, 1958, стр. 209.

¹⁹ L. Bloomfield. Language. New York, 1964, стр. 222.

²⁰ Э. В. Севортьян. К соотношению грамматики и лексики, стр. 310.

²¹ Там же, стр. 366.

переходит из разряда имен в разряд глаголов; 3) за указанными аффиксами следуют словоизменительные форманты, например, временные и личные показатели.

Не столь просто определить, к категории каких аффиксов, словообразовательных или словоизменительных, принадлежат залоговые показатели типа -п-; -т- и др.: билп- Е32₁₆ 'сознавать, понимать' (возвр. от бил- 'знать'); битит- Тон₅₈ (побуд. от бити- 'вырезать надпись; писать').

Употребление этих аффиксов не влечет за собой переход исходной формы в иной класс слов. И все же их следует отнести к сфере словообразовательных морфем, поскольку с присоединением этих показателей возникает слово с новым, хотя и близким к прежнему, лексическим значением. Указанные аффиксы образуют основу для наращивания словоизменительных формантов. Такой подход к решению проблемы соответствует предложенному рядом тюркологов, включая Н. К. Дмитриева, Э. В. Севортяна и А. М. Щербака.

Внимание лингвиста, изучающего историю тюркских языков, привлекает не только факт совпадения именных и глагольных аффиксов, но и переход некоторых аффиксов из сферы словоизменения, скажем, глагольной системы в сферу словообразования именной системы. Так обстояло дело, например, с широкоупотребительным в языке ОЕН аффиксом -тиš, который, присоединяясь к глагольной основе, выступал в памятниках прежде всего в роли *verbum finitum*, однако, хотя и крайне редко, передавал также субстантивные понятия, ср. јаүтиšī бāп ärtim Тон₅ 'я был его приближенным (?)' или встречающиеся в древнетюркских языках многочисленные формы типа јаүтиš МК 'фрукт, плод' <jä- 'есть'.

Таким образом, аффикс -тиš перешел не только из сферы словоизменения в сферу словообразования, но и из глагольной сферы в именную. Если считать идентичными аффиксы имени действия -š и совершенного залога -š²², а также аффиксы отглагольного имени -t и прошедшего времени -t-~ -d²³, то для них можно сформулировать то же самое соотношение, что и для аффикса -тиš.

В процессе поисков формальных разграничителей сфер словообразования и словоизменения обращает на себя внимание показатель отрицательного аспекта -та-, -тā-. Этот показатель примечателен тем, что находится на самом стыке морфем словообразования и словоизменения, например: täg-mā-dim КТм₃ 'я не дошел'; tap+la-mā-dī БК₃₅ 'они не почтили'; upa-ma-η Тон₃₅ 'не соглашайся'; bol-ma-zun КТб₁₁ 'пусть не останется'; täl-in-mā-sār КТ₂₂ 'если [земля] не разверзалась [под тобой]' и т. д.

В таком случае, действительно, в сфере словообразования окажутся не только словообразующие аффиксы, о которых говорилось выше, но и залоговые показатели (-t-, -п- и др.), а показатели склонения, времени и лица отойдут в сферу словоизменения, где они и должны находиться в соответствии с чисто формальными критериями. Что же касается самого показателя отрицательного аспекта -та-, -тā-, то его трудно отнести к определенной сфере. Частично смещая лексическое значение глагольного корня-основы, придавая последнему новое, противоположное значение (ср., например, udīma- Тон₅₁ 'не спать', то есть 'бодрствовать'), этот аффикс тяготеет к сфере словообразования.

²² W. Radloff. Die alttürkische Inschriften der Mongolei. Neue Folge. StP, 1897, стр. 57.

²³ В. М. Насилов. Язык орхоно-енисейских памятников. М., 1960, стр. 60.

С другой стороны, его присутствие в глагольной словоформе не переводит исходную основу из глагольного класса в именной, что характеризует данный формант как словоизменительный. В таких формах, как, например, *basit-ma* Тон₃₄ 'не покоряйся!', отрицательный аффикс находится, казалось бы, на периферии слова, тем самым сближаясь с аффиксами словоизменения. Однако и здесь он расположен перед нулевым показателем словоизменительной категории — императива.

Таким образом, формант отрицательного аспекта приходится рассматривать в качестве демаркативного показателя, находящегося на стыке двух сфер — словообразования и словоизменения.

П. И. КУЗНЕЦОВ

ОБ ОДНОМ СЛУЧАЕ «НЕПРАВИЛЬНОГО» УПОТРЕБЛЕНИЯ ВИНТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Винительный падеж в турецком языке является падежом прямого дополнения, которое «„дополняет“ переходные, непереходные¹ (только глаголы движения) глаголы и некоторые глаголы со стояния (напр.: *yaşamak* 'жить'), а также образованные от них отглагольные имена и арабские масдары, образованные от переходных пород»².

В литературном турецком языке имеется, по-видимому, лишь одно неглагольное имя (*borçlu* 'должник; обязанный'), которое способно наряду с глаголами управлять винительным падежом, например: *Вu тu-vařfakıyetımı size borçluym* 'Этим (моим) успехом я обязан вам'.

Некоторые глаголы, непереходные в литературном языке, в арго (в частности, воровском) обретают прямое дополнение³. Жаргонизмы, нередко проникающие и в шутливо-обиходную речь, образуются в результате преднамеренного искажения существующих языковых норм. Поэтому больший интерес может представить употребление — уже вне рамок арго — прямого дополнения в сочетании с непереходным глаголом *olmak* 'становиться', примеры которого обнаруживаем в романе Орхана Кемаля «*Suçlu*» (İstanbul, 1957):

İnsan oraya gitti mi, şıp diye büyüverir, her istediğini hemencik oluverirdi (13) 'Стоило человеку туда поехать, как он начинал моментально расти и тотчас становился всем, кем хотел'.

Oraya her giden hemencik her istediğini oluverirdi (17) 'Каждый, кто туда ехал, тотчас становился всем, кем хотел'.

¹ Удобнее по традиции считать переходными все глаголы, требующие дополнения в винительном падеже. — П. К.

² А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, § 788, стр. 396; см. также § 123.

³ Так, по свидетельству словарей турецкого арго (см., например: *Ferit Devellioğlu. Türk argosu. Genişletilmiş 3. baskı. Ankara, 1955*), в значении *para ödemek* 'платить деньги' употребляются непереходные глаголы и глагольные словосочетания *bayılmak* 'лишаться чувств', *elden gelmek* 'идти из рук; получаться', *sökülmek* 'быть оторванным', *yırtılmak* 'быть разорванным' и др. Для глаголов *bayılmak*, *elden gelmek*, *sökülmek*, а также *çıkılmak* 'выходить' это значение фиксирует и Турецкий толковый словарь. Ср.: *çıkılmak...42.(-i) argo Vermeye katlanmak: Çık bakalım paraları (Türkçe Sözlük, 1955, стр. 164) — ...42. (вин. п.) argo Быть вынужденным отдать: А ну, выкладывай деньги!*

İnsan orada her istediğini olabilir (19) 'Человек там может стать всем, кем хочет'⁴.

Предстоит еще выяснить, являлось ли употребление винительного падежа в сочетании с *olmak* нововведением автора, или же он лишь зафиксировал в романе уже принятую инновацию.

Несомненно, что вспомогательный глагол *olmak* может «управлять» винительным падежом лишь в указанном выше сочетании [(*iste*)*diğini olmak*], поскольку присвязочная часть сказуемого, выраженная обычным именем, никогда не получает аффикса винительного падежа, например: *O, mühendis oldu* 'Он стал инженером'; *Herkes asker olacak* 'Каждый будет воином'⁵.

Появление «на пустом месте» аффикса винительного падежа следует, по-видимому, объяснить стремлением отграничить указанную конструкцию от омонимичного построения, в котором форма на *-dik* выступает в функции подлежащего, а являющийся сказуемым глагол *olmak*—в значении «происходить», «иметь место»⁶: *İnsan bir şeyi çok kuvvetle isterse, istediği olurmuş* (Aziz Nesin. *Ya kadın olsaydım.*) 'Если человек чего-нибудь очень захочет, то, говорят, то, что он хочет, сбывается'.

Итак, не будь винительного падежа, сочетание *istediği olur* имело бы одно из двух слабо разграничиваемых контекстом значений⁷: 1. (*O, istediği olur*) 'Он становится (станет) тем, кем желает' и 2. (*Onun istediği olur*) 'Сбывается (сбудется) то, чего он желает'.

Внезапно появляющийся аффикс винительного падежа, очевидно, выполняет функцию эксплицитного актуализатора первого из названных значений, а немаркированная форма имплицитно актуализирует второе значение, благодаря чему синкретичность конструкции оказывается преодоленной. Однако для нас пока не ясно, вошло ли указанное употребление винительного падежа в узус или является окказиональным.

⁴ См. еще аналогичные примеры на стр. 60—62, 71, 121. Но ср. на стр. 99: *Her isteyen istediği oluverirdi hemençecik* '(Там) каждый желающий тотчас становился кем хочет'.

⁵ См.: *Türkçe Sözlük*, стр. 568: *olmak*, значение 11.

⁶ Там же, значение 1.

⁷ Это имеет место в первом и последнем примерах; во втором и третьем — подлежащее обозначено отдельным словом (*her giden, insan*), что обеспечивает дифференциацию значений.

Ю. ДЖУМАЗАРОВ

ОБ ИЗУЧЕНИИ СИНТАКСИСА ОГУЗСКИХ ГОВОРОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

За последние годы достигнуты значительные успехи в изучении огузских говоров Средней Азии. В то же время в области исследования синтаксиса этих говоров сделано очень мало, что объясняется отсутствием общих традиций изучения синтаксических особенностей народных говоров тюркских языков.

Под огузским диалектом узбекского языка обычно понимается группа говоров узбеков, проживающих на территории южного Хорезма. В древности же огузы были расселены на всей территории Средней Азии. Поэтому огузские элементы имеются в узбекских говорах южного Казахстана, южной Каракалпакии, Бухарской области Узбекистана и Туркмении.

Отличительные особенности говоров прежде всего обнаруживаются в фонетике и лексике, наиболее устойчиво сохраняющих древние языковые формы. Однако это не исключает необходимости изучения всего разнообразия синтаксических особенностей диалектов и говоров.

Так, например, выраженный при помощи аффикса *-gäč* деепричастный оборот в простом предложении типа *nandan jögäč otiriñ* 'угощайтесь хлебом' более всего характерен для ошского говора узбекского языка. В других говорах вместо данного аффикса используется формант *-b*, *-ib*: *nan jeb otiriñ* (в Хорезме), *nandan alip otiriñ* (в Самарканде).

Отличительные черты народных говоров проявляются и в других синтаксических конструкциях. Например, простое вопросительное предложение типа *puliñ barmi?* 'есть ли у тебя деньги?', употребляющееся в литературном языке, в хивинском говоре южного Хорезма имеет форму *puliñ bāminä?*, а в манкентском говоре южного Казахстана — *puliñ barnä?*

Основное различие этих говоров заключается в употреблении вопросительных частиц: в огузских говорах вместо вопросительной частицы *-mi* (ныне широко употребляемой в литературном языке и опорных диалектах узбекского языка) распространен древний показатель *-na?*, *-nä?* (в литературном узбекском языке *ne?*) 'что?', имевший ранее предметное значение.

Синтаксические расхождения народных говоров проявляются также в словосочетаниях. Например, литературному лексикализованному сочетанию *kätäk däftär* 'тетрадь в клетку', потерявшему свою синтаксическую связь, в ургенчском говоре соответствует *kletkäli däftär*, в

гурленском — *čipirči дәптәр*, в самаркандском — *kärgä дәптәр*, в каракульском — *çaın дәптәр*, в огузских говорах Ташаузской области — *gözenek čizmiqli depter*, в ошских говорах — *čumčuq köz дәптәр*.

Словосочетания отличаются, во-первых, территориальными особенностями употребления: *qizikli kijna* (в огузских говорах Хорезма) 'интересное кино', ср. *qiziq kina* (в ташкентском говоре); во-вторых, их форма обуславливается той социальной прослойкой, в которой они бытуют, например, понятие «суббота» выражается в формах *jarim oddiq günü* (у рабочих), *altinči günü* (у учителей), *ärtän bazar dägän günü* (у колхозников) и др.

Такие примеры являются общими для лексики многих говоров. Часто говоры заимствуют лексику в территориально смежных диалектах и общенародном языке. Например, в огузских говорах узбекского языка, распространенных в Туркмении, председатель сельсовета называется *oba šöga*, в огузских говорах южной Каракалпакии *avul sovet räisi*, а в огузских говорах южного Хорезма — *šoga buva* или *qišlaq soveti räisi* и т. д.

Иногда второй компонент (родительный определения) в словосочетании типа *pappiñ uvaçi* 'крошки хлеба', встречаемом в литературном узбекском языке, выражается различными лексическими элементами: *pappi ušaçi* (в южном Хорезме); *pa:piñ avšaçi* (в огузских говорах Чарджоу), *pappi rezgisi* (в огузских говорах южной Киргизии), *pa:piñ oyratmasi* (в огузских говорах южной Каракалпакии). В этих словосочетаниях слово *rezgi* — таджикского происхождения, *ušaç* — туркменского, *uvaç* — узбекского.

Основной причиной того, что синтаксис узбекских народных говоров специально не изучается, является распространенное мнение о незначительности расхождений между синтаксисом узбекских говоров и синтаксисом литературного языка. Видимо, этим объясняется неразработанность проблем правописания и определения границ между словосочетаниями и слитным написанием слов в узбекском литературном языке, например: *aškök* 'зелень', *joñičqa* 'клевер', *čičvāgā* 'пельмени' (газ. «Тошкент оқшоми» от 9 апреля 1969 г.) и, соответственно, *kök täam*, *ektä bedä*, *kök bäräk* (газ. «Хоразм ҳақиқати» от 15 апреля 1969 г.) и др.

Таким образом, изучение синтаксиса народных говоров имеет и практическое значение. Удивителен тот факт, что этой теме до сих пор не посвящено ни одного диссертационного исследования.

Диалекты и говоры богаты синтаксическими синонимами. При составлении лингвистических карт огузских говоров южного Хорезма установлено от восьми до двадцати разновидностей каждой конструкции, отражающих синонимические варианты сочетаний слов и синтаксические синонимы простых и сложных предложений.

Достаточно привести несколько вариантов лишь одного предложения типа *bekargä kelibsiz* 'пришли зря': в ургенчском говоре — *bevudaça gälipsiz*, в хазараспском — *hečäqora gälipsiz*, в хивинском — *mäzij gälipsiz*, в янгиарыкском — *hečäqorajerä gälipsiz*. Синтаксическая синонимия возникает вследствие взаимовлияния разных говоров: только в топонимике южного Хорезма сохранилось сорок два различных названия тюркских народностей, например: *as*, *alan*, *qırçaq*, *tapçit*, *dörtmān*, *bajaç*, *sajaç* и др.

Синтаксис словосочетания и предложения играет важную роль в изучении устной разговорной речи. Как известно, разговорная речь

имеет диалогический характер. Своеобразная манера и автоматизм устной речи могут оказывать влияние на структуру предложения и на расположение его членов. Диалекты и говоры содержат синтаксические конструкции и обороты, не свойственные письменному языку.

Огузские говоры, как важный компонент тюркоязычной системы, представляют обширный материал для сравнения с древними письменными памятниками. Эти говоры в Средней Азии неоднородны, что объясняется их различной географической локализацией. Так, например, в бухарских огузских говорах под влиянием опорных диалектов узбекского языка присоединение притяжательного аффикса 3-го лица к определяемому слову сопровождается переходом согласных звуков *k* и *g* в *q* и *γ* соответственно: *ortaq—ortaγi*, *eläk—elaqi*; в огузских говорах южного Хорезма это явление не наблюдается. Ср.: *mäniñ ortaqim* 'мой товарищ', *huniñ äläki* 'его сито' и т. д.

Однако все огузы, живущие в Ташаузской и Чарджоуской областях Туркмении, в Турткуле и в Шурахане (южная Каракалпакия), в Манкенте и в Карабулаке (южный Казахстан), а также в Хорезмской области Узбекской ССР, употребляют ряд сходных грамматических форм. Например, формы с аффиксом родительного падежа *-iñ* в североузбекских говорах совпадают с формами на *-iñ* южного Хорезма, встречающимися в «Мухаббатнаме» Хорезми. А форма желательного наклонения глагольных сказуемых типа *oqıyasim gäldi* 'желаю учиться' совпадает с грамматическими формами огузского говора Хорезма.

Ряд деепричастных оборотов отличается от литературной формы, соответствующей формам южнохорезмского диалекта североузбекского говора южного Казахстана: *köplägän quriliş işläri* (Ургенч) 'многие строительные работы', *köplägän quriliş jumuşlari* (Карабулак) 'многие строительные работы'. Близки друг к другу основные компоненты именных словосочетаний типа *don mäniñki* (Ташауз) 'моя одежда', *čaraп mäniñki* (Карабулак) 'мой халат', *don mäniñki* (Хазарасп) 'халат принадлежит мне'.

В речи хорезмских огузов до сих пор сохраняется аффикс древнего орудного падежа *-n*, *-in*, *-ün*, который служит элементом падежного управления в следующих примерах: *ärtän baraman* 'приду завтра', *qajtišin göämän* 'посмотрю по возвращении', *barišin alaman* 'возьму при выезде' и др. Такие формы в литературном узбекском языке и в остальных говорах Узбекистана не встречаются.

Для речи огузов южного Хорезма характерно своеобразное глагольное управление. Например, глагол *tüšinmäk* 'понимать' требует аффикса дательного и винительного падежей в форме *gärä түшинmädi* или *gäri түшинmädi*.

Это является результатом исторического развития глагольной основы *tüšün-*. Исходный корневой глагол *tüš-* 'падать' требовал аффикса *-gä*: *baša түш-* (досл. 'падать на голову'). Производный же глагол, образованный с помощью аффикса *-in* видовой формы, употреблялся с существительным в форме винительного падежа: *gärni түшин-* (досл. 'понимать разговор').

Диалектная речь богата интонациями. Интонация здесь выступает как наиболее важный связующий элемент простых предложений. В диалектном синтаксисе большую роль играют бессоюзные сложные предложения, так называемый паратакис, который наблюдается и в письменных памятниках древности. Для синтаксиса южнохорезмского диалекта характерны союзные сложные предложения (гипотаксис). Союз *daγin*, встречающийся в памятниках письменности в форме *taqi*,

связан этимологически со словом *ĉaγ*, выражающим меру и время. Начальный согласный звук слова *ĉaγ* переходит в *t*, так же как в словах типа *ĉoŋqilda-/toŋqilda-* 'бормотать'. Далее звук *t* переходит в *d*, например: *tüšin-/düšin-* 'понимать'. Постепенно к корню в окаменелой форме присоединяется аффикс сказуемости 3-го лица ед. числа, а затем аффикс древнего орудного падежа -п. Таким образом возникает форма *daγin*, выполняющая функцию союзов:

1) **u**: *alaman daγin qajtaman* (лит. форма: *alaman-u qajtaman*) 'возьму и вернусь';

2) **lekin**: *äkämi gördim daγin heĉ närsä dämädim* (лит. форма: *äkämni kördim, lekin heĉ närsä demädim* 'я встретил брата, но ничего ему не сказал';

3) **vä**: *kitap oqidim daγin xat jazdim* (лит. форма: *kitap oqidim va xat jazdim*) 'прочитал книгу и написал письмо'.

Как известно, характер диалектной разговорной речи во многом зависит от условий функционирования, от возраста, образования и т. п. говорящего. В современных условиях интенсивного развития письменного языка изучение синтаксиса разговорного языка имеет и практическое значение. Выявляя жизнеспособность или богатство смысловых оттенков того или иного конкретного слова, эмоционально активного только в предложении и словосочетании, разговорная речь служит неисчерпаемым источником обогащения письменного языка. Поэтому изучение синтаксиса разговорной речи в сопоставлении с синтаксисом письменных источников в настоящее время приобретает актуальное значение.

Р. С. АМИРОВ

О КАЗАХСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Казахская разговорная речь давно уже привлекает внимание лексикографов и лексикологов. Грамматические особенности ее, если не считать отдельных замечаний¹, до последнего времени специально не исследовались. Поэтому мы позволим себе ниже остановиться на них подробнее.

Лексические и грамматические характеристики разговорной речи формируются коммуникативными условиями ее функционирования. Одним из главных коммуникативных условий, влияющих на структурно-грамматические особенности разговорной речи, является диалогический характер последней.

Диалоги состоят из отдельных реплик, объединенных общностью темы беседы. В разговорной речи связь между репликами осуществляется наряду с общностью темы и грамматическими средствами. Остановимся на примере, иллюстрирующем грамматическую связь между репликами:

— *Ai, kudaıyıj, k'ötördük, ajta beringiz.*

— *Ajta bersek', k'üjäu k'elgen song, kazaktyng kyz k'örötün ädeti bolady*

(Б. Майлин).

— Ну, сваха, говорите.

— Если говорить, то по приезде жених, по обычаю казахов, должен повидать невесту.

В приведенном примере любопытна функциональная взаимосвязь компонентов во втором сложном предложении. Придаточное предложение здесь не имеет условной связи с главным компонентом. Оно создает преемственность, связывая реплики, составляющие диалог. Об этом же говорит и его лексическое наполнение: в форме придаточного предложения условия повторяется часть предыдущей реплики. Таким образом, в данном случае имеет место особая реализация языковой, базисной грамматической модели — сложноподчиненное предложение, отличающееся от обычных сложных предложений с придаточными условия.

Существует множество грамматических способов, связывающих реплики между собой. Подобная речевая установка предопределяет использование моделей других типов сложных предложений, а также существование особых форм сказуемого. Приведенный пример лишь иллюстрирует.

¹ М. Б. Балақаев, Е. Жанпейісов, М. Томанов, Б. Манасбаев. Қазақ тілінің стилістикасы. Алматы, 1961, стр. 16.

люстрирует существование функциональной установки разговорной речи на обеспечение связи между репликами и их отражение в грамматической организации предложения. Использование же схемы сложно-подчиненного предложения убеждает и в другом — сложная конструкция не всегда является следствием выражения сложных суждений; различие между сложным и простым предложениями прежде всего структурное.

Разговорная речь возможна только при условии контакта между собеседниками. Прежде чем сообщить что-либо, говорящий должен привлечь внимание собеседника, подготовить его к восприятию информации. Именно из этой особенности исходил, по-видимому, К. Бюлер, разграничивая три функции языка: сообщение (имеется в виду сообщение мысли), обращение и выражение (имеется в виду выражение эмоций)².

Коммуникативная цель установления контакта со слушателями определенным образом влияет на структуру и состав предложения, которое осложняется включением ряда вводных элементов. Вводным элементом подобного назначения в казахском языкознании обычно считается обращение. Факты разговорной речи свидетельствуют о разнообразии таких вводных слов. Достаточно в данном случае указать на своеобразное употребление в казахском языке вопросительных слов *пепе* 'что', *kalaj* 'как', *k'äne* 'ну': *Sen, nemene, tuýzungdap k'etipsing, k'äri k'isining žer ošak kazıany syjaktanyp* (С. Сейфуллин) 'Ты, что, копошишься, как старый человек, роющий очаг'. *Kalaj, üj-išteringiz aman, bājbišengiz kuatty ma* (Э. Нұрпейісов) 'Ну как, все ли дома здоровы, в силе ли байбише'.

Нам кажется очевидным, что в вышеуказанные предложения слова *пепе*, *kalaj* введены с целью установления контакта со слушателем. Но они не тождественны обращениям и функционируют в предложении как своеобразные контактные слова. Следует отметить, что в разговорной речи усложнение предложений вводными словами представлено шире, чем в письменном литературном языке. Причем это проявляется не только в широком наборе вводных слов, но и в разнообразии их функциональных назначений. Вводные элементы в разговорной речи получают вполне определенное синтаксическое оформление.

Диалогичностью разговорной речи обуславливается и тот факт, что в реплике всегда содержится элемент предугадывания реакции слушателя. Именно поэтому М. Бахтин в каждой реплике различал два пласта содержания и называл реплику *двуголовой*³. Это находит свое отражение и в грамматическом оформлении предложения. Одной из синтаксических форм, предвосхищающих реакцию собеседника, является предложение, содержащее риторический вопрос. Такие предложения оформляются особо организованным сказуемым типа *k'elgen žok emes pe* 'разве не пришел (он)', *keldim emes pe* 'ведь я приходил', *almasy bar ma* 'как возьмет' и т. п.

Полемичность мысли, предвосхищающая возражение, отрицательную реакцию собеседника, выражают предложения со сказуемым типа *k'elmejdı emes*. Организация сказуемых этого типа также своеобразна. Во-первых, в составе такого сказуемого имеются два отрицающих элемента: аффикс отрицания *-ma*, *-me* и вспомогательное отрицательное слово *emes*; во-вторых, прибавление *emes* к глаголу в личной форме —

² К. Бюлер. Теория языка. — В кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. II. М., 1960, стр. 25.

³ М. Бахтин. Проблема поэтики Достоевского. М., 1961, стр. 261.

необычно. Однако в подобных синтаксических образованиях употребление сказуемых такого типа — закономерно. Здесь глагол является цитатным компонентом, взятым из речи собеседника: *O! alamyn dese, koly-nan k'elmejdi emes* 'Если он захочет взять, может сделать'.

Существование в разговорной речи данной и многих других конструкций сказуемых говорит о необходимости четкого разграничения аналитических глагольных форм и форм составных сказуемых. Во всяком случае приведенный пример ясно показывает, что не все образования типа *глагол+emes, имя+emes* следует рассматривать в плане аналитических глагольных форм.

Устный характер и непосредственная конкретная адресованность разговорной речи предъявляют к ней требования экономности, компактности — качеств, необходимых для облегчения актов сообщения и восприятия. Это коммуникативное требование обуславливает ряд характерных особенностей организации простых и сложных предложений. Довольно распространено, например, неполное конструирование предложений. В системе простых предложений обращают на себя внимание конструкции с повторением одной и той же основы, например: *aty at-ak* 'лошадь что надо' (*досл.* 'лошадь, ну и лошадь'), *aludaj aldy* 'взял сколько надо' (*досл.* 'взял как взятие'), *alyanša aldy* 'взял сколько мог' (*досл.* 'взял до взятия'). Подобные конструкции дают, по-видимому, селективную экономность⁴, ограничивают поиск новых дополнительных слов. Приведенные примеры не исчерпывают всех конструкций, образующихся повторением одной основы. Эти конструкции весьма разнообразны. Каждая из них выполняет определенную функцию, обусловленную речевой практикой. Этот синтаксический речевой прием реализуется в разных тюркских языках по-разному. Данное языковое явление было в свое время отмечено Е. И. Убрятовой⁵, сходные факты киргизского языка рассматривались А. Джапаровым⁶. Изучение данных конструкций интересно как с точки зрения их организации и функции, так и с точки зрения реализации грамматической системы и языковых приемов, выработанных для достижения различных коммуникативных целей: аранжировки речи, экономности, экспрессии и т. д.

Стремление разговорной речи к экономности отражается и на системе словосочетаний. Послеложные сочетания заменяются соответствующими конструкциями с падежными окончаниями (ср.: *Ujümnüng bölöktügü žönündö kařaz ber* 'Дай справку о том, что у меня отдельная семья' (*досл.* 'об отдельности моей семьи') — *Ujümnüng bölöktügünö kařaz ber* *досл.* 'Дай справку отдельности моей семьи'). Разнообразные конструкции подводятся в допустимых пределах к однотипной организации. В результате этих сдвигов нарушаются привычные для письменной речи границы лексического наполнения схем и структурно-семантических типов словосочетаний. Упрощение словосочетаний достигается также путем опущения субстантивных словообразовательных аффиксов причастий, то есть слов, которые могут субстантивироваться синтаксически. Изучение организации словосочетаний в разговорной речи в

⁴ Термин заимствован из работы: Р. Г. Пиотровский. О теоретико-информационных параметрах устной и письменной форм языка. — В сб.: «Проблемы структурной лингвистики». М., 1962, стр. 44.

⁵ Е. И. Убрятова. Усилительное повторение основы слова в форме зависимого от нее члена предложения в якутском языке. — В кн.: «Тюркологические исследования». М.—Л., 1963, стр. 82.

⁶ А. Джапаров. Главные члены предложения в современном киргизском языке. Фрунзе, 1964, стр. 226.

сравнении с письменной выявляет возможности и пути семантической контаминации, учет которых весьма важен для уточнения понятий синонимичности и многозначности лексических и грамматических форм.

Указанная коммуникативная направленность разговорного стиля наблюдается и в системе сложносочиненных предложений⁷.

В разговорной речи употребляется значительное число специфичных синтаксических форм, связанных с эмоциональным содержанием высказывания. Эта грамматическая особенность отражает эмоциональную насыщенность разговорной речи, ее устремленность к эффективному воздействию на слушателя. Эмоциональность разговорной речи выражается в целом ряде особо организованных форм сказуемого (*žaudu dejsing, žatyp kudu, aldy k'er* и т. д.).

Многообразны грамматические типы номинативных предложений в разговорной речи. Среди них весьма употребительны односоставные предложения с главным членом — причастием на *-yaп, -tyn*, которые, кстати, не зафиксированы в грамматиках казахского языка. Предложение с главным членом — причастием на *-yaп, -tyn* выступает как функциональный вариант двусоставного предложения с глагольным сказуемым, эмоционально выражающий мысль: *Men sodan sesk'enginim* 'Я боялся этого' — *Men sodan sesk'enginim* *досл.* 'От этого мой испуг'.

Интерес представляет явление приведения в соответствие формы и содержания, отражающее процесс, который М. Б. Балакаев назвал активизацией субъекта⁸. Этот процесс в данном случае носит весьма сложный характер: слово, выражающее субъект действия, освобождается от изафетной связи с главным словом, однако они не вступают в предикативную связь, и предложение сохраняет номинативное качество, например: *Mening kuanyanum* — *Men kuanyanum* *досл.* 'Мое обрадование'.

Заметно обогащают наше представление о номинативных единицах предложения типа *Onyng kuanцyn* 'Как он радуется' (*досл.* 'Его радости-то!'), *Žok žerde k'irisuun!* 'Как он не к месту вмешался!' *досл.* 'Его вмешательство-то!'). В указанных номинативных предложениях в качестве главного члена выступают: имена существительные, прилагательные, имя действия на *-у*, причастия на *-yaп, -tyn* в винительном падеже. Генетически эти предложения восходят к предложениям со сказуемыми-экспрессивами *ajтра 'не говори', sugата 'не спрашивай'* и т. д. Результатом выпадения из двусоставных конструкций этих лексически немотивированно включенных слов (*Däl sonung özu. Ak žürötügün ajтра!* 'Он самый. Не говори о его честности!') и являются номинативные предложения с главным членом в винительном падеже. Все это свидетельствует о том, что разнообразные процессы, расширяющие систему номинативных предложений, стимулируются стремлением разговорной речи к эмоциональности, экспрессивности.

Особого внимания в синтаксисе разговорной речи заслуживают нечленимые предложения типа *Kajdan žas!* 'Откуда он молод!', *Alyanda kandaј!* 'Еще как взял!', *Ne kulyaп alyaп!* 'Какое там взял!'. Эти предложения, имеющие генетически разный источник, грамматически сходны в том, что их компоненты объединяются не по законам сочетаемости, а по канонизированному шаблону, трафарету. Трафаретность опре-

⁷ См.: Р. С. Амиров. Особенность устной речи в организации сложносочиненных предложений. — «Известия АН КазССР. Серия общественных наук», вып. 1, 1971, стр. 70.

⁸ М. Б. Балакаев. Активизация субъекта в казахском языке. — «Известия АН КазССР. Серия лингвистическая», вып. 5, 1948, № 77.

деляется постоянным элементом, присутствующим при всех лексических инновациях, а также определенной формой свободного компонента, например: *Alıyanda kandaj!* 'Еще как взял!', *K'örgöndö kandaj!* 'Еще как посмотрел' и т. д. Нечленимые предложения употребляются только в ответных репликах диалога, находящихся в ситуативной зависимости от первой реплики, являясь реакцией на последнюю. Эти предложения в разговорной речи представлены множеством типов, в настоящее время недостаточно изученных.

Стремление к экономности не является тотальной тенденцией в разговорной речи. Наряду с ней действует также стремление к разнообразию, яркости выражения. Это определяет существование синонимичных рядов разных синтаксических уровней. Разумеется, синонимия характерна не только для разговорной речи. Однако здесь использование общеязыковых грамматических средств для создания синонимичного ряда имеет свою специфику. В этой связи следует упомянуть конструкции, представляющие собой словосочетания, находящиеся в синонимичном взаимодействии с глагольными сказуемыми. Это прежде всего конструкции типа *alıyapıt bar* 'брал' (досл. 'взятие есть') — факт, хорошо известный в тюркологии, но интерпретируемый по-разному⁹. Предложения типа *подлежащее — причастие (имя действия на -у) + сказуемое bar*, выступающие в качестве функциональной замены глагольного сказуемого, довольно широко распространены в разговорной речи, например: *alatıny bar* 'взятие есть' — *alady* 'берет', *könögüm žok* 'согласия (на это) нет' — *k'önpbejın* 'не соглашусь', *estuum bar* 'слышание есть' — *estigınmın* 'слышал' и т. п.

Предложение, совпадающее по смыслу лишь с глагольным сказуемым, образуется путем субстантивного использования причастий, имен действия и притяжательных в качестве сказуемых слов *bar*, *žok*¹⁰. Эти слова лишь фиксируют наличие или отсутствие действия. Поэтому предложения типа *alıyapıt bar* по смыслу эквивалентны глагольному сказуемому. Эта эквивалентность явилась причиной того, что указанные конструкции в тюркологии рассматриваются как аналитические глагольные формы или формы сказуемого. Кроме того, в тюркологических работах такие образования, как *okuıyapıt bar* изучались без привлечения других аналогичных фактов, хотя имеется целая система реализации указанного приема. Причем в этой системе существуют образования, в которых четко обнаруживается синтаксический характер связей между компонентами (см. вышеприведенные факты).

В казахском языке имеются образования типа *alatıny bolady* 'берет' (досл. 'взятие бывает'), лексический состав которых недвусмысленно обнаруживает предикативную связь¹¹. Структуры предложений, функционально подобные *-ıyapıt bar* поддерживают сферу продуктивного употребления словообразующего аффикса *-ıy*, *-gi*, *-ku*, *-k'i*, например: *okuıyıt bar* 'есть желание прочитать' (досл. 'чтение есть'), *okuıyıt žok* 'желания читать нет' (досл. 'чтения нет').

Своеобразный прием образования синонимичных выражений представлен в предложениях типа *Okıyapıt men žok* 'Я не читал' (досл. 'Чи-

⁹ Э. В. Севортян. О некоторых вопросах структуры предложения в тюркских языках. — В сб.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. III. Синтаксис. М., 1961, стр. 7; см. также: А. А. Юлдашев. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965, стр. 159.

¹⁰ Сочетание *žok* с причастиями образует отрицательную форму глагола. См. об этом: С. Н. Иванов. Очерки по синтаксису узбекского языка. Л., 1959, стр. 35.

¹¹ Субъектно-предикативную связь в сочетании *-гани бор* признает С. Н. Иванов (Указ. раб., стр. 35).

тавшего меня нет'). Подобные предложения выступают как функциональные варианты отрицательных глагольных конструкций: Оқуған мен жоқ — Мен оқуған жоқруп 'Я не читал'. В предложении Оқуған мен жоқ глагол — потенциальное сказуемое (оқуған) введен как определение, диафрагмирующее содержание субъектного слова и тем самым регулирующее семантическую связь последнего с предикативным словом жоқ. В подобных предложениях жоқ является постоянным сказуемым словом, сообщающим об отсутствии предмета или качества. Таким образом, в данном случае разговорная речь своеобразно использует в стилистических целях модель *подлежащее = имя + сказуемое жоқ*.

Предложения с диафрагмирующим определением являются результатом синтаксического конструирования, используемого для образования синонимичного выражения. Пример показывает также функциональную взаимосвязь между предложениями различной грамматической модели.

Большое значение для совершенствования письменного литературного языка имеет исследование грамматической системы разговорной речи. Дело не только в том, что разговорная речь постоянно обогащает письменный литературный язык лексикой и выразительными средствами. Во многих случаях те или иные тенденции в развитии грамматической системы письменного языка корректируются аналогичными фактами разговорной речи. Письменный литературный язык нередко под воздействием субъективных факторов чрезмерно расширяет сферу употребления отдельных грамматических средств, недостаточно учитывая их функциональную взаимосвязь с другими средствами. В результате именно этого произошло, например, сужение употребления в языке газет безаффиксальных изафетных сочетаний, а также неоправданное расширение использования залогообразующего аффикса -уі, -і. В свете сказанного замечание Ш. Балли о том, что разговорный язык является единственным истинным языком и нормой для оценки всех прочих форм речи, не представляется нам чрезмерно аффектированным¹².

Поскольку взаимодействие письменного и разговорного языков носит двусторонний характер, то не менее важным является изучение влияния письменного литературного языка на словарный состав и экспрессивно-стилистическую систему разговорной речи. Интеллектуализация разговорной речи — одно из заметных явлений в ее современном развитии, хотя и протекающее по-разному в различных речевых сферах.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть большое значение изучения разговорной речи, хотя бы потому, что она раскрывает функциональную гибкость языка, его способность создавать, как это метко отметил в свое время В. Гумбольдт, ограниченными средствами неограниченные возможности.

¹² Ш. Балли. Французская стилистика. М., 1961, стр. 24.

М. Р. ФЕДОТОВ

К ВОПРОСУ О ДРЕВНЕЧУВАШСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Проблема древнечувашиской письменности находится в неразрывной связи с вопросом возникновения и развития тюркской письменности вообще.

Письменность тюрков зародилась, по всей вероятности, в середине первого тысячелетия нашей эры, так как VII век уже представлен письменными памятниками с весьма развитой лексикой, грамматикой и орфографией.

Тюркоязычные народы последние 13—14 столетий пользовались следующими важнейшими графическими системами: 1) орхоно-енисейской (VI—VIII вв.), 2) уйгурской (с IX в.), 3) манихейской (с IX в.), 4) арабской (с XI в.), 5) латинской (с XIII в.), 6) русской (с XIX в.).

В нашу задачу не входит лексико-грамматический анализ письменных памятников, созданных на основе перечисленных графических систем. Однако следует отметить, что сравнение языка самых ранних орхоно-енисейских памятников Центральной Азии с чувашским языком свидетельствует о наличии резких расхождений в важнейших особенностях систем их консонантизма. Это относится и к языку памятников уйгурской письменности.

Данный факт позволяет сделать вывод, что в VII—VIII веках, в эпоху расцвета орхоно-енисейского письма, *r*- и *l*-язычных тюрков, потомками которых являются нынешние чуваша, в Центральной Азии уже не было.

Поэтому чувашские письменные памятники следует искать не в Азии, а в Европе, на территории которой в свое время возникло несколько тюркоязычных государственных объединений: империя гуннов, хазарское и болгарское царства.

Немногочисленные реликты гуннского и хазарского языков, сохранившиеся в форме редких топонимов и собственных имен, в прочтении и толковании которых к тому же нет единого мнения, не дают отчетливого представления о древнем состоянии чувашского языка. Правда, в хронологии дунайских болгар встречаются числительные *vešem*, *tuatom*, сходство и однозначность которых с современными чувашскими *viz'ëm* 'третий', *tävadäm* 'четвертый' являются несомненными¹. Названию хазарской крепости *š-g-kil* в еврейском начертании (византийское *Σαροχελ*, в русских летописях *Белая Вежа*) соответствует чувашское

¹ См.: *O. Pritsak. Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren. Wiesbaden, 1955, стр. 45, § 5.*

šogkil ~ šugkil 'белый дом'. Известно также, что крепость š-g-kil была построена по просьбе хазарского хагана при императоре Феофане (829—842)². Это прежде всего указывает на то, что чередование чув. š и тюрк. s, представляющее собой обычное явление в современных языках, восходит к IX веку.

О чувашской письменности, первых ее памятниках можно говорить лишь в связи с распространением арабской письменности среди подавляющего большинства тюркоязычных народов, принявших ислам. В VIII веке арабский халифат включил в свой состав почти всю Среднюю Азию. Обращение тюрков в мусульманство, как известно, повлекло за собою принятие арабской графики. Надо полагать, что арабское письмо пришло к волжским тюркам все же из Средней Азии, хотя болгарские цари уже в X веке имели непосредственные контакты с Багдадом. Так, например, в 922 году к болгарскому царю Алмушу прибыло посольство багдадского халифа Ал-Муктадира, что засвидетельствовано секретарем посольства Ахмедом ибн-Фадланом³. Тот немаловажный факт, что с прибытием арабского посольства царь Алмуш, прежде язычник, меняет веру и принимает мусульманское имя Джафар, говорит о распространении ислама в X веке среди части племени суваз, главным образом знати. «Основная же масса, — пишет А. П. Ковалевский, — отказалась принять ислам и постепенно стала переходить в более отдаленные места на Запад, на правый берег Волги (территория современной Чувашии. — М. Ф.). Эта часть и сохранила прежнее название суваз-чуваш»⁴.

Приступая к рассмотрению болгарских письменных памятников-эпитафий, не следует забывать, что речь в данном случае идет о языке привилегированной части тюрков, на что указывают прежде всего титулы и названия профессий (сборщик податей, золотых дел мастер и т. д.) покойных. Что все они были мусульманами, подтверждается их мусульманскими именами и теми кораническими формулировками на арабском языке, с которых обычно начинаются тексты мусульманских эпитафий.

Все болгаро-чувашские слова (см. табл. на стр. 110) взяты нами из текстов болгарских надгробий XIII—XIV вв., приводимых в приложении к книге Г. В. Юсупова⁵. Для сравнения приводятся древнетюркские соответствия, зафиксированные в Древнетюркском словаре (далее ДТС).

Анализ приведенных в таблице слов обнаруживает следующие языковые закономерности:

1. Наличие протезы *u-* в болгарском и чувашском языках перед древнетюркскими лабиальными гласными *ü, o*: булг. *وج* 'три'=чув. *vis'* ~ др.-тюрк. *ïç*; булг. *وان, ون* 'десять'=чув. *top, vup* ~ др.-тюрк. *on*; булг. *وطر* 'тридцать'=чув. *vädär* ~ др.-тюрк. *otuz*. Можно не соглашаться с прочтением буквы *vav* (*و*) как чувашской протезы *u-* в первых двух примерах, однако, если в последнем примере *vav* читать как *o* или *u*, то получится глагол *otur-* или *utug-* 'сидеть' вместо числительного *otuz* 'тридцать', что следует из контекста. Подобный подход

² См.: П. К. Коковцев. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932, стр. 102.

³ См.: А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956.

⁴ Там же, стр. 34—35.

⁵ См.: Г. В. Юсупов. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.—Л., 1960 (далее ЮсБТЭ).

Таблица

Начертания на болгарских эпитафиях	Соответствия	
	современные чувашские	древнетюркские
1	2	3
جال, جال (почти на всех памятниках)	s'ol, s'ul 'год (о возрасте), год (отрезок времени)';	jaš 'год (о возрасте)' (ДТС, 245), jil 'год (отрезок времени)' (ДТС, 266);
بلویك (ЮсБТЭ, табл.: 18, 19, 21, 23, 24, 25, 26, 32, 35)	paläk 'памятник', palgä 'знак, примета, при- знак';	belgü 'признак, примета' (ДТС, 93);
هیر, هیر (ЮсБТЭ, табл.: 5, 7, 13, 18, 19, 21, 23, 24, 26, 27, 32, 34, 35, 40)	xëř 'девушка', 'дочь';	qiz 'девочка; девушка, пе- замужняя женщина' (ДТС, 449);
هیر, حوم (ЮсБТЭ, табл.: 5, 7, 13)	xäřxäm 'рабыня';	qirgip 'невольница, налож- ница' (ДТС, 446);
آرنی (ЮсБТЭ, табл. 14)	ärnä kop, ärnä kup 'пят- ница';	adına (перс. آدینه) 'пятница' (ДТС, 11). adına (küp) 'в пятницу';
کوان (ЮсБТЭ, табл.: 14, 16, 48)	kop, kup 'день';	küp 'день', 'солнце' (ДТС, 326);
ران (ЮсБТЭ, табл.: 3, 5, 6, 30, 39, 48)	-rap/-rāp (аффикс аблати- ва);	dünja (араб. دنيا) 'мир, свет' (ДТС, 161) + -dap/-dāp (аффикс ис- ходного падежа; ДТС, 651) 'из мира сего';
ایح (ЮсБТЭ, табл.: 9, 13, 16, 17, 23, 25, 29, 30, 33, 47, 48)	ojx, ujāx 'месяц, луна (светило)';	aj 'месяц, луна (светило)' (ДТС, 24—25);
اول (ЮсБТЭ, табл.: 1, 7, 11, 13, 16, 20, 28, 29, 30, 36)	ul, iväl 'мальчик', 'сын';	oγul 'ребенок, мальчик, сын' (ДТС, 364);
وج	vis', vis's'ë 'три';	üč (ДТС, 621);
بیال، بل	pilläk, pilläk 'пять';	beš (ДТС, 96);
جیات، جیت، جتی	s'it's', s'it'st'sšë, s'id'žë 'семь';	jeti (ДТС, 259);
جیح، ججا	sagär, sakkär 'восемь';	sekiz, sekkiz (ДТС, 494);
سكر	täxär, täxär 'девять';	toquz (ДТС, 578);
طحور، طحر	von, vun; vonnä, vunnä 'десять';	on (ДТС, 367);
وان، ون	s'irëm 'двадцать';	jegirmi (ДТС, 253);
چیرم، چیریم، جرم	vädär 'тридцать';	otuz (ДТС, 374);
وטר	xëřëx 'сорок';	qirq (ДТС, 446);
خرخ، حرح	allä 'пятьдесят';	elig (ДТС, 170);
الو، ال	sagär von, sagär vun 'восемьдесят';	sekiz on (ДТС, 494, 367);
سكر وان	täxär von, täxär vun 'девяносто';	toquz on (ДТС, 578);
طحروان، طحرون		

Продолжение таблицы

1	2	3
جر، جور الط جور	s'ēr 'сто'; olt s'ēr, ult s'ēr 'шестьсот';	jüz (ДТС, 288); altı jüz (ДТС, 39, 288);
جيات جور، جيت جور جيچ جور (ЮсБТЭ, 71—72) (وج <) وجم (توات <) تواتم (بيال <) بيالم (جيات <) جياتم (سكر <) سكرم (طحر <) طم (اون <) اونم (ЮсБТЭ, 73)	s'it's' s'ēr 'семьсот'; viz'ēm (<vis') 'третий'; tävadäm (<tävat) 'четвертый'; pillëk-m-ěš 'пятый'; s'it's'tš'ě-m-ěš 'седьмой'; sakkär-m-ěš 'восьмой'; täxxär-m-ěš 'девятый'; vonpă-m-ěš, vupnă-m-ěš 'десятый'.	jeli jüz (ДТС, 259, 288); üčünč (<üč) (ДТС, 622); törtinč (<tört) (ДТС, 581); bešinč (<beš) (ДТС, 97); jetinč (<jeti) (ДТС, 259); sekizinč (<sekiz) (ДТС, 494); toquzinč (<toquz) (ДТС, 578); onunč (<on) (ДТС, 367).

приводит к необходимости совершенно излишних «исправлений» и «уточнений»⁶.

В тюркских языках, помимо чувашского, протеза *v-* имеет место лишь в джушском говоре узбекского языка: von 'десять', vücin 'для, из-за' и т. д., а также — в виде исключения — в азербайджанском и турецком языках: vur- 'бить'⁷.

2. В болгарском и чувашском языках порядковые числительные образуются с помощью аффикса *-m*, наличествующего также в хронологии дунайских болгар (см. выше), в то время как в древнетюркском и в современных тюркских языках порядковые числительные имеют аффикс *-nč*: وجم = чув. viz'ēm ~ др.-тюрк. üçünč 'третий', تواتم = чув. tävadäm ~ др.-тюрк. törtinč и др. Современный аффикс чувашских порядковых числительных *-mäš/-mëš* есть результат наращения *m+äš(-ěš)*, причем *-äš/-ěš* встречается в болгарских надписях: اکش 'второй', الطش 'шестой', جياتش 'седьмой', ср. чув. s'ēr pëřěš 'сто первый'⁸, ujäh s'id'žěžě ~ 'седьмой день луны' (АшмСл III, 189), ujäh täxxägěš 'девятый день луны' (АшмСл III, 190) и др.

3. Наблюдаемое в болгарских эпитафиях употребление количественных числительных в функции порядковых свойственно некоторым говорам чувашского языка. Н. И. Ашмарин отмечал, что в курмышском говоре окончания порядковых числительных на *-mëš* не сущест-

⁶ См., например: Г. В. Юсупов. Указ. раб., стр. 74—75.

⁷ А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 179.

⁸ Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка, вып. I—XVII. Казань—Чебоксары, 1928—1950 (далее — АшмСл), вып. X, стр. 219.

вует; здесь пользуются количественными именами *جيات جور جرم سكر جال* (ЮсБТЭ, 73) = чув. *s'it's' s'er s'irēm sagāg s'ol* 'семьсот двадцать восьмой год', *جيات جور جيرم جال* (ЮсБТЭ, 73) = чув. *s'it's' s'er s'irēm s'ol* 'семьсот двадцатый год'.

4. Как в болгарских памятниках, так и в современном чувашском языке, вместо древнетюркского велярного *q* во всех позициях стоит спирант *x*: булг. *هير* = чув. *xĕg* ~ др.-тюрк. *qiz* 'девушка'; булг. *هير حوم* = чув. *xāgħāp* ~ др.-тюрк. *qiqqin* 'невольница, наложница'; булг. *طحور، طحر* = чув. *tāxāg, tāxħāg* ~ др.-тюрк. *toquz* 'девять'; булг. *خرخ، حرح* = чув. *xĕgĕx* ~ др.-тюрк. *qıgq* 'сорок'.

5. Нередко чувашские слова имеют форму аккузатива орхоно-енисейских памятников, тогда как их соответствия в других тюркских языках лишены аффикса *-q, -k*: чув. *tālāx* ~ др.-тюрк. *tul* 'вдова'; *tēlēk* ~ др.-тюрк. *tül* 'сон'; чув. *kāmğāk* ~ др.-тюрк. *kōmūg* 'уголь' и другие. Эта особенность чувашского языка проявляется в болгарском языке *ایچ* = чув. *ojx, ujāx* ~ др.-тюрк. *aj* 'луна, месяц'.

6. Интервокальный древнетюркский *-γ-* в чувашском языке имеет тенденцию перехода в *-v-*: др.-тюрк. *aγaγ, aγiγ* ~ чув. *jivāg* 'тяжелый', 'весомый'; др.-тюрк. *aγaz, aγiz* ~ чув. *s'āvag* 'рот'; др.-тюрк. *baγiγ* ~ чув. *pēvāg* 'печень' и др. Данная особенность отразилась в болгарском и чувашском словах со значением «сын»: булг. *اول* = чув. *ul, ivāl* ~ др.-тюрк. *oγul*. В самых ранних татарских памятниках зафиксировано слово *oγul*, например: *موس اوعلی* 'сын Мусы' (ЮсБТЭ, табл. 15, дата смерти — 1317 г.).

7. Чувашский палатальный звук *s'* в болгарских памятниках передан через *ج*, единственный согласный, наиболее близкий чувашскому *s'*: *جال* = чув. *s'ol, s'ul* 'год'; *وج* = чув. *vis', vis's'e* 'три'; *جيات* = чув. *s'it's'* 'семь'. В пользу того, что чув. *s'* еще в эпоху болгарских памятников имел современную звуковую характеристику, говорят венгерские заимствования из древнечувашского языка: чув. *s'il* > венг. *szél* ~ др.-тюрк. *jel* 'ветер' (ДТС, 254); чув. *s'erē* > венг. *szürü* ~ др.-тюрк. *jügük* 'кольцо, перстень' (ДТС, 288) и др.

8. Одной из важнейших особенностей консонантизма болгарского и чувашского языков является наличие звука *r* там, где в древнетюркском, так же как и в современных тюркских языках, выступает *z, d* (*δ*): булг. *هير* = чув. *xĕg* ~ др.-тюрк. *qiz* 'девочка, девушка; незамужняя женщина'; *سكر* = чув. *sagāg, sakkāg* ~ др.-тюрк. *sekiz, sekkiz* 'восемь'; *طحر، طح* = чув. *tāxāg, tāxħāg* ~ др.-тюрк. *toquz* 'девять'; *وطر* = чув. *vādāg* ~ др.-тюрк. *otuz* 'тридцать'; *خرخ، حرح* = чув. *xĕgĕx* ~ др.-тюрк. *qıgq* 'сорок'; *جر، جور* = чув. *s'er* ~ др.-тюрк. *jüz* 'сто'; *آرنی* = чув. *āgnā, agn'a* ~ др.-тюрк. *adına* 'пятница'.

Нет никакого сомнения, что болгарский формант *ران* (ЮсБТЭ, табл. 3, 5, 6, 30, 39, 48) и чувашский аффикс аблатива *-ran* имеют одно и то же происхождение; в древнетюркском же соответствующую функ-

цию выполняет показатель *-dan*: دنياران = чув. *tënd'žä-rän* ~ др.-тюрк. *dünja-dan* 'из мира сего'.

9. Отличительной особенностью болгарского и чувашского языков является и так называемый ламбдаизм, тогда как в древнетюркских словах болгаро-чувашскому *l* соответствует *š*: булг. *бил, пил* = чув. *pilëk, pillëk* (в форме орхоно-енисейского аккузатива) ~ др.-тюрк. *beš* 'пять'; *جال* = чув. *s'ol, s'ul* ~ др.-тюрк. *jaš* 'год (о возрасте)'.

Что касается болгарских гласных звуков, обозначенных немногими буквами арабского алфавита, то следует отметить часто возникающие разногласия при интерпретации буквы *алиф*. Н. Ф. Катанов писал, «что диалект надписей есть окающий, а не укающий (*сол* — год, *кон* — день, *вон* — 10, *ойх* — месяц, *олтта* — 6, *тохр* — 9, *вотор* — 30), т. е. тот самый диалект, которым говорят ныне коренные чуваша уездов: Курмышского, Козьмодемьянского, Ядринского, Чебоксарского и Цивильского»⁹.

Мы склонны думать, что Н. Ф. Катанов был прав, ибо в персидском и некоторых тюркских языках в тех словах, в которых *алиф* находится в той же позиции, что и в словах болгарских памятников, его передача исключительно звуком *a* вовсе не обязательна: перс. *دام* *dādæm* 'я дал'¹⁰, *مادر* *mādær* 'мать' (ПолВЯ, 56), узб. *ياز* *jāz* 'лето' (ПолВЯ, 34), узб. *تاغ* *tāğ*, туркм. *داغ* *dağ*, казах. *тау* *taw* 'гора' (ПолВЯ, 32) и т. д. Сочетание буквы *вав* с *алифом* (*وا*) в инлауте, судя по персидским примерам, также следует передавать звуком *o*, например: булг. *كوان* = чув. *kop* 'день', ср. перс. *خواستم* *xōstæm* 'я хотел', *خواندم* *xōndæm* 'я прочитал' и т. д. (ПолВЯ, 17). Таким образом, слова *جال, وان, کوان* и другие следует читать *s'ol, von, kop*.

К сказанному следует добавить еще один пример, непосредственно связанный с существованием древней письменности у чувашей. Речь идет о глаголах со значениями «писать» и «читать». Дело в том, что чув. *s'ig* (~ общетюрк. *jaz-*) 'писать' встречается в ряде финно-угорских языков: мар. луг. *ser(aš)*, мар. горн. *šig(aš)* 'писать', морд. *ser(ma)* 'письмо', венг. *íg(ni)* 'писать'. Можно думать, что марийская и мордовская формы представляют собой относительно недавнее заимствование из чувашского языка; однако венгры никак не могли заимствовать слово *íg* в последние два-три столетия, так как контакты между *r*-язычными тюрками и предками современных венгров окончательно оборвались в IX веке, после того как венгры обосновались за Дунаем. Утверждение же З. Гомбоца о чувашском происхождении венгерского глагола *íg* 'писать'¹¹ пока никем не опровергнуто.

В современном чувашском языке значение «читать» передается глаголом *vula*. По «Этимологическому словарю чувашского языка» этот

⁹ Н. Ф. Катанов. Чувашские слова в болгарских и татарских памятниках. Казань, 1920, стр. 13.

¹⁰ См.: Е. Д. Поливанов. Введение в языкознание для востоковедных вузов. Л., 1928 (далее — ПолВЯ), стр. 17.

¹¹ Z. Gombocz. Die bulgarisch-türkische Lehnwörter in der ungarischen Sprache. Helsinki, 1912, стр. 18, 88, 144, 178, 180.

глагол образовался от *ula* 'выть, голосить' с помощью протезы *v*¹². По нашему мнению, чув. *vula* можно возвести к др.-тюрк. *ula*- 'связывать, присоединять' (ДТС, 608), поскольку процесс чтения включает не только произношение, но и собирание, соединение начертанных знаков в одно целое — слово (ср. семантическое тождество: нем. *lesen* 'читать' в общегерманском обозначает «собрать разбросанное вместе»¹³). Отсюда можно заключить, что современные понятия «писать», «читать» имелись еще в древнечувашском языке.

Таким образом, надписи болгарских каменных надгробий XIII—XIV веков донесли до наших дней фонетические особенности чувашского языка, что было бы невозможно без существования древнечувашской письменности на базе арабской графики.

---

¹² В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, стр. 56—57.

¹³ Н. Paul. Deutsches Wörterbuch. Halle (Saale), 1960, стр. 373.

Т. А. ФАРЗАЛИЕВ, И. И. АББАСОВ

О РАЗВИТИИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ СОВЕТСКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Азербайджанский фольклор имеет многовековую историю. Произведения устного поэтического творчества, созданные далекими предками азербайджанского народа, передаваясь из поколения в поколение, все более совершенствовались и постепенно приобретали законченную художественную форму. В фольклоре находили то или иное отражение важнейшие исторические события жизни народа, его философское и эстетическое осмысление происходящего.

Творцами и распространителями фольклора были талантливые сказители и певцы — *озаны*, *янишаги*, *ашуги*, а также многочисленные любители народной поэзии.

Собирание, изучение и публикация образцов азербайджанского устного народного творчества, их научная систематизация начались лишь с конца XIX века, когда азербайджанская интеллигенция приобщилась к передовой русской и западноевропейской культуре. Оживление культурной жизни в Закавказье, появление периодических изданий на русском языке, таких, как «Тифлисские ведомости», «Кавказ», «Кавказский вестник», «Новое обозрение», СМОМПК¹ и других, подготовило почву для создания первых работ по азербайджанской фольклористике. В периодической печати начали публиковаться азербайджанские пословицы², загадки³, *лятифе* (юморески), в том числе связанные с именем Моллы Насреддина⁴, легенды, различные предания⁵, сказки⁶, образцы ашугской поэзии⁷, дастаны⁸, песни⁹. Одновременно стали публиковаться и первые критические высказывания как о содержании, так и художественных особенностях фольклорных произведений. В конце прошлого и начале текущего столетия были выпущены первые отдельные издания произведений устного народного творчества¹⁰. Выходили в свет переводы отдельных образцов фольклорных произведений и других народов¹¹.

После Великой Октябрьской социалистической революции интерес к фольклору еще более возрос. В собирание и изучение произведений устного народного творчества включился ряд видных фольклористов и ученых, чему во многом способствовало создание «Общества по обследованию и изучению Азербайджана» (1923). А. В. Багрий, Х. Зейналлы, В. Хулуфлу, А. Субханвердиханов, принимавшие непосредственное участие в работе этого общества, внесли ценный вклад в дело сбора и изучения азербайджанского фольклора. Большие заслуги в этом имеют и азербайджанские литературоведы Рашид-бек Эфендиев, Амин Абид,

Юсиф Везир, Салман Мумтаз и другие. Ими были организованы многочисленные фольклорные экспедиции в районы Азербайджана. Собранный таким образом материал систематизировался и публиковался. Большое внимание уделялось подготовке специальных изданий, посвященных отдельным жанрам фольклора¹². Параллельно шла теоретическая разработка отдельных проблем устного народного творчества, таких, как связь фольклора с историей народа, идейное содержание и гуманистическая направленность фольклорных произведений, форма и художественные особенности отдельных жанров фольклора, этапы развития ашугской поэзии и др.¹³

Большой вклад в изучение памятников культуры Азербайджана внесли тюркологи-востоковеды Н. Я. Марр, В. А. Гордлевский, А. Н. Самойлович, И. И. Мещанинов, В. Сысоев, А. В. Багрий.

В двадцатые годы значительную роль в изучении и популяризации азербайджанского фольклора сыграла газета «Коммунист», выпускавшая специальное приложение. Газета широко освещала вопросы устного народного творчества, на ее страницах обсуждались актуальные проблемы азербайджанского фольклора¹⁴.

Однако в публикациях газеты допускались теоретические ошибки, нередко упрощенно толковались отдельные проблемы; высказывания, не подкрепленные убедительным фактическим материалом, зачастую носили декларативный характер, почти полностью отсутствовали научные выводы и обобщения.

Постановление Центрального Комитета ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» (1932) и состоявшийся через два года I съезд советских писателей (1934) послужили мощным толчком и дали правильное направление дальнейшему всестороннему изучению устного творчества народов нашей страны. Во всех союзных республиках, в том числе и в Азербайджане, были созданы специальные общества и организации, в задачу которых входили сбор, издание и изучение образцов устного народного творчества¹⁵. С этой целью в районы Азербайджана¹⁶ посылались многочисленные экспедиции, планомерно и систематически собиравшие фольклорный материал. К сбору фольклорных материалов привлекались также учителя, учащиеся и местные жители.

Устное поэтическое творчество по праву заняло достойное место в учебных программах школ и вузов.

В тридцатые годы было записано большое число азербайджанских народных сказок, баяты, дастанов, образцов ашугской поэзии¹⁷, были изданы дастан «Кёроглы»¹⁸ и стихи таких самобытных и популярных азербайджанских ашугов, как Алескер¹⁹, Гусейн²⁰, Асад²¹.

Для исследований этого периода характерны научная глубина и доказательность. Исследователи стремятся выявить присущие народному творчеству характерные черты: связь ранних фольклорных произведений с первоначальными трудовыми процессами, обожествление сил природы, коллективное авторство, взаимовлияние фольклора и письменной литературы, социальная направленность и т. д. В фольклоре, как и во всяком другом искусстве, находят художественное отражение важнейшие исторические события соответствующей эпохи, социальные и духовные запросы народа, его свободолюбие, патриотизм, гуманизм, жизнеутверждающий оптимизм. Анализу этих особенностей народного творчества посвящается ряд научных трудов и исследований.

Некоторые работы по фольклористике были посвящены таким жанрам, как трудовые и обрядовые песни. По мнению исследователей, обрядовые песни — это своеобразный реликт, отражающий первобытное соз-

нение человека, обожествление им могущественных сил природы. К числу таких обрядовых песен относится «Ата-баба куну» («День духа предков»). Обрядовая песня «Сэмэни байрамы» («Праздник сэмэни»), связанная с праздником весны («Новруз байрамы»), была соотнесена с гатами «Авесты»²². Исследовались народные песни самого различного содержания, в том числе посвященные воспеванию выдающихся людей, народных героев, о которых сохранились предания в народной памяти²³. Анализировалась тематика подобных произведений, их связь с крестьянским движением²⁴, с борьбой против нашествий врага, делались попытки научной классификации жанра.

Были созданы специальные исследования о баяты, самом лаконичном и наиболее лиричном жанре народной поэзии²⁵. Произведения этого жанра были собраны и изданы²⁶. В теоретических работах о баяты рассматривались связанные с этим жанром *холовары*, *вэсфи-хал*, колыбельные, *охшам*, *саячы сёзлери*, плачи и причитания. Были высказаны интересные соображения об истоках этих видов фольклорных произведений, о путях их возникновения и развития, об этимологии их названий²⁷.

Многое сделано в области исследования и публикации азербайджанских сказок, неоднократно издававшихся на азербайджанском и русском языках²⁸. В связи с изучением жанра сказок было установлено, что персонификация сил добра и зла, образы дивов, легендарных птиц и так далее переключаются с образами «Авесты», восходят к зороастризму. Сопоставление положительных и отрицательных персонажей многих сказок позволило фольклористам прийти к любопытным выводам²⁹, как, например, о родстве традиционного образа *Кечала* и его прототипа *Кёса*. Азербайджанские сказки группируются в соответствии с классификацией Анти-Аарне. Специальные работы были посвящены сказкам с персонажами из животного мира (сказки-басни), волшебным сказкам, бытовым сказкам, а также социальным мотивам сказок, их художественным особенностям, антирелигиозной направленности некоторых из них³⁰. Однако следует отметить, что отдельных монографических исследований, посвященных жанру азербайджанской сказки, пока еще не создано.

Изучению пословиц и поговорок посвящено лишь одно специальное исследование, в котором сделана попытка установить условия возникновения пословиц и поговорок, а также определить их различия. Изречения народной мудрости и афоризмы изучались с точки зрения как формы, так и содержания. Отдельно рассматривалось использование их классиками, современными писателями, народными певцами, сказителями и ашугами³¹.

Зарождение, становление и развитие народного театра — одна из наиболее сложных проблем. Древние народные представления с присутствующими им сатирой и юмором несли в себе лишь зачатки сценического искусства в современном его понимании. Как справедливо отмечают исследователи, в древнем народном театре нашло свое выражение народное неприятие недостатков и пороков феодального общества. Однако пока еще не выявлены законы возникновения и развития народной драмы и ее сценической композиции.

С проблемой народного театра связана проблема становления и кукольного театра, давно привлекающая внимание фольклористов. Ряд работ исследователей посвящен анализу национальных кукольных представлений («Килимарасы», «Тандыг Чобан», «Марал оюну», «Кафтартус» и др.)³².

Относительно слабо изученным жанром азербайджанского фольклора можно считать и *лятифе* (юморески и анекдоты). Этому жанру, так же как пословицам и поговоркам, посвящено лишь одно исследование.

Народные лятифе, в том числе и связанные с именем Моллы Насреддина, рассматриваются в исследовании с точки зрения особенностей жанра, идейной тематики, историчности, связи с письменной литературой. В работе анализируются лятифе, разоблачающие социальное неравенство, бичующие пороки представителей духовенства, феодалов, высмеивающие уродливые явления в жизни³³. Знаменитые лятифе Моллы Насреддина³⁴ неоднократно публиковались.

Наиболее изученным в азербайджанской фольклористике является ашугское творчество, в том числе творчество ашугов-классиков Гурбани, Сары Ашуга, Аббаса Туфарганлы, Хаста Гасыма, Алескера, Агдабанлы Гурбана и ашуга советского периода Гусейна Джавана³⁵. Сборники ашугской поэзии издаются массовыми тиражами³⁶. Исследователями ашугской поэзии изучаются истоки этого жанра, этимология слов-терминов *озан-дэдэ*, *янишаг-ашуг*, особенности и пути развития жанра в различные исторические эпохи, присущие ему реализм и народность, выражаемые дидактические, философские и социально-политические идеи³⁷.

Исследование азербайджанских дастанов, этой мощной ветви эпического творчества озанов-ашугов, шедевров устной прозы связано в основном с изучением таких известных памятников, как «Китаби-Деде Коркут», «Кёроглы», положившим начало исследованию азербайджанского эпоса³⁸.

Одной из интереснейших проблем является проблема связи фольклора с письменной литературой. Азербайджанскими учеными установлены многочисленные факты обращения к фольклору выдающихся поэтов и писателей — Низами³⁹, Физули⁴⁰, М. А. Сабира⁴¹, Ю. В. Чеменземинли⁴², Дж. Джаббарлы⁴³, С. Вургуна⁴⁴.

В азербайджанской фольклористике произведения устного народного творчества изучались в тесной связи с литературным и культурным наследием народов Закавказья. Большое внимание при этом уделялось азербайджанско-русским литературным и культурным связям. Сопоставительный метод в фольклористике способствует правильному теоретическому освещению и более глубокому изучению азербайджанского устного народного творчества⁴⁵.

Специальные исследования были посвящены методике преподавания фольклора в общеобразовательной школе⁴⁶, анализу положений веками складывавшейся народной педагогики⁴⁷.

Вместе с фольклористами устное творчество азербайджанского народа изучают также историки литературы. Ими написан и опубликован по этой проблеме ряд ценных работ.

Значительную роль в развитии азербайджанской фольклористики сыграл Институт литературы им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР. Сотрудниками отдела фольклора подготовлены и изданы: «Азербайджанские сказки»⁴⁸, «Азербайджанские дастаны»⁴⁹, «Исследования по азербайджанскому устному народному творчеству»⁵⁰, «Азербайджанские ашуги»⁵¹, двухтомники: «Антология азербайджанского фольклора»⁵², «Азербайджанские баяты»⁵³.

Силами молодых ученых института подготовлены II и III книги «Исследований по азербайджанскому устному народному творчеству»⁵⁴. Несмотря на определенные достижения азербайджанской фольклористики, вузы республики до последнего времени не имели учебных пособий по азербайджанскому фольклору. Только в 1970 г. вышли из печати два учебника⁵⁵, в которых приводятся краткие сведения о фольклористике как науке, о ее теоретических основах, о существовавших в ней различных школах. Специальные разделы учебников посвящены истории азерб-

байджанской фольклористики, древнейшим образцам азербайджанского устного народного творчества и его жанрам и т. д.

В настоящее время фольклористы республики продолжают изыскания в области устного народного творчества. К числу разрабатываемых проблем относятся: фольклор и азербайджанская печать XIX—XX вв., отражение в сказках народного быта, юмор и сатира в устном творчестве, художественное мастерство азербайджанской ашугской поэзии, связь письменной литературы с фольклором, взаимовлияние азербайджанского фольклора и фольклора соседних народов и др. Разработка этих проблем, несомненно, обогатит советскую фольклористику новыми, интересными трудами.

¹ Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1881—1914.

² Е. Султанов. Татарские пословицы. — «Новое обозрение», 1891, № 2547, стр. 3; его же. Образчики азербайджанской народной мудрости. — «Кавказ», 1891, № 247; «Сборник сведений о Кавказских горах», вып. IV, 1870, стр. 56—62; «Сборник сведений о Кавказе», т. 1, 1871, стр. 4—336; Татарские пословицы и поговорки. — СМОМПК, вып. I, 1881, стр. 42—54; Татарские тексты, песни, загадки, пословицы. — СМОМПК, вып. XVIII, 1894, стр. 51—53, 61—65; Пословицы Ширванских татар. — СМОМПК, вып. XXIV, 1899, стр. 211 и др.

³ См.: СМОМПК, вып. I, 1881; вып. XVIII, 1894 и др.

⁴ Восточные анекдоты. Анекдоты о Мулле Насреддине. — «Новое обозрение», 1890, №№ 2330, 2335—2337, 2343; СМОМПК, вып. IX, 1890, стр. 52—74; Журн. «ديستان» («Дебистан»), 1906, №№ 8, 9, 11, 15, 16, 17; Журн. «مکتب» («Мектеб»), 1911, №№ 1, 2, 3; 1912, №№ 4, 8, 9; 1913, №№ 3, 5, 6; 1914, №№ 1, 2, 3, 4, 9, 10 и др.

⁵ СМОМПК, вып. VII, 1889, отд. 2, стр. 71—72, 96—97, 136—139.

⁶ Деревянная красавица. — «Полярная звезда», 1825, стр. 182; Хаджи Юсиф. Людям вернуть нельзя (татарская сказка). — «Кавказ», 1852, № 65; СМОМПК, вып. III, 1883, отд. 2, стр. 112—137; вып. VI, 1888, отд. 2, стр. 77; вып. VII, 1889, отд. 2, стр. 98—128 и др.

⁷ А. Ф. Плотто. Природа и люди Загатальского округа. — «Сборник сведений о Кавказских горах», вып. IV, 1870, стр. 1—62; П. Востриков. Музыка и песни у азербайджанских татар. — СМОМПК, вып. XXXII, 1912, отд. 2, стр. 1—20; «Кавказ», 1851, № 1—2; «Русский вестник», т. 288, 1905, стр. 265—283.

⁸ СМОМПК, вып. VII, 1889, отд. 2, стр. 141—291; вып. XII, 1891, отд. 2, стр. 126—128; вып. XIII, 1892, стр. 173.

⁹ СМОМПК, вып. XVIII, 1894, отд. 2; «Кавказ», 1851, № 46, стр. 191; Газ. «اکینچی» («Экинчи»), 1877, № 18 и др.

¹⁰ قهرلی محمدولی. اتالار سوزی. ایروان. 1899: حسن بك زردابی ملك زاده. ترك نغمه لزي نك مجموعه سى. بادكوبه. 1901—1903: فریدون بك كوچرلى. بالالاراهيه. باكو. 1912: يوسف وزير. مليك محمد. باكو. 1912: مذب على عباس. شيخ بهلول (لطفه لر) باكو. 1910: سرگذشت و سفرنامه شحزاده سيف الملوك. باكو. 1909: عاشق سومبات. گوزل نامه. باكو. 1911: اسماعيلوف كريم بك. ناغللار مجموعه سى. باكو. 1911: «عاشق غريب». گنجه. 1912: «كرم ايله اصلى». باكو. 1913: بابايوا خانم. والح ايله صالح. باكو. 1913: عباس زاده ميرزا عباس. ارواداغيسى، باياتى، خاخيشتا، سوگى، لايل، قاينانا گلين سوزلرى. باكو. 1914: بنيادزاده جعفر. كشكول. و ياخود نغمه لر مجموعه سى. باكو. 1913, 1914, 1916: بنيادزاده جعفر. داغار جيق. 1917: گراييكوف آقاسى بك. گولمه لى نغللر. باكو. 1915: ذاكى رضا. كوراوغلى. باكو. 1913: داعى عبدال رحمان. عسكرى نغمه لر. باكو. 1919: ماهنيلار. باكو. 1919: ميزازاده آفاحسن. ملى نغمه لر 1919:

амثال لقمان ياخود قرخ ايكي نقل و حكايه. عربجهدهن ترجمه ايدهنى¹¹ (او. جلال). تفليس 1889؛ على بابا و قرخ قولدور. روسجادران ترجمه ايدهنى م. س. آخوندوف. باكو. 1910؛ پيرو شارل. قرمى پاپاق و بر قوردك ديرليگي. مترجمه و ناشرى ف. ر. ميرزا زاده. باكو. 1910 الف ليلا فارسجادران ترجمه ايدهنى على عباس مذب. باكو. 1910 ح. زيناللى. آذربايجان آنالار سوزو و مثاللارى. باكو. 1926؛ آذربايجان¹² تاپماجالارى. باكو. 1928؛ آذربايجان خلق ادبياتينده باياتيلار، باكو 1925؛ و. خلوفلو. ائل اشيق لرى. باكو. 1927؛ و. خلوفلو. تاپماجالار. باكو 1928؛ و. خلوفلو. كور اوغلو. باكو. 1927؛ س. ممتاز. اشيق عبدو لا. باكو 1927؛ س. ممتاز. ائل شايير لرى. I، II، جلدلر. باكو. 1927؛ 1928؛

h. Zejnally. Azərbaycan el ədəbiyyatı. Bakı, 1929; A. B. Bağrıy. Фольклор Азербайджана и прилегающих стран, тт. I—III. Баку, 1930.

¹³ См.: R. Əhəndijev. El ədəbiyyatı, jaxud el sözləri. — «Azərbaycan əjgənmə jolu», 1928, № 1, стр. 23—24; Народная словесность Кавказа (материалы для библиографического указателя проф. А. В. Багрия). — «Известия Восточного факультета Азербайджанского государственного университета им. В. И. Ленина». Востоковедение, т. I. Баку, 1926, стр. 203; A. B. Bağrıy. Материалы по библиографии Кавказа (к вопросу о быте женщин Кавказа). — «Известия Азербайджанского государственного университета им. В. И. Ленина». Востоковедение, т. II, 1928, стр. I; ego же. К вопросу об изучении азербайджанских сказок. — «Известия восточного отделения Азербайджанского государственного университета», т. IV, 1929; А. В. Бағры. خلق مثلهلرى حاقينده.

«معارف ايشچىسى». № 1, 1925. ائل حكايهلرى حاقينده: «خلق معلیمی» قزتى، № 1, 1924؛ ح. زيناللى. اغيز ادبياتى. «معارف و مدنيت» № 8، 1926. ى. حكمت. خلق ادبياتى (خلق ادبياتى حياتدان دوغار) «كمونيست» قزتينه خصوصى علاوه، 1927، 4—1 №: يوسف وزير. آذربايجان ناغللارنين احوال و روحيهسى. «معارف و مدنيت»، 1926، 9 №: يوسف وزير. آذربايجاندا زردوشتى عادتلىرى. «انقلاب و مدنيت»، 1927، 4—5 №: Jusif Vəzir. Naçıllarımız nə çür toplamalı? — «Azərbaycan əjgənmə jolu», 1928, ego же. Naçıllarımız barəsində bir necə söz. — «Azərbaycan əjgənmə jolu», 1928, № 2; ego же. Xalq ədəbiyyatında bəşəri təməyllər. — «İngilab və mədəniyyət», 1928, № 6—7; ego же. Xalq ədəbiyyatının təhlili. — «İngilab və mədəniyyət», 1929, № 12; 1930, № 2—3; Ətin Abid. Türk el ədəbiyyatına elmi bir baxış. — «Dan Jyldızı», 1929, № 5; ego же. Əsirət dövründəki Azərbaycan ədəbiyyatına aid vəsiqələr. — «Azərbaycan əjgənmə jolu», 1930, № 3 и др.

¹⁴ См.: газ. «Коммунист», 1923, №№ 196, 225, 231, 259; 1924, №№ 4, 9 и др.

¹⁵ К ним относятся краеведческие музеи, созданные в некоторых крупных городах республики, отдел фольклора при Институте языка, литературы и истории Азербайджанского филиала АН СССР, филологические факультеты вузов и др.

¹⁶ См.: Folklor toplanır. — «Ədəbiyyat əvəzi», 1935, № 9; Xalq ədəbiyyatının əjgənin. — «Ədəbiyyat əvəzi», 1935, № 7; Folklor ekspedisiyası. — «SSRİ EA Azərbaycan İttifaqı xəbərləri», 1938, № 3 и др.

¹⁷ H. Əlizada. Azərbaycan aşıqları, I. Bakı, 1929; II, 1930; Dastanlar və naçıllar Bakı, 1937; Din və məvhumat əlejhinə el şeirləri. Bakı, 1937; Azərbaycan bəyatları. Bakı, 1938.

¹⁸ «Koroğlu» (tərtib edən H. Əlizada). Bakı, 1941.

¹⁹ «Aşyq Ələsgər». Bakı, 1934, 1935, 1937.

²⁰ «Aşyq Hüsejn Bozalqanlı» (tərtib edən H. Əlizada). Bakı, 1938.

²¹ «Aşyq Əsəd» (tərtib edən H. Əlizada). Bakı, 1939.

²² M. H. Təhməsim. Xalq ədəbiyyatında mərasim və məvsüm nəfəmələri. Kənd. diss. Bakı, 1945; M. Arıf. Azərbaycan xalq teatrları. — «Ədəbiyyat məcmuəsi», Bakı, 1946, № 1.

²³ «Гагаç Нəби» (топлајаны вэ тэртиб едэни Ə. Ахундов). Бақы, 1941, 1961; «Короғлу нэвэлэри» (топлајаны вэ тэртиб едэни Р. Рүстэмзадэ). Бақы, 1967.

²⁴ Р. Рүстәмзаде. Гәһрәмәнлыг нәғмәләринин поетик хүсусијјәтләри. — «Азәрбајчан», 1965; № 3; *его же*. XIX әсрин икинчи јарысында Азәрбајчан кәндли һәрәкаты илә әләгә-лар јаранмыш гәһрәмәнлыг нәғмәләри. Канд. дисс. Баку, 1965.

²⁵ Һ. Гасымов. Азәрбајчан халг әдәбијјатында бајатынын мөвгеи. Канд. дисс. Баку, 1954.

²⁶ «Бајатылар» (тәртиб едәни М. Һ. Тәһмасиб). Баку, 1943; «Бајатылар» (топлајаны вә тәртиб едәни Һ. Гасымов). Баку, 1956, 1960.

²⁷ М. Һ. Тәһмасиб. Халг әдәбијјатында мәрәсим вә мөвсүм нәғмәләри; Ә. Ахундов. Сајачы сөзләри. — «Әдәбијјат мәчмуәси», XI ч. Баку, 1957, стр. 136; М. Һ. Тәһмасиб. «Китаби-Дәдә Горгуд» бојлары һаггында. — «Азәрбајчан шифаһи халг әдәбијјатына даир тәдгигләр», I китаб. Баку, 1961.

²⁸ «Нағыллар» (тәртиб едәни Ә. Ахундов). Баку, 1942, 1948; «Азәрбајчан нағыллары» (үч чилдә, тәртиб едәни М. Һ. Тәһмасиб). Баку, 1941—1949; «Ағ атлы оғлан» (тәртиб едәни М. Һ. Тәһмасиб). Баку, 1954; «Јетим гызын нағылы» (топлајаны вә тәртиб едәни Н. Сејидов). Баку, 1961; «Ағылы гызын нағылы» (топлајаны вә тәртиб едәни Н. Сејидов). Баку, 1963; «Азәрбајджанские сказки» (в двух томах, составители Ф. Бабаев и М. Г. Тахмасиб). Баку, 1945—1946; «Азәрбајджанские сказки» (составитель Н. Сејидов). Баку, 1968; «Азәрбајчан нағыллары» (ики чилдә, топлајаны вә тәртиб едәни Ә. Ахундов). Баку, 1970; «Азәрбајджанские сказки» (составитель А. Ахундов). Баку, 1959; «Дашдәмирин нағылы» (тәртиб едәни М. Һ. Тәһмасиб). Баку, 1970 и др.

²⁹ М. Һ. Тәһмасиб. Азәрбајжан паоыллағында кесәл. — Журн.: «Revolution et Culture», 1939, № 12; Н. Араслы. Азәрбајжан тыгк паоыллағы һаqqында. — «Әдәбијјат оәзети», 1 mart, 1936; М. Һ. Тәһмасиб. Әфсанәви гушлар. — «Вәтән урунда», 1945, № 5; *его же*. Азәрбајжан халг нағылларында див сурәти. — «Вәтән урунда», 1946, № 1.

³⁰ Ә. Ахундов. Нағылларда гәһрәмәнлыг мотивләри. — «ССРИ ЕА Азәрбајжан филиалынын хәбәрләри», 1943, № 2; Н. Сејидов. Азәрбајжан нағылларында ичтими мотивләр. Канд. дисс. Баку, 1954; *его же*. Азәрбајжан нағылларынын бәдни хүсусијјәтләри. — «Азәрбајчан шифаһи халг әдәбијјатына даир тәдгигләр», II китаб. Баку, 1966; М. Һ. Тәһмасиб. Мүгәддимә. — «Азәрбајчан нағыллары» (беш чилдә), I ч. Баку, 1960; И. Бабајев. Азәрбајжан халг нағылларында гәһрәмәнлыг мотивләри. — «В. И. Ленин адына Азәрбајжан педагожи институтунун елми әсәрләри», VII ч., 1959 и др.

³¹ См.: И. Ибраһимов. Аталар сөзү вә мәсәлләр. — «Азәрбајжан шифаһи халг әдәбијјатына даир тәдгигләр», I китаб.

³² См.: Ә. Әләкбәров. Азәрбајжанда халг kukla театросу вә ојунлар. — «Inqilab və tədriş», 1935, № 5; Ә. һагвердијев. Азәрбајжан театры. — «Сечилимиш әсәрләри». Баку, 1957; М. Ариф. Азәрбајжан халг театры. — «Әдәбијјат мәчмуәси», 1946, № 1; Ч. Чәфәрров. Азәрбајжан драм театры. Баку, 1951; Ә. Султанлы. Азәрбајжан драматуркијасынын ички-шафы тарихиндән. Баку, 1964.

³³ Т. Фәрзәлијев. Азәрбајжан халг ләтифәләри. Канд. дисс. Баку, 1966; М. А. Султанов. Молла Нәсрәддинин прототипи кимдир? — «Азәрбајчан», 1961, № 10.

³⁴ «Молла Нәсрәддин ләтифәләри» (тәртиб едәни М. Һ. Тәһмасиб). Баку, 1939, 1956, 1960, 1965 и т. д.

³⁵ См.: Н. Араслы. Сагь ашыг һаqqында. — «Әдәбијјат оәзети», 15 mart, 1936; Ә. Ахундов. Ашыг Әләскәрин һәјаты вә јарадычылығы. Канд. дисс. Баку, 1946; М. һәкимов. Ашыг һүсејн Чаван. Канд. дисс. Баку, 1965; С. Пашајев. Агдабанлы Гурбан вә мүәсирләри. Канд. дисс. Баку, 1970; М. Ибраһимов. Ашыг ше'ри вә Ашыг Әләскәр. — «Елм вә һәјат», 1964, № 3.

³⁶ «Ашыгын сәси» (тәртиб едәнләг: С. Бабајева вә М. Һ. Тәһмасиб). Баку, 1939; һүсејн Чаван. Азадлыг маһнылары. Баку, 1950; «Шаир Чобан Әфган» (тәртиб едәни Н. Нәсәнзаде). Баку, 1955; «Ашыг Әләскәр» (топлајаны вә тәртиб едәни И. Әләскәров). Баку, 1956; «Ашыглар» (тәртиб едәни С. Ахундов). Баку, 1957; «Ашыг Шәмшир» (тәртиб едәни О. Сарывәлли). Баку, 1959; «Ашыг Билал» (тәртиб едәни С. Ахундов). Баку, 1960; «Ашыг Әләскәр» (тәртиб едәнләг Ә. Ахундов вә М. Һ. Тәһмасиб). Баку, 1963; «Телли саз устәдлары» (тәртиб едәни Ә. Ахундов). Баку, 1964; Ашыг Панаһ. Мәһәббәт-дән данышаг. Баку, 1965; «Хәјјат Мирзә» (тәртиб едәни Р. Рүстәмзаде). Баку, 1966; һүсејн Чаван. Даныш телли сазым. Баку, 1966; «Молла Чүмә. Ше'рләг» (топлајаны вә тәртиб едәни П. Әфәндијев). Баку, 1966; «Сары Ашыг» (тәртиб едәни Ә. Ахундов). Баку, 1966; «Мирзә Бајрамов» (тәртиб едәни М. һәкимов). Баку, 1968; «Халтын сәси» (тәртиб едәни П. Әфәндијев). Баку, 1968; «Ашыгын сөзү» (тәртиб едәни Ә. Ахундов). Баку, 1970 и др.

³⁷ Һ. Араслы. Ашыг јарадычылығы. Баку, 1960; М. Һ. Тәһмасиб. Азәрбајжан халг дастанлары (орта әсрләг). Докт. дисс. Баку, 1965; Ф. Гасымзаде. XIX әср Азәрбајжан әдәбијјаты тарихи. Баку, 1956; Ә. Ахундов. XIX әсрдә јетишмиш көркәмли ашыглар. — «Азәрбајжан шифаһи халг әдәбијјатына даир тәдгигләр», I китаб; М. Ибраһимов. Ашыг поезијасында реализм. Баку, 1966; Ә. Елдарова. Ашыг сәнәти һаггында тарихи очерк. — «Азәрбајжан иячәсәнәти», VIII ч. Баку, 1962; П. Әфәндијев. Бөјүк Вәтән мұһарибәси илләриндә Азәрбајжан ашыг јарадычылығы. — «В. И. Ленин адына Азәрбајжан педаго-

жи институтунун эсэрлери, ч. VII. Баку, 1959; Г. Намазов. Азербайжан ашыг ше'ринин ички шафы тарихиндэн. Канд. дисс. Баку, 1969 и др.

³⁸ См.: *Н. Араслы*. «Kitabi Dədə Qorqud». — «Revoljusija və Qultura», 1938, № 3; *Ə. Султанлы*. «Китаби-Дədə Горгуд» дастаны һаггында. — «С. М. Киров адына Азербайжан дәвләт университетинин эсэрлери», 1958, № 1; 1959, №№ 2, 3, 4; *Ə. Дәмирчизадə*. «Китаби-Дədə Горгуд» дастанларынын дили. Баку, 1959; *М. Һ. Тəһмасиб*. Дədə Горгуд бојлары һаггында. — «Азербайжан шифаһи халг эдәбијјатына даир тәдгигләр», I вә II китаблар; *Ш. Чәмшидов*. «Китаби-Дədə Горгуд». Канд. дисс. Баку, 1964; *М. Сејидов*. Дədə Горгуд бојларынын мәншәринә даир. — «Азербайжан». Баку, 1968, № 6; *М. Ариф* «Koroğlu» dastanı. — «Ədəbiyyat ǝzəti», 5 aprel, 1938; *М. Һ. Тəһмасиб*. Азербайжан халг дастанлары (орта эсрләр). Докт. дисс. Баку, 1965; *П. Әфәндијев*. «Короглу» дастанында халгилик проблемли. Канд. дисс. Баку, 1954; *Һ. Араслы*. Ашыг јарадычылығы. Баку, 1961; *С. Якубова*. Азербайджанский народный дастан «Ашуг Гариб». Канд. дисс. М., 1965; *И. Аббасов*. Јени дастанлар (мүгәддимә). — «Азербайжан дастанлары» (беш чилдә), V ч. Баку, 1972.

³⁹ *Һ. Араслы*. Низамидә халг сөзләри, халг ифадәләри вә зәрб-мәсәлләри. — «ССРИ ЕА Азербайжан филиалынын хәбәрләри», 1942, № 8; *его же*. Низами вә Азербайжан халг эдәбијјаты. — В сб.: «Низами Кәнчәви». Баку, 1947; *М. Әлкәбәров*. Кәнчәви вә Азербайжан халг јарадычылығы. Канд. дисс. Баку, 1947; *Ə. Ахундов*. Низами Кәнчәви вә халг јарадычылығы. — «Азербайжан ССР ЕА хәбәрләри», 1954, № 2.

⁴⁰ *И. Бабајев*. Фүзули вә шифаһи эдәбијјат. — «В. И. Ленин адына Азербайжан педагожи институтунун эсэрлери», VII ч., 1959; *А. Вәфалы*. Фүзули вә фолклор. — «Азербайжан шифаһи халг эдәбијјатына даир тәдгигләр», II китаб.

⁴¹ *Ə. Мехдијев*. Сабир вә фолклор. Канд. дисс. Баку, 1966.

⁴² *М. Һ. Тəһмасиб*. Әдиб-аним. — Газ. «Әдәбијјат вә инчәсәнәт», 9 декабр, 1967.

⁴³ *М. Һ. Тəһмасиб*. Ч. Чаббарлы вә халг јарадычылығы. — «Азербайжан», 1959, № 12; *П. Әфәндијев*. Ч. Чаббарлы халг эдәбијјаты һаггында. — Газ. «Әдәбијјат вә инчәсәнәт», 1969, № 9.

⁴⁴ *Ч. Абдуллајев*. С. Вурғун вә фолклор. Канд. дисс. Баку, 1962; *П. Әфәндијев*. С. Вурғун вә шифаһи халг эдәбијјаты. — «Азербайжан», 1957, № 3.

⁴⁵ См.: *Г. Антонјан*. Ермәни вә Азербайжан халгларынын эдәби әлагәләри. Баку, 1955; *М. Сејидов*. Сәјат Нова. Баку, 1954; *его же*. Азербайжан-ермәни эдәби әлагәләри (гәдим дөврдән XVIII эсрин сонун кими). Докт. дисс. Баку, 1969; *Ф. Фәрһадов*. «Короглу» дастанынын Загафғазия версиясы. Докт. дисс. Баку, 1968; *И. Аббасов*. Азербайжан-ермәни фолклор әлагәләри (XIX эср ермәни мәнбәләри үзрә). Канд. дисс. Баку, 1966; *его же*. Азербайжан фолклору вә Х. Абовјан. — «Азербайжан шифаһи халг эдәбијјатына даир тәдгигләр», II китаб; *его же*. Озан (узан)-гусан истилаһы вә сәнәтинә даир. — «Азербайжан шифаһи халг эдәбијјатына даир тәдгигләр», III китаб; *Ј. Рамазанов*. Азербайжанча јазыб јарадан ермәни ашыглары. Канд. дисс. Баку, 1969 и др.

⁴⁶ *Ə. Гарабағлы*. Азербайжан эдәбијјатынын тәдриси методикасы. Баку, 1968.

⁴⁷ *Ə. Һәшимов*. Азербайжан халг педагогикасынын бәзи мәсәләләри. Баку, 1970.

⁴⁸ «Азербайжан нағыллары» (беш чилдә). Баку, 1960—1964.

⁴⁹ «Азербайжан дастанлары» (беш чилдә). Баку, 1965—1972.

⁵⁰ «Азербайжан шифаһи халг эдәбијјатына даир тәдгигләр», I—III китаблар. Баку, 1961—1969.

⁵¹ «Азербайжан ашыглары» (беш чилдә). Архив Института литературы им. Низами АН Азерб. ССР.

⁵² «Азербайжан фолклору антологиясы», I вә II китаблар. Баку, 1968—1969.

⁵³ «Азербайжан баятылары» (ики чилдә). Архив Института литературы им. Низами АН Азербайджанской ССР.

⁵⁴ Четвертая книга этого издания находится в печати.

⁵⁵ См.: *В. Вәлијев*. Азербайжан шифаһи халг эдәбијјаты. Баку, 1970; *И. Бабајев* вә *П. Әфәндијев*. Азербайжан шифаһи халг эдәбијјаты. Баку, 1970.

РЕЦЕНЗИИ

А. Н. КОНОНОВ. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ В РОССИИ*

Заслуги русских востоковедов-тюркологов в области изучения истории, литературы, устного народного творчества и языков тюркских народов общепризнаны, и их труды по сей день являются ценнейшими научными источниками. Однако до сих пор мы не располагали работами, обобщающими сведения о русских тюркологах и их наиболее значительных трудах.

Этот пробел во многом заполнит издание «Библиографического словаря отечественных тюркологов», подготавливаемого небольшим коллективом ученых Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР под руководством А. Н. Кононова. Часть этого труда, охватывающая дооктябрьский период, в настоящее время завершена и представлена в печать. Материал, собранный для введения к указанному Словарю, и послужил основой рецензируемой монографии А. Н. Кононова. Данные две работы, дополняющие одна другую, дадут читателю полное представление о прошлом развитии отечественной тюркологии и ее выдающихся представителей.

А. Н. Кононов в своей монографии широко использовал опубликованные как на русском, так и национальных языках очерки, статьи и архивные материалы. Работу автора в значительной мере облегчили статьи А. П. Поцелуевского по истории изучения туркменского языка, С. Е. Малова — по каракалпакскому, А. К. Боровкова — по узбекскому, Е. И. Убрятовой — по якутскому, М. С. Михайлова — по турецкому, С. К. Кенесбаева — по казахскому языкам, некоторые публикации Б. Б. Лунина, Н. К. Дмитриева, Н. А. Баскакова. Однако ни одна из упомянутых статей не охватывает всей истории изучения соответствующего языка. Кроме того, по ряду языков — таких, как киргизский, уйгурский, крымскотатарский, азербайджанский,

татарский, башкирский, ногайский, караево-балкарский, кумыкский и т. д., а также по западносибирским языкам — вообще не имеется серьезных исследований по истории их изучения. Но, несмотря на трудность поставленной задачи, А. Н. Кононову удалось широко осветить историю русской тюркологической науки со времени ее возникновения, последовательно рассмотреть этапы развития тюркского языкознания в дореволюционной России. В исследовании прослежена также история преподавания тюркских языков в учебных заведениях России.

Монография состоит из пяти глав: «Предистория русской тюркологии (до начала XVIII в.)», «Зарождение научной тюркологии в России (начало XVIII в.)», «Тюркское языкознание в Академии наук (XIX—начало XX в.)», «Преподавание тюркских языков в учебных заведениях России (XVIII—начало XX в.)», «Из истории тюркского языкознания в России».

Первая глава представляет собой своеобразное введение в историю изучения тюркских языков в древней и средневековой России. Здесь даны ценные исторические сведения об изучении тюркских языков, о попытках составления первых двуязычных словарей, о сборе языкового материала по древнерусским летописям и средневековым архивным документам и т. д. Автор убедительно показывает, что еще в период Киевской Руси существовала диктовавшаяся практическими соображениями необходимость изучения языка тюркоязычных племен, кочевавших по южнорусским степям и «являвшихся для Киева то согражданами, порою родственниками по браку, то беспокойными соседями...» (стр. 15). После монголо-татарского нашествия и двухсотлетнего господства завоевателей, с установлением более тесных экономических и культурных связей с Турцией, Средней Азией и Сибирью изучение языков тюркских народов стало уже исторической необходимостью.

* Л., изд-во «Наука», 1972, 292 стр.

Зарождение научной тюркологии в России А. Н. Кононов относит к началу XVIII века, ко времени правления Петра I, издавшего после Прутского похода 1711 года манифест, переведенный на смешанный татарско-чагатайско-турецкий язык для распространения среди крымских и буджакских (бессарабских) татар. В последующие годы по распоряжению Петра I в Турцию и Персию отправлялись молодые люди для изучения турецкого, персидского и арабского языков. В 1722 г. организуется первая типография с арабскими шрифтами и печатается императорский манифест на турецком языке.

Первым тюркологом в составе Академии наук автор считает прибывшего в 1726 г. в Петербург Г.-З. Байера, который перевел отрывок из «Родословной тюрков» Абу-л-Гази и сделал первую попытку расшифровать древнетюркские рунические письмены.

В 1732 г. в Россию был приглашен из Германии известный востоковед Г. Я. Кер, осуществивший перевод на немецкий язык «Родословной тюрков» Абу-л-Гази и фрагментов из «Бабур-Наме» — на латынь. Им же был разработан проект учреждения в России Академии восточных наук и языков.

Богатством исторических фактов отличается раздел, освещающий работу различных языковедческих экспедиций в Поволжье, Сибирь и на Кавказ, которыми, помимо лингвистических материалов, было собрано и впоследствии частично обработано огромное по тому времени количество этнографических, топонимических, исторических и географических сведений, относящихся к различным народам и народностям этих краев. В данной главе подробно говорится также об изучении, переводах и изданиях рукописи «Родословная тюрков» Абу-л-Гази.

В книге содержатся интересные сведения о первых лексикографических работах и научной деятельности В. Н. Татищева, П. И. Рычкова, К. А. Кондратовича, М. Абдурахманова, перечисляется ряд двуязычных, многоязычных и сравнительных словарей и разговорников XVIII — начала XIX в., рукописных и изданных.

В начале XIX века публикуются новый академический регламент (1803 г.) и новый университетский устав (1804 г.), сыгравшие важную роль в развитии востоковедения в России. К этому же периоду относится многогранная деятельность приглашенного в 1807 г. в Россию немецкого востоковеда Г. Ю. Клапрота, в круг научных интересов которого входило изучение и тюркских языков (карачаевского, балкарского, башкирского, казахского, киргизского, якутского). Г. Ю. Клапрот одним из первых заинтересовался языком и алфавитом древних уйгуров; его внимание привлекали также такие памятники тюркской письменности, как «Бабур-Наме»,

«Кодекс Куманикус» и болгарские надписи. Им же был опубликован немецкий перевод главы из «Бабур-Наме».

В 1810 г. в качестве первого члена-корреспондента Академии наук по разряду восточной словесности и древностей был избран Г. И. Спасский, отдавший много сил собиранию и систематизации тюркских рунических надписей.

К началу XIX в. по мере развития и расширения связей России с Востоком возникла нужда в ученых-востоковедах. Это обстоятельство побудило Академию наук предпринять конкретные меры, одной из которых явилась организация первого в России научного востоковедческого учреждения — Азиатского музея, сыгравшего значительную роль в истории отечественного востоковедения. В этот период русское востоковедение достигло значительных успехов, чему способствовали работы известного историка и географа, профессора восточных языков Б. А. Дорна, выдающегося санскритолога академика О. Н. Бётлингера, академика А. А. Шифнера — одного из крупнейших русских лингвистов середины XIX в., исследовавшего наряду с палеоазиатскими языками, санскритом и тибетским также тюркские и монгольские языки. Историком и филологом В. В. Вельяминовым-Зерновым было написано известное исследование «О касимовских царях и царевичах», издан «Джагатайско-турецкий словарь», «Татарско-турецкие документы по истории сношений Крымского ханства с Россией и Польшей» (материалы для этого труда были собраны преподавателем татарского языка, С.-Петербургского университета Хусейном Фейзхановым). Труды В. В. Вельяминова-Зернова сохранили свою ценность по сегодняшний день.

Ко второй половине XIX в. относится деятельность такого крупного ученого, как В. В. Радлов, заложившего фундамент тюркской филологии, а также исследования тюркологов И. И. Гиганова, А. А. Гролянского, М. А. Казем-Бека, А. О. Мухлинского, И. Н. Березина, Н. И. Ильминского и др. Большой интерес представляют труды К. Г. Залемана, занимавшегося в основном изучением письменных памятников в филолого-лингвистическом аспекте.

В изучение лексики якутского языка значительный вклад внес Э. К. Пекарский, собравший во время своей двадцатипятилетней ссылки в Якутии огромный материал по якутскому языку, заложив основы якутской лексикографии.

В истории тюркской филологии почетное место принадлежит выдающемуся историку академику В. В. Бартольду, который первым изучил и перевел «Китаби-деде Коркуд». Исключительную ценность для тюркологии представляют работы А. Н. Самойловича и С. Е. Малова. Этому замечательному периоду в истории русского востоковедения и его выдающимся пред-

ставителям посвящена третья глава монографии А. Н. Кононова.

В четвертой главе рассматривается преподавание тюркских языков в России (XVIII—начало XX в.), которое велось в ряде университетов, гимназий, училищ, в военных и духовных учебных заведениях, на различных курсах восточных языков. В этой главе найдла широкое освещение деятельность указанных учебных заведений, их преподавателей — замечательных востоковедов-тюркологов, занимавшихся также научными исследованиями и подготовивших многочисленные учебники и учебные пособия по тюркским языкам.

Последняя глава представляет собой обширный обзор истории тюркского языкознания в России. Как пишет автор, непосредственному составлению пособий по тюркским языкам в России предшествовал длительный период сбора материала, но уже в 60-х годах XVIII в. был заложен первый камень в фундамент научного изучения тюркских языков.

Мы не располагаем сводной библиографией по отечественному тюркскому языкознанию дооктябрьского периода. Поэтому следует приветствовать включение в эту главу монографии довольно полного перечня тюркологических трудов, снабженного подробными аннотациями и критическими

замечаниями. Перечень охватывает основные тюркские грамматики, словари, учебные пособия, труды по фонетико-грамматическому строю и лексике тюркских языков, по изучению памятников рунического, древнеуйгурского и арабского письма. Обстоятельно рассматриваются классификации тюркских языков в трудах отечественных тюркологов. В специальном разделе приводится ценный справочный материал об имеющихся фондах тюркоязычных рукописей в различных республиках и городах нашей страны. Труд завершается кратким обзором работ по изучению тюркизов в русском языке.

Как отмечает А. Н. Кононов, «история любой дисциплины не только напоминает о пройденном пути, успехах и неудачах тех, кто проделал его, но и указывает направление, а часто и способы дальнейших поисков и предостерегает исследователей от повторения ошибок, сделанных предшественниками» (стр. 8); и именно потому рецензируемый труд, несомненно, станет настольной книгой тюркологов.

Остается лишь пожалеть, что тираж книги — 2100 экз. — уж очень незначителен.

Э. Н. Наджип

«ТЮРКСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ»*

История отечественной тюркологии не располагает большим числом обобщающих работ в области изучения лексики. До последнего времени имелись, по существу, лишь две коллективные работы такого рода, выполненные под научным руководством Н. К. Дмитриева сотрудниками Сектора тюркских языков Института языкознания Академии наук СССР: тематический сборник «Историческое развитие лексики тюркских языков» (М., 1961) и сборник статей «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. IV. Лексика (М., 1962). Ныне к ним прибавилась рецензируемая книга, подготовленная тюркологами Москвы, Ленинграда, национальных республик и областей страны под эгидой Научного совета по лексикологии и лексикографии Академии наук СССР.

Рецензируемый сборник включает 26 статей и материалов, сгруппированных по пяти

тематическим разделам: «Лексикология», «Лексикография», «Терминология», «Заметки и сообщения», «Рецензии». Рассматриваются факты более чем двадцати языков, относящихся ко всем классификационным группам тюркской языковой семьи.

Большую часть данного издания составляют публикации по исторической лексикологии и практике составления толковых, этимологических и переводных словарей. Менее полно отражены на страницах сборника вопросы теории слова и его значения, а также опыт работы над лексикографическими справочниками новейших типов: частотными, обратными и т. д.

Лексикологическая часть сборника открывается большой статьей *И. В. Кормушина* «Лексико-семантическое развитие корня *qa в алтайских языках», в которой излагается гипотеза об «изначальном» составе тюркского корня в виде комплекса «согласный+гласный» (СГ). Впоследствии этот комплекс, по мнению автора, мог получить приращение СГ+С>СГС, а уже затем «у некоторых корней произошло падение второго согласного» (стр. 11), причем основы или

* М., 1971, 312 стр. Редакция: Н. А. Баскаков (отв. ред.), А. А. Юлдашев, А. А. Кожанова, Л. С. Левитская.

базы¹ с одним согласным, по предположению И. В. Кормушина, должны восходить к общеалтайскому языковому состоянию; базы же с двумя согласными являются достоянием либо всей алтайской семьи, либо ее отдельной группы; наконец, базы с тремя и более согласными относятся только к одной из языковых групп — тюркской, монгольской или тунгусо-маньчжурской (стр. 29). Предпринятое автором сопоставление тюркского материала по корню *ka* и его производным *ka*, *ka*, *ka*, *ka* с их аналогами в других алтайских языках правомерно, однако хотелось бы видеть в обозримом будущем и результаты углубленных исследований по выяснению природы указанного второго консонанта *-l*, *-t*, *-r*, *-p* и т. д. — прежде всего в пределах самих тюркских языков. Так, было бы интересно выявить, содержатся ли какие-либо общие моменты в таких образованиях, как *ka*-*j* '(по)вернуться' и *ku*-*j* '(с)косить', *kā*-*l* 'оставаться', *ku*-*l* 'делать', *ko* 'рука' и *ku* 'раб'; *ka*-*n* 'кровь' и *ku*-*n* 'ножны' и т. п., а также сопоставить базы, различающиеся лишь инициально-анлаутным согласным: *bā*-*j* 'богатый', *jā*-*j* 'лето' и, возможно, *ā*-*j* 'луна, месяц'; ср. также кыпч. *ja*ldu и *ja*ndu с одинаковым значением «он воспламенился, разгорелся» (ДТС, стр. 227, 231). Приведенный в статье разнообразный конкретный материал можно было бы пополнить некоторыми фактами из современных тюркских языков: башк. и тат. *katuk* 'род кефира, варенец' (к стр. 15), *ka*gıttan 'дремучая чаша' из *ka*gıttan *dos*l. 'черный (т. е. темный) лес' либо *ka*gıttan 'старый (т. е. густой) лес' (к стр. 15—17) и т. д. В целом же статья И. В. Кормушина, содержащая интересную информацию, оставляет впечатление части обширного исследования.

Частная этимология азербайджанского образного слова *hejvāg* со значениями «оболтус» и «болтун», отсутствующего в неогузских языках, толкуется в статье А. Г. Гасанова как контаминация общетюркского междометия (*h*)e*j* '(г)эй' и архаического заимствования *vāg*/*bāg*/*māg* (недоброжелательное обращение).

«Из истории изучения омонимов в узбекском литературном языке» — так назван реферативный обзор У. Т. Гурсунова и Н. Р. Ражджובה. Авторы правильно объясняют актуальность данной обширной проблемы, связанной с разграничением явлений полисемии и омонимии в тюркских языках, разработкой традиционного жанра туюгов (игры слов, теджнисов) в тюркоязычной литературе, созданием словарей омонимов и т. п. (стр. 46—47). К сожалению, источниковедческая часть статьи не является исчерпывающей. Так, в перечне (стр. 39) специальных монографий, посвященных тюркской омонимии, названа лишь кандидатская диссертация К. Аханова «Омонимы в казах-

ском языке» (Алма-Ата, 1956)². Отсутствует упоминание о защищенной в МГУ диссертации М. Х. Ахтямова «Проблемы омонимии в современном башкирском литературном языке» (М., 1966) и об изданном отдельной книгой «Словаре омонимов башкирского языка» того же автора (Уфа, 1966). Не названа и статья М. Т. Агламовой «Об омоформемах в узбекском языке»³. В обзорной статье, подобной рецензируемой, должна была бы содержаться более обширная информация по классификации омонимов, об особенностях омофонов, омоформ и омографов в узбекском языке. Спорными представляются и некоторые иллюстрации в тексте — неясно, например, с какими словами вступают в омонимические отношения *ko*l 'баран', *e*sk'i 'коза', *ka*rka 'ворота' у Махмуда Кашгарского (стр. 40—41). Кстати, привлечь древнетюркские орхон-енисейские памятники и «Дивāну лугат-ит-турк» в качестве источников «для диакронического изучения омонимов в узбекском языке» (там же) следует, на наш взгляд, с большой осмотрительностью, ибо межъязыковая омонимия не всегда тождественна внутриязыковой (ср.: др.-тюрк. *it* 'собака' и тат. *it* 'мясо' — межъязыковые омонимы; др.-тюрк. *e*t 'мясо' и тат. *e*t 'собака' — неполные омонимы; а др.-тюрк. *it* и *e*t, тат. *it* и *e*t вообще не являются омонимами).

Предмет исследования Г. С. Амирова — синонимы в произведениях классика татарской литературы Габдуллы Тукая. Вначале автор на основе картотеки словаря Г. Тукая выделяет около 1300 синонимических рядов, охватывающих до 5000 слов. Критерием для отбора доминант служит частотность употребления словоформ в языке писателя. К статье приложен краткий словарь более чем на 200 синонимических гнезд (буквы А и Б). При сопоставлении рукописи «Словаря синонимов по произведениям Г. Тукая» с ранее вышедшим «Словарем синонимов» Ш. С. Ханбиковой (Казань, 1962) обнаруживаются существенные расхождения в объеме их словников и подаче материала, что, впрочем, не удивительно: старотатарский язык начала XX в., на котором творил Тукай, во многом отличен от современного татарского языка. Из фактических неточностей в статье отметим причисление арабского *harig* 'шелк' к фарсизмам (стр. 52); в свою очередь, перс. *bāgbāg* 'брадобрей' явно заимствовано из европейских языков (ср.:

² Остальные пять наименований, приведенных в этом перечне, следует отнести к общелексикологическим трудам. Диссертация же М. Миртаджиева «Возникновение лексических омонимов в узбекском языке» (Ташкент, 1964) упоминается лишь в подстрочном примечании на другой странице и в другой связи.

³ В кн.: «Научные труды Ташкентского государственного университета», 1964, вып. 268. Филологические науки, кн. 26. Языковедение и литературоведение, стр. 185—189.

¹ База — общелингвистический термин, удачно использованный В. М. Наделяевым для показа специфики алтайских языков.

англ. barber, фр. barbier, нем. Barbier 'цирюльник', восходящие к лат. barba 'борода').

С интересной статьей о малоизвестном периоде развития русско-тувинских языковых связей до вхождения Тувы в состав СССР (1930—1944 гг.) выступает на страницах сборника *Б. И. Татарницев*. Автор исходит из новейших положений теории языковых контактов, связанных с именами У. Вайрайха, Э. Хаугена и других исследователей, приводит убедительные примеры в подтверждение приватной им классификации заимствований — прямые (или полные) и частичные (полукальки).

Завершает лексикологический раздел книги теоретическая статья *Н. П. Голубевой* «Характеристика значений полисемичного глагола по степени семантической связанности (на примере турецкого глагола *уар-так*)». Исследование проводилось методом контекстологического анализа и ставило целью выявление формальных показателей степени связанности разных значений слов в речи. При этом фразеологическая, или внешняя связанность, равно как и явление аналитичности, включались в семантическую связанность на правах ее подвидов. В конструкциях типа «имя+глагол» полнозначность последнего компонента возрастает по мере увеличения семантической самостоятельности имени. Граница же между свободными и связанными значениями условна и подвижна. В ценной в познавательном отношении и в методическом плане статье *Н. П. Голубевой* у придирчивого читателя могут вызвать возражения лишь авторские неологизмы (к счастью, немногочисленные) вроде «слово в этом значении достаточно сочетабельно» (рярядка наша — *И. Д., Т. Г.*)» (стр. 95)⁴.

Раздел «Лексикография» открывается статьей *А. К. Боровкова* «Названия растений по бухарскому списку „Мукаддима ал-адаб“ (К изучению узбекской ботанической терминологии)», извлеченной из архива покойного ученого. Обширная эрудиция и высокая требовательность крупнейшего советского тюрколога-чагатаиста к изданию письменных памятников средневековья (см. на стр. 97 его справедливые упреки в адрес издателя монголо-тюркской части труда *Замахшари*⁵) ярко проявились и в данной статье, которая по своей полноте (охвачены названия всех растений, общее число словарных статей — 133), сочетающейся с компактностью, а также научной глубине комментариев может считаться образцовой. Инициатива редколлегии, продолжающей

благородную традицию обращения к творческому наследию выдающихся деятелей отечественной тюркологии, заслуживает всяческого признания и поддержки.

Историк языка *З. Б. Мухамедова*, как известно, ввела в научный обиход целый ряд интересных и ценных рукописных источников. Ныне, благодаря ее усилиям, достоинством исторической компаративистики стал еще один такой источник — анонимный персоязычный словарь «*Hell-i luqat-i sa'atai*», который исследователь склонен рассматривать как позднюю версию «Чагатайско-турецкого словаря Абушка» (стр. 113 и 121). Из 150 с небольшим словарных статей *З. Б. Мухамедова* пока опубликовала со своими примечаниями примерно одну треть — это дает повод рецензентам пожелать автору скорейшего издания всего текста словаря как полезного пособия по изучению творчества Навои (большинство подтвердительных цитат почерпнуто из сочинений последнего) и дополнительного источника сведений по истории культуры Средней Азии (подчас довольно любопытных — например, относительно *ture/tögre va aj-i/a'en sa'atai* 'закона и порядка чагатайского' и, в частности, обычаев и этикета на пиришествах с присутствием высокопоставленных персон). Быть может, следовало точнее представить спецификацию мер длины (стр. 118): туркм. *yaгу* по значению ближе к мерам от локтя до сажени, а «мера, равная расстоянию между концами раздвинутых большого и указательного пальцев» скорее должна относиться к *yaгуş* 'пядь, четверть'⁶.

Полезной представляется и популяризация *М. И. Бордояковым* «Лексикона или лучше сказать собрания слов татарского языка по всем онго дилектам по Сибири» *Г. Ф. Миллера*. Рукописи знаменитого историка Сибири, посвященные восточнотюркским языкам, хранятся в ЦГАДА в числе уникальных, и поэтому к ним редко обращались лексикографы. Автор публикации приводит 36 слов и их параллели из миллеровского словника по 11 наречиям племен и народностей XVIII в.: башкирскому, туринскому, тобольскому, чатскому, томскому, телеутскому, кузнецкому, красноярско-кангатскому, бухар (лык)скому и якутскому. Особое внимание в сообщении уделено проблеме последовательного сближения и идентификации «красноярских и кангатских» слов (всего около 250 из общего числа 270 латинских семантем и их переводов на соответствующие языки) с лексикой современного хакасского языка.

Статья *С. Ф. Акабировой* «О границах и источниках толкового словаря узбекского языка» знакомит читателя с различными принципами отбора материалов для создания толковых словарей, в частности узбекского языка. Сам *С. Ф. Акабиров* занял четкую и мотивированную позицию, считая

⁴ Заметим попутно, что подобные терминологические излишества не учтены даже в последней «Грамматике современного русского литературного языка» (М., 1970), в которой отражены многие неологизмы в разговорной, в частности профессиональной речи: ср. диспугабельный, контактабельный, операбельный и др. (стр. 187).

⁵ *Н. Н. Понне*. Монгольский словарь Мукаддима ал-адаб. I—II. М.—Л., 1938.

⁶ «Словарь туркменского языка». Ашхабад, 1962, стр. 152—153.

первоочередной задачей составление нормативного словаря современного узбекского языка послеоктябрьского периода (стр. 136), в то время как некоторые лексикографы в Узбекистане и других республиках — Татарии, Азербайджане — предлагают отодвинуть хронологические рамки национальных словарей в глубь веков, хотя вряд ли возможно (да и нужно ли?) определять этнолингвистическую принадлежность таких общетюркских или межтюркских памятников, как ранние версии «Юсуфа и Зулейхи», «Хосрова и Ширин» и т. д. (стр. 132 и 135). В статье приводятся характерные данные о неудавшемся и прерванном затем эксперименте по слиянию картотеки современной узбекской лексики с картотекой лексики классической литературы, а также примеры подчас слов с стилистическими и прочими пометами в словарях разных типов и назначений. Правда, в стремлении до конца раскрыть несостоятельность идеи создания одновременно нормативного и научно-справочного словаря автор несколько сгущает краски, определяя объем трех букв ныне создаваемого толкового словаря узбекского языка как превышающий в десятки раз (от 14 до 40!) соответствующий объем Узбекско-русского словаря 1959 г. (см. табл. 1, стр. 138). В действительности же здесь сравниваются несоизмеримые величины — печатные страницы книги и машинописные страницы рукописи, на что указывается в примечаниях. В целом лексикографический анализ С. Ф. Акабировой отличается нелидеярным деловым тоном и содержит конструктивные предложения, свидетельствующие о зрелости узбекского языковедения.

Богатый опыт тюркской двуязычной лексикографии при подаче такой разновидности безэквивалентной лексики, как звуко- и образоподражательная, обобщен в обстоятельной статье А. А. Юлдашева «Принципы выделения и размещения в словарях тюркских языков звукоподражательных и образоподражательных слов», в которой обосновываются принципы разграничения этих двух групп слов, противопоставляемых междометиям. Здесь лексикографическая практика способствует разрешению вопросов теоретической грамматики тюркских языков.

Статья Н. А. Баскаковой, Л. А. Покровской и Б. П. Тукана «Основные принципы составления трехязычных словарей (на материале „Гагаузско-русско-молдавского словаря“» обобщает опыт создания нового для тюркской лексикографии типа тюркских трехязычных словарей.

В настоящее время подготовлено два таких словаря: «Каранмско-русско-польский» и «Гагаузско-русско-молдавский». Издание их даст тюркологам материал по языкам, не имевшим до этого достаточно полных лексикографических справочников.

Г. С. Амиров в статье «Словарь языка Тукая» делится опытом создания двух словарей языка писателя: «Словаря фразеологии Тукая» и «Словаря языка Тукая». Это

первые в татарской лексикографии опыты составления словаря языка писателя. Заслуживает внимания тот факт, что толкования значений даются на русском языке. Последнее обстоятельство, несомненно, сделает словари полезными для переводчиков произведений классика татарской литературы и будет способствовать расширению круга лиц, пользующихся ими.

Статья М. Ш. Гасимова «Из истории образования и развития терминологии в Азербайджане» (речь идет лишь о терминологии азербайджанского языка) и статья Е. Бердимуратова «О терминологии каракалпакского языка» касаются сходных проблем: истории и современного состояния терминологической лексики в упомянутых языках, путей ее обогащения.

К последним статьям примыкает публикация А. Н. Баскакова «Современная турецкая юридическая терминология и ее лексикографическое оформление», раскрывающая на примере юридической лексики общие тенденции развития в Турции терминологии гуманитарных наук, сильно отличающейся от терминологии точных наук и техники, на которую западноевропейские языки оказывают значительно более сильное влияние.

В статье М. Губоголо «Гагаузская терминология по скотоводству» рассматривается на широком фоне тюркских языков часть гагаузской скотоводческой лексики. Автор использует скотоводческие термины и как материал для уточнения отдельных вопросов этногенеза гагаузского народа. Автор на основании того, что в гагаузском языке термины кочевого животноводства образуют весьма компактную группу, обнаруживающую тесную связь гагаузов с теми тюркоязычными народами, у которых преобладало кочевое животноводство, приходит к выводу о превалировании тюркского кочевого элемента в становлении гагаузской народности. Что же касается терминологии по скотоводству, развивавшейся при оседлом образе жизни, то она образует явно новый пласт гагаузской лексики.

Статья С. Мурадовой «О терминологии туркменского ковроткачества» представляет собой сводный предметно-терминологический словарь ковроткаческой лексики, охватывающий в сравнительном плане и диалектные варианты терминов. Автор ограничивается исключительно туркменским материалом, в то время как в статье М. Пенжиева «Об ирригационной терминологии туркменского языка» в ряде случаев даются сопоставления с другими тюркскими языками. Для историко-этимологических выводов последней работы было бы весьма полезно обращение к обстоятельному этюду К. Менгеса о тюркском слове агул⁷, рассмотренном

⁷ К. Н. Menges. Etymologika—W. V. Henning Memorial Volume. London, [1970], стр. 316—325. Ср.: М. Гельдыханов. Гидрографические термины Туркменистана. — В кн.: «Местные географические названия». М., 1970, стр. 202—204.

автором наряду с другими тюркскими названиями ирригационных сооружений на фоне привлеченного им обширного материала из языков Европы и Азии.

М. И. Скворцов в статье «О некоторых особенностях чувашских народных названий растений» раскрывает трудности построения ботанической терминологии исключительно на пародно-диалектной основе. Эти трудности возникают в связи с территориальной неоднородностью народных классификаций (и номинаций) растений, не имеющих большого практического значения, и несовпадением народных ботанических систем с научной.

В целом терминологический раздел с достаточной полнотой охватывает большую часть групп тюркских языков. Теперь уже назрела необходимость в статьях, посвященных истории возникновения и формирования отдельных терминов в том или ином языке, вообще истории отдельных слов на тюркской почве и тюркским лексическим заимствованиям в других языках.

В разделе «Заметки и сообщения» опубликованы три небольших этюда, касающихся проблем изучения тюркской лексики и представляющих интерес с точки зрения лексикографии.

Р. Х. Субаева в заметке «О несовпадении объема значений в русском и татарском языках» анализирует типичные ошибки, допускаемые татарами в русской речи, объясняющиеся семантической интерференцией татарского языка, в котором семантическая емкость слова зачастую не совпадает с емкостью русского соответствия.

Подобным образом нетрудно установить лишь несоответствия в объемах значений у русских и татарских «эквивалентов». Что же касается полного несоответствия и степени расхождения между последними, то они могут быть установлены лишь путем анализа семантической структуры слов.

В сообщении С. А. Соколова «Функционально-семантический анализ слова *bir* и его производных в турецком языке» содержится богатый материал, иллюстрирующий многозначность числительного «один» в разных контекстах, вплоть до превращения его из числительного в неопределенное артиклевое слово. К сожалению, в статье не всегда последовательно выдерживается принцип переводов отдельных фразеологизмов: в одних случаях дается лишь фразеологический эквивалент, в других — эквивалент в сочетании с дословным переводом.

Краткая заметка У. Доспанова «О лексических дублетах в южном диалекте каракалпакского языка» посвящена классификации лексических диалектизмов.

Библиографический раздел сборника содержит три рецензии на лексикографические труды. А. А. Юлдашев дает высокую оценку вышедшему в 1965 году «Киргизско-русскому словарю» К. К. Юдахина — лучшему, по мнению рецензента, из современ-

ных тюркских двуязычных словарей и ставит некоторые спорные вопросы двуязычной тюркско-русской лексикографии.

Рецензия Л. С. Левитской «Новый вклад в чувашскую историческую лексикологию» знакомит читателей с особенностями построения «Этимологического словаря чувашского языка» В. Г. Егорова (Чебоксары, 1964) — первого в серии сравнительно-этимологических словарей тюркских языков; этот словарь получил положительную оценку и в рецензиях зарубежных тюркологов⁸. Автор считает необходимым продолжить и углубить этимологические изыскания в области чувашской лексики.

В рецензии Э. И. Фазылова на глоссарий А. Зайончковского к золотоординской версии поэмы «Хосров и Ширин» Кутба, изданный в 1961 году в Варшаве, дается лаконичный перечень допущенных в этом словаре неточностей.

Сравнивая рецензируемый сборник с упомянутыми выше сборниками 1961—1962 гг., следует отметить, что в первом появились новые разделы «Лексикография» и «Рецензии», которые следовало бы сохранить и впредь, добавив еще разделы «Personalia» и «Приложения» в виде словарей или их частей по образцу ежегодника «Этимология».

К числу недостатков сборника следует отнести невнимательность некоторых авторов к вопросам фонетики. Так, М. Ш. Гасымов, говоря об употреблении в азербайджанском языке русских заимствований с суффиксом *-ция*, пишет, что последний «изменяется в соответствии с орфографией азербайджанского языка, например *авиасија* 'авиация', *функција* 'функция', *индуксија* 'индукция' и т. д.» (стр. 206). Но ведь причина этого прежде всего заключается в отсутствии в фонетическом составе азербайджанского языка звука *ц*, а написание отражает эту особенность произношения.

Неправомерным представляется отсутствие единого принципа подачи материала в сборнике. В одних случаях примеры приводятся в действующей орфографии, в других — применяется различного рода транскрипция. Так, в статье З. Б. Мухамедовой используется латинская транскрипция в сочетании с турецкой графикой: *ё* наряду с *ı* и *у* в значении *j*. Более последовательна транскрипция А. К. Боровкова, у которого звук *ы* передан через *ı*. У. Т. Турсунов и Н. Р. Раджабов древнетюркские и чагатайские слова передают в соответствии с современной узбекской орфографией, причем, транслитерируя написание тюркских слов с арабской графики, совершенно неправомерно отождествляют, например, вокализм слов

⁸ См., например: J. Németh. — In: «Orientalistische Literaturzeitung», 1970, № 3/4, стр. 172—173; N. Poppe. — In: «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft». Bd. 119 (N. F. 44), 1969, H. 1, стр. 206—208.

от 'огонь' и *oġt* 'пожар'. При этом они даже ошибочно выводят первое из второго, ибо от осталось в узбекском языке, а *oġt* уже вышло из употребления (стр. 37). Прийти к полному единству в подаче материала, видимо, довольно трудно, однако вполне возможно разумно сочетать орфографическую подачу слов с единой транскрипцией, ориентируясь, например, на транскрипцию, принятую «Советской тюркологией».

Неоправдан разницей в русской транскрипции названия труда Махмуда Кашгарского «Дивāну лугат-ит-турк», который фигурирует то как «Дивāни-лугат-ит-тюрк» (стр. 194), то в форме «Девону луготит

турк» (стр. 40). Сочинение Алишера Навои «Мухāкамат-ул-лугатайн» («Тяжба двух языков») представлено двумя вариантами названия: «Мухāкимат ал-лугатейн» (стр. 117) и «Мухокаматул лугатейн» (стр. 41), причем в последнем случае дан неверный перевод — «Суждение о двух языках»(?).

К досадному недосмотру следует отнести повторение в одной статье одного и того же четверостишия из Ю. Амира (стр. 39 и 45).

Однако указанные недочеты не могут повлиять на положительную в целом оценку рецензируемой книги.

И. Г. Добродомов, Т. М. Гарипов

«СЛОВАРЬ УЗБЕКСКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ»*

Изучение узбекских народных говоров началось в основном после Великой Октябрьской социалистической революции и связано с именами Е. Д. Поливанова, К. К. Юдахина, А. К. Боровкова, В. В. Решетова, Ш. Шаабдурахманова, Ф. А. Абдуллаева, Б. Джураева и других ученых, внесших большой вклад в теорию и практику узбекской диалектологии¹. Этими авторами были проанализированы некоторые важные фонетические и морфологические диалектные явления, проведено их картографирование², а в отдельных случаях делались попытки дать синтетическую характеристику узбекских говоров³.

* «Ўзбек халқ шевалари лугати». Ўзбекистон ССР «Фан» нашриёти. Тошкент, 1972.

¹ В. В. Решетов. Кураминские говоры Ташкентской области. Докт. дисс. Ташкент, 1952; К. К. Юдахин. Некоторые особенности карабулакского говора. — В сб.: «Ўзбек диалектологиясида материаллар», I. Тошкент, 1957; Ф. А. Абдуллаев. Хоразм шевалари, I. Тошкент, 1961; А. К. Боровков. Узбекские говоры Наманганской области. — «Труды Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина. Языковедение», вып. 211. Ташкент, 1963; Б. Джураев. Шахриязьбский говор узбекского языка. Ташкент, 1964 и др.

² В. В. Решетов. О диалектологическом атласе узбекского языка. — «Второе региональное совещание по диалектологии тюркских языков. Тезисы докладов». Казань, 1958. Им также составлены 49 лингвистических карт по узбекским кураминским говорам (рукопись) и др.

³ Ш. Шаабдурахмонов. Ўзбек адабий тили ва Ўзбек халқ шевалари. Тошкент, 1962; В. В. Решетов, Ш. Шаабдурахмонов. Ўзбек диалектологияси. Тошкент, 1962; «Ўзбек шевалари лексикаси». Тошкент, 1967 и др.

Однако при относительной изученности фонетических и морфологических особенностей основных узбекских говоров лексический их состав исследован недостаточно. И поэтому рецензируемый «Словарь узбекских народных говоров», изданный под редакцией члена-корреспондента Академии наук Узбекской ССР Ш. Шаабдурахманова, удачно восполняет этот существенный пробел в узбекской диалектологии.

Сбор и подготовка материала для Словаря проводилась под руководством Ш. Шаабдурахманова группой узбекских диалектологов в составе кандидатов филологических наук А. Ишаева, Ш. Носирова, Х. Узакова и научного сотрудника Д. Абдурахманова.

К Словарю приложены список терминов родства и близких им по значению названий, составленный А. Ишаевым, и очерк Ш. Шаабдурахманова, содержащий фонетико-морфологическую характеристику узбекских говоров.

В основу Словаря легли материалы многочисленных диалектологических экспедиций⁴, данные диссертаций, монографий и т. д., а также некоторых рукописных работ⁵.

Рецензируемый Словарь включает лексику узбекских народных говоров карлукской, кыпчакской и огузской групп диалектов, распространенных на территории Узбекиста-

⁴ Первые диалектологические экспедиции были предприняты в 1945—1950 гг. в Ферганскую долину. Сбор материала для диалектологического атласа производился по вопросу, составленному А. К. Боровковым.

⁵ Ю. Жуманазаров. Хоразм шевалари бўйича қисқача лугат (рукопись); С. Иброҳимов. Андижон шеваси бўйича қисқача лугат (рукопись); Т. Содиқов. Тошкент шеваларининг қисқача лугати (рукопись) и некоторые другие.

на, Казахстана, южных районов Киргизии, а также Каракалпакской АССР (около ста населенных пунктов, районов, поселений отдельных крупных этнических групп и т. п.).

Словарные статьи наглядно и всесторонне характеризуют то или иное диалектное явление. После заглавного слова, данного в транскрипции, приводится также его написание в обычной орфографии. Далее, в круглых скобках, указывается территория распространения данного диалектизма, затем следует его литературная форма (если таковая имеется) или литературный эквивалент и, наконец, приводится перевод диалектного слова на русский язык, что позволит пользоваться Словарем специалистам всех тюркоязычных республик.

В Словаре нашли отражение и те случаи, когда заглавное слово в отдельных говорах имеет несколько фонетических вариантов. Кроме того, с целью более глубокого раскрытия значений слов, особенно полисемантических, большинство словарных статей снабжено иллюстративными примерами, взятыми из соответствующих говоров. В качестве примера приведем некоторые статьи Словаря:

чалвир чалвир (Жанубий Хоразм) || *чалвар* (Бухоро, Туркистон) || *чалбыр* чалбыр (Шимолый Хоразм) шим 'брюки': гөзичини тейиннен қарама маңа, кастыи *чалвир* алып қойыбман саңа (Хива);

опурмоғ ўпирмоқ 1. (Қашқадарё, Сурхондарё) бузмоқ, бузиб ташламоқ 'проваливать, обваливать, обрушивать'. 2. муболага қилмоқ, лоф урмоқ, ваҳима билан сўзламоқ 'преувеличивать, говорить слишком преувеличенно': *опурма* коп, мэнэм коддумку шунни (Юкори Қашқадарё); *тэкэнэ* такана (Урганч, Хива, Хонқа, Хазорасп) 1. дока 'марля'. 2. дока рўмоқ 'платок из марли': башьма байлаганым елли *тэкэнэ*, йағрым дөп йүрйеним ғалат экэнэ... (Урганч).

Целый ряд диалектизмов, зафиксированных в Словаре, имеет лишь локальное распространение и отсутствует в лексическом составе узбекского литературного языка, причем в последнем нередко вообще не представлен соответствующий эквивалент (например, *лапа* 'конверт', *жақуч* 'выключатель', *кулалла* 'способ погрузки дров и веток на осла', *кувэш* 'глиняная горшкообразная посуда', *йеймэ* 'легнее тонкое одеяло' и т. д.).

Таким образом, рецензируемый Словарь помогает не только выявить лексику отдельного говора или группы говоров, но и сопоставить ее с лексическим составом узбекского литературного языка, с одной стороны, и с лексикой других групп говоров, а также с родственными тюркскими языками — с другой, и определить ее место и роль в системе узбекского литературного языка, выявить общие и отличительные черты.

Несмотря на то, что Словарь создавался коллективом авторов, стиль подачи материала в нем единый. Только в отдельных слу-

чаях это единообразие нарушается. Так, авторы не всегда последовательно придерживаются ими же принятого правила приводить соответствующие пометы при ботанических, зоологических, медицинских и других названиях. Например, отсутствует помета *зоол.* при словах: *азман, айу, алатоқанақ, эвирдәк, бабыр, баррача, батбат, бәкрә, беззәв, бәйвәйәк, гәждим, гәвәржин, гәвәз, жәгә, гәвзәммур, гәзәт, гәң, гәзләй, көшәк* || *көшәләк, чәркәй, эшәгарь*; помета *бот.* при словах: *алапота, албәли, алмуртәк, аржа, арзан, әлхәрт, бәқәжалбирәк* и некоторых других.

На наш взгляд, специальные пометы вообще излишни в подобного рода словарях, но коль скоро авторы нашли их необходимыми, то должны были быть при этом более последовательными.

Лексика современных говоров несет в себе черты, приобретенные в разные эпохи, в различных конкретно-исторических условиях, начиная с периода родо-племенного строя, а потому известная ее часть перешла и продолжает переходить в разряд архаизмов. Старательно собранные и должным образом поданные архаизмы по праву вошли в «Словарь узбекских народных говоров», с тем, чтобы «спасти для науки то, что уходит навсегда»⁶.

Интенсивная работа по изучению отдельных узбекских говоров продолжается. Сами составители Словаря расценивают свой труд как первый шаг на пути к созданию много томного словаря узбекских народных говоров, а также диалектологического атласа узбекского языка. Этим, видимо, объясняется тот факт, что в Словаре не нашли отражения данные отдельных диалектов и говоров, а также определенная часть лексики некоторых уже изученных диалектов. Так, в Словаре не вошли, например, такие слова из кашкадарьинских говоров, как *чәрпай* 'деревянная кровать квадратной формы', *голин* 'сушеный урюк', *ғәлва* 'труба', *маска* 'сорт винограда' (в лит. языке *каттақўрғони*), *эри* || *ө:р* 'возвышенность', *өрләмәк* || *ө:рләмәк* 'подниматься вверх', *молтәни* 'цыган', *нәпәрмән* 'фиолетовый', *қайырма* || *чәпкы* 'перочинный нож', *қалинчак* || *қалгинчак* 'зыбка, полька', *чәт* 'часть тела, бедро, ляжка' и т. п.

Подобные факты убеждают нас в необходимости более углубленного изучения всех говоров узбекского языка. Только при этом условии можно будет приступить к составлению полного словаря узбекских говоров.

В «Словаре узбекских народных говоров», при всех его достоинствах, имеются и отдельные недочеты. Так, одно и то же слово в разных частях Словаря не всегда подается одинаково. Например, в предисловии к Словарю (стр. 4) указано, что слово *сәндәл*

⁶ «Лексика современного русского литературного языка». М., 1968, стр. 48.

распространено в Фергане и Андижане и имеет значение «...места, где сидят и согреваются зимой», тогда как в основной части Словаря (стр. 232—233) говорится, что это слово распространено также в Коканде и Джизаке и толкуется оно как «...низкий квадратный столик, который ставится над углубленным в земляном полу с горячими углями и сверху покрывается одеялом; служит для согревания рук и ног зимой».

В некоторых случаях фонетическим вариантам одного и того же слова посвящаются отдельные словарные статьи, вопреки принятому в Словаре правилу приводить их в одной словарной статье (после знака ||). Так, на стр. 103 приведено слово *жимси*, поданное следующим образом:

жимси (Жанубий Хоразм) || *жимсы* жимси (Шимоллий Хоразм) эзма, сергап 'надоедливо болтливый, говорливый': эзиңем бир *жимсы* экәнсанав, гәптиң покәлләсин айтта қой (Манғит).

На странице же 105 вторично приводится фонетический вариант — *жимсы*, распространенный, как указывается, не «в Северном Хорезме», а «в Хорезме»:

жимсы жимси (Хоразм) эзма, сергап 'говорливый, многословный'.

То же самое можно сказать и о подаче фонетических вариантов слова *рай*||*рэй* со значением «желание», представленных в

Словаре отдельными словарными статьями (стр. 224—225).

В ряде случаев значение слова объясняется неточно. Например, *жәлэк* толкуется как 'халат (чапан) без подкладки' (*астарсиз чопон*, стр. 102), что не совсем верно, поскольку оно обозначает женское покрывало, но отнюдь не халат.

Следует отметить также, что некоторые термины родства и близкие к ним по значению названия, зафиксированные в основной части Словаря, например, *адағлы*, *дуғэра*, *султан* и другие, не попали в приложенный к Словарю сводный список.

Однако все перечисленные выше недочеты носят скорее технический, чем принципиальный характер и не умаляют значения данного издания. Хотя узбекским диалектологам предстоит большая работа по составлению полного словаря узбекских народных говоров и диалектологического атласа узбекского языка, однако уже сейчас данные «Словаря узбекских народных говоров» в сопоставлении с общественными, экономическими, культурными и другими фактами сыграют свою роль в деле изучения истории формирования узбекского народа и его культуры.

А. Ходжиев, Д. Х. Базарова,
Р. Данияров

С. АТАНИЯЗОВ. ТОПОНИМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ТУРКМЕНИСТАНА*

Происхождение и классификация географических названий в последние годы все больше привлекают внимание исследователей, в том числе и тюркологов.

Одной из последних значительных работ в этой области является рецензируемый топонимический словарь С. Атанязова.

Как справедливо отмечал В. А. Никонов, топонимический словарь в отличие от географического занимается названиями, а не объектами, которые этими названиями обозначены¹. Топонимический словарь исследует не только происхождение, но и условия возникновения географических названий, их судьбу; в нем рассматривается в основном историко-географический аспект лексики, и этим он отличается от этимологического словаря.

Академик В. В. Бартольд писал, что исследователь Средней Азии испытывает затруднение не от недостатка материала, а,

наоборот, от его обилия и разбросанности. Эти слова имеют прямое отношение к труду топонимиста, которому приходится по крупицам собирать данные, разбросанные по многочисленным историческим, географическим и другим сочинениям, написанным на разных языках, сопоставлять их и подвергать критическому анализу.

Известно, что общие принципы составления топонимических словарей еще не разработаны. Этим, видимо, объясняется своеобразие структуры и композиционного построения рецензируемого словаря. В словаре С. Атанязова реестровые слова (названия) даны с заглавных букв, после них в квадратных скобках приводится их транскрипция, вернее, обозначается долгота гласных посредством двоеточия. Далее указывается локализация названия (административный район) и его тип (город, село, крепость, гора, река и т. д.). В скобках приводятся дополнительные сведения о переименовании объекта или его параллельных названиях. Затем объясняются значение и содержание топонима.

Словарь включает более 3000 топонимов — названий разнообразных объектов:

* С. Атанязов. Туркменистанын топонимик сөздүгү. Ашгабад, 1970.

¹ В. А. Никонов. Краткий топонимический словарь. М., 1966, стр. 3.

городов, поселков, селений, гор, рек, пустынь, песчаных массивов, крепостей, арыков, каналов и т. д.

При решении вопроса о происхождении того или иного топонима и его смыслового содержания автор словаря привлекает другие однотипные наименования, исторические, филологические и географические источники, что является важным условием для подтверждения правильности его выводов.

Многие топонимы, приведенные в словаре, ранее вообще не были зафиксированы в печатных изданиях, что следует отнести к его несомненным достоинствам. Многие сведения о происхождении и этимологии географических названий получены С. Атанязовым у местных старожиллов.

Конечно, при составлении топонимических словарей следует обращаться к народным преданиям, легендам и т. д. Но топонимист к материалам такого рода должен относиться критически, так как зачастую подобные сведения могут оказаться всего лишь народными этимологиями.

Приведем пример.

Автор Словаря пишет: «Селение *Биветен*, по словам старожиллов, названо так потому, что его земли были распределены во времена святого по имени Ёсмамыдат; бедняки, не имевшие земли, приходили сюда наниматься на работу; селения, состоявшие из пришлых жителей, получали название *Биветен*, что означает "без родины"» (стр. 49).

Исторические же факты свидетельствуют о другом².

Беватаны — это беднейшие крестьяне, не имевшие земельных наделов. Они арендовали государственные, вакуфные и частные земли и обрабатывали их. По мнению М. Ю. Юлдашева, «в XIX в. термин „бе-

ватан" имел двойное значение — буквальное и специальное. В буквальном смысле *беватан* — безземельный, в специальном — это наследственный арендатор государственной земли (падшалык)»³.

Таким образом, беватаны (туркм. *биветен*) это не пришлые бедняки, а местные — безземельные, в буквальном переводе «бездомные, бессемейные», так как одно из значений слова *ватан* — «семья, кров, жилище».

Наконец, мы хотели бы обратить особое внимание читателей на следующее. В рецензируемом словаре приведено немало топонимов, имеющих показатель множественности *-лар*. Интересно отметить среди них и этнонимы (Айлаклар, Бальккылар и др.). Кстати, материалы Словаря свидетельствуют о том, что топонимика Туркмении изобилует этнонимами — названиями племен, родов, колен, подколен и т. п.

По нашим наблюдениям⁴, показатель множественности *-лар* в узбекском языке образует топонимы, связанные исключительно с именами людей, их этнической принадлежностью, профессией и т. д. Но этот аффикс не образует топонимов от названий растений, животных или от географических терминов.

В Словаре же С. Атанязова приведены топонимы «физико-географического происхождения» с указанным аффиксом: *Айраклар* 'архары' (стр. 18), *Аланглар* 'бугры' (стр. 26), *Уйлалылар* (*уйла* 'растение', стр. 230) и т. д.

Подобное расхождение между узбекскими и туркменскими топонимами сомнительно. При внимательном рассмотрении многие топонимы «физико-географического происхождения» с *-лар* могут оказаться этно-топонимами, или же переосмысленными обозначениями профессиональной или родоплеменной принадлежности людей.

Несмотря на указанные частные недостатки, рецензируемый Словарь в целом представляет собой серьезный вклад в тюркскую топонимику.

С. И. Ибрагимов, С. Қ. Караев

² См.: А. Л. Кун. Порядок взимания податей в Хивинском ханстве. — «Туркестанские ведомости», 1873, № 32; О. Шканский. Аму-Дарьинские очерки по аграрному вопросу на Нижней Амударье. Земледелие и землевладение в Шураханском участке Амударьинского отдела. Ташкент, 1940; А. Кошчанов. По поводу термина *беватан*. — «Народы Азии и Африки», 1965, № 4, стр. 102—103.

³ М. Ю. Юлдашев. К истории крестьян Хивы XIX века. Ташкент, 1969, стр. 41.

⁴ С. Қ. Қораев. Топонимика. Ташкент, 1971.

Б. АБИЛХАСИМОВ. ЯЗЫК ПЕРВЫХ КАЗАХСКИХ ГАЗЕТ*

До недавнего времени история и язык казахской публицистики, язык отдельных газет и журналов как дореволюционной поры, так и советского периода, оставались малоизученными. Разработка этой проблемы началась с исследования и описания языка наиболее прогрессивного печатного органа начала XX века — журнала «Айкап»¹. Затем внимание исследователей привлекли язык газеты «Дала уалаяты»², издававшейся во второй половине XIX века и язык периодической печати 20-х годов³ (по материалам газеты «Социалды Қазақстан»).

Рецензируемая книга написана на основе упомянутой выше диссертационной работы автора и исследования языка газеты «Туркстан уалаятының газеті», издававшейся до газеты «Дала уалаяты». Это позволило автору дать сравнительный анализ многих языковых явлений за тридцатилетний период (то есть от начала выхода первой газеты и до закрытия второй). Газета «Туркстан уалаятының газеті» издавалась в Ташкенте в 1870—1883 гг. как приложение к газете «Туркестанские ведомости» и выходила два раза в месяц на казахском языке и два — на узбекском. С 1888 г. начала выходить вторая газета, вначале как «Особое прибавление» к «Акмоллинским областным ведомостям», затем под названием «Дала уалаятының газеті».

В своей книге Б. Абилхасимов дает необходимые сведения об указанных газетах, их издателях, а также об экономической и культурной жизни Казахстана того времени.

Как известно, вторая половина XIX века, отмеченная рядом реформ, в том числе и в области народного образования, явилась переломной эпохой в истории казахского народа. Под влиянием прогрессивной русской общественной мысли второй половины XIX века в Казахстане развернулось просветительское движение, замечательными представителями которого были Ч. Валиханов, Ы. Алтынсарин, А. Құнанбаев. Общение казахов с народами, обладавшими более передовой экономикой и культурой, привело к некоторому сдвигам в этих областях.

Все изменения в экономике и культурной жизни казахского народа получили отражение на страницах первых казахских газет.

Обе газеты были в основном переводными и как официальные органы были призваны

прежде всего информировать население о приказах и распоряжениях местной и вышестоящей администрации. На их страницах печатались различные информационные материалы и статьи по вопросам медицины, ветеринарии, сельского хозяйства и т. д. В газетах помещались статьи казахских, узбекских и русских авторов о жизни, быте, обычаях местного населения, сказки, рассказы, пословицы, предания и т. д.

Обилие разнообразных по содержанию и жанрам материалов, отражавших точки зрения различных социальных групп, уже давно привлекало к этим газетам внимание историков, экономистов, юристов, педагогов, философов, искусствоведов, литераторов и журналистов. Не раз обращались к материалам этих газет и языковеды. Но объектом специального исследования газеты «Дала уалаяты» и «Туркстан уалаяты» становятся с середины 60-х годов.

Б. Абилхасимов подробно останавливается на роли первых казахских газет в развитии и становлении казахского письменного литературного языка.

Редакции этих газет, глубоко заинтересованные в развитии и нормализации казахского языка, охотно публиковали авторов, выступавших со статьями о казахском языке, его месте среди других тюркских языков, о путях его дальнейшего развития. На страницах газеты «Дала уалаяты» была развернута дискуссия о развитии казахского языка, в которой приняли участие представители казахской интеллигенции. Авторы сходились на мысли, что арабский алфавит недостаточно точно передает фонетические особенности казахского языка. Выдвигались предложения о замене арабского алфавита русским, об упорядочении правил правописания и грамматики казахского языка.

К достоинствам работы Б. Абилхасимова следует отнести то, что в ней собраны и систематизированы высказывания участников этой дискуссии.

Б. Абилхасимов в своей книге касается и вопросов перевода с русского языка на казахский⁴, ибо эта проблема имела важное значение для первых казахских газет, широко использовавших переводные материалы. Эти газеты сыграли значительную роль в зарождении литературных стилей: общественно-политического, научно-публицистического, официально-делового и других, развившихся, как указывает автор книги, под благотворным влиянием русского литературного языка. На обширном материале Б. Абилхасимов убедительно показывает, что именно под влиянием переводов в казахском языке возникли зачатки современных сложных конструкций, развивались заложенные в нем возможности. Однако пере-

* Б. Абилхасимов. Алғашқы қазақ газеттерінің тілі. Алматы, «Ғалым» баспасы, 1971.

¹ Н. В. Карашева. Грамматические особенности языка казахской публицистики начала XX века (на материале журнала «Айкап»). Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1964.

² Б. Абилхасимов. Язык газеты «Дала уалаяты» (1888—1902). Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1964.

³ С. Исаев. Язык периодической печати 1920-х годов. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1966.

⁴ Этой теме посвящено также специальное исследование: З. Турарбеков. Из опыта перевода дореволюционной казахской периодической печати. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1966.

под не всегда был удачен. Иногда в нем встречались конструкции, совершенно чуждые казахскому языку.

Автор останавливается также на анализе языка первых казахских газет: с фонетической, орфографической, лексической, и грамматической точек зрения. В газетах соблюдались правила орфографии, общие для всех тюркских языков того времени, пользовавшихся арабским алфавитом. Газеты впервые ввели некоторые знаки препинания и правила пунктуации.

Б. Абиляхасимов отмечает, что звук *v*, отсутствующий в казахском языке, передавался рядом арабских букв, служащих для обозначения звуков *u*, *b* и *f*. С этим можно согласиться, однако утверждение о том, что для обозначения русской фонемы *v* не было особой графемы, нуждается в дополнительном исследовании. Нам кажется, что уже тогда арабская буква *و* (*vav*), кроме звука *u* казахского языка, дополнительно передавала звук *v* арабского, персидского, русского, а также тюркских языков. Это особенно наглядно проявлялось в словах типа «ведомость», «вексель», которые писались через букву *و*, не говоря уже об арабских и персидских словах. Интересны наблюдения автора в области лексики газетного языка. Хотя основу лексики этих газет составляли слова общепарадного казахского языка, в них обнаруживается довольно большой пласт арабо-персидских слов. Вместе с тем периодические издания вводили в обиход многие русские слова. Прежде всего это относится к терминам, связанным с административным управлением и судопроизводством. И все же русских заимствований было значительно меньше арабо-персидских. Статистический подсчет, сделанный автором, показывает, что на страницах газеты «Дала уалаяты» количество арабо-персидских слов колеблется в пределах 14,3—19,3%, а русских — 2,6—9,1% от общего числа слов в каждом номере. Это была пора, когда в казахском языке появлялись новые слова, связанные с новым укладом жизни; отмирали слова, выражавшие устаревшие понятия. Автор убедительно иллюстрирует это фактами.

Грамматика языка первых газет лишь незначительно отличается от грамматических норм современного казахского литературного языка. Автор книги внимательно проследживает развитие многих грамматических форм, как закрепившихся в современном казахском языке, так и не сохранившихся до наших дней.

Во второй половине XIX в. наряду с зарождавшимся казахским литературным языком, основанном на общепарадном языке, существовал еще так называемый «китаби тил» («книжный язык»), которым пользовались отдельные группы казахской интеллигенции. Этот так называемый «среднеазиатский литературный тюркский язык»

(тюрки) на казахской почве представлял собою некое смешение многих тюркских языков, в котором доминировал татарский язык. Б. Абиляхасимов вполне справедливо отмечает, что язык первых газет не был свободен от влияния «китаби тил».

Перед автором книги стояла сложная задача — отграничить в языке газет элементы «китаби тил» от архаизмов.

Автор оспаривает мнение некоторых исследователей, утверждающих, что в языке газет в большом количестве содержатся элементы чагатайского, татарского и башкирского языков. Это мнение основывалось на том, что написание многих слов в газетах не соответствовало орфоэпическим нормам казахского языка. К тому же в то время арабские и персидские слова писались часто так же, как в языке-источнике. Следует при этом иметь в виду, что арабские и персидские слова проникали в казахский именно через письменный язык. Поэтому нельзя не согласиться со словами автора о том, что «искать элементы „китаби тил“ в поставленных с ног на голову при переводе синтаксических конструкциях, в неустойчивых морфологических формах и других подобных явлениях — было бы ошибочным» (стр. 70).

Б. Абиляхасимов для сравнения или для подтверждения своих мыслей часто обращается к языку произведений Абая и к материалам исследований тюркологов конца XIX — начала XX в., широко используя при этом «Словарь языка Абая»⁶ и работы Р. Сыздыковой⁷.

В результате тщательного анализа автор приходит к выводу, что язык газеты «Туркстан уалаятының газеті» намного ближе к современному казахскому литературному языку, нежели язык газеты «Дала уалаяты», несмотря на то, что последняя издавалась гораздо позже и в течение более длительного времени. В конце книги на шестнадцати страницах приведены выдержки из этих газет, подтверждающие авторские положения.

В заключение отметим, что стремление автора охватить широкий круг проблем не позволило ему углубиться в некоторые вопросы («книжный язык», «терминологическая лексика», «диалектная лексика» и др.).

Думается, что рецензируемая книга будет полезной не только казахским языковедам, но и тюркологам других республик. Она может быть рекомендована также студентам филологических факультетов в качестве пособия по истории казахского языка.

Б. А. Сулейменова

⁶ Абай тілі сөздігі. Редактор А. Ысқаков. Алматы, 1968.

⁷ Р. Сыздыкова. Основные морфологические особенности языка Абая. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1959; *ее же*. Абай шығармаларының тілі. Алматы, 1968; *ее же*. Абай өлеңдерінің синтаксистік құрылысы. Алматы, 1970; *ее же*. Язык произведений Абая. Автореф. докт. дисс. Алма-Ата, 1971.

«ВОПРОСЫ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ»*

Рецензируемый сборник, посвященный 50-летию образования Татарской АССР, открывается статьей *М. З. Закиева* «Торжественно-ленинской национальной политики и развитие татарского национального языка», в которой кратко прослеживаются история становления татарского литературного языка и процесс формирования его функциональных стилей. Автор отмечает, что татарский язык своими корнями «восходит к старотатарскому языку, который образовался на основе обновления древнетюркского языка, существовавшего примерно в V—X веках». Старотатарский литературный язык сложился уже к XV—XVI вв. Во второй половине XIX и в начале XX века на основе общенародных норм и прогрессивных традиций старотатарского литературного языка происходит формирование основных стилей современного татарского литературного языка — публицистического, научного, научно-популярного, научно-педагогического, художественного и стилия делопроизводства. Говоря о структурном развитии татарского языка, *М. З. Закиев* особое внимание уделяет изменению литературных норм. Этот процесс получил интенсивное развитие вскоре после первой русской революции 1905 г. и продолжился в советское время.

Статья *Ш. Н. Асылгараева* и *Ф. С. Сафиуллиной* посвящена исследованию фонетического строя татарского языка. Первые сведения о звуковом составе татарского языка содержатся в трудах *С. Хальфина*, *И. Гиганова*, *И. Хальфина*, *А. Троянского*, *М. Иванова*, *Г. Махмудова*, *В. Радлова*, а также в вышедшей позднее грамматике *К. Насыри* «Энмузядж». Авторы разбирают фонетические концепции *Г. Аппарова*, *Р. Шакировой*, *Л. Заляя*, *Ф. Г. Исхакова* и других, отмечают серьезные успехи *В. Богородицкого*, *Г. Шарафа* и *У. Байчуры* в области экспериментальной фонетики. Татарский язык имеет давно установленные нормы литературного произношения. В этой связи авторы упоминают работу *Л. Заляя* «Основы татарской орфоэпии», которая, как они считают, «несмотря на некоторые моменты субъективизма, является единственным пособием по орфоэпии татарского языка». Следует добавить, что существуют и другие исследования по татарской орфоэпии, не говоря уже о том, что в вузовском учебнике «Хазерге татар әдәби теле» (Казань, 1965) и в книге «Современный татарский литературный язык» (М., 1969) имеются отдельные главы, посвященные орфоэпии, в которых нормы литературного произношения татарского языка даны систематизированно, в виде конкретных правил-парадигм.

М. З. Закиев является автором и другой большой статьи, посвященной достижениям и задачам татарской лексикологии, некоторые проблемы которой, как он пишет, еще ждут своего решения. Так, еще не определены лексические единицы, перешедшие в татарский из болгарского языка; недостаточно изучен состав татарской лексики с экспрессивно-стилистической точки зрения; не установлено четкой грани между идиомами, фразеологическими сращениями, единицами, сочетаниями, выражениями и т. д. Ряд указанных проблем имеет общетюркологическое значение.

А. А. Юлдашев детально анализирует в своей статье достижения татарского языкознания в области лексикографии. Одной из самых трудных и теоретически недостаточно изученных кардинальных проблем, пишет автор, является лингвистическая квалификация и согласованная с ней разработка в словарях обширного пласта слов, употребляемых без каких-либо изменений в составе двух или более частей речи в качестве лексико-грамматических омонимов. Требуется значительная дополнительная разработка проблемы отбора и размещения в словаре сложных слов, компоненты которых пишутся раздельно, а также вопросов собственно фразеологии, звукоподражательных комплексов, диалектизмов, архаизмов и историзмов. Необходимо решение вопроса о правомерности выделения в качестве самостоятельных лексических единиц изолированных грамматических форм слов: 1) служебных имен, отдельных послелогов типа *qarşu* 'против'; 2) некоторых наречий типа *juğaqtan* 'издали', *arğa* 'позади', *aşuğa-aşuğa* 'спешно', *açulanur* 'гневно', *qarañuğa* 'вплотьмах'; 3) отдельных прилагательных типа *açuğan* 'открытый', *qalğan* 'отложенный', существительных типа *tülätaw* 'неуплата' и т. п.

Об особенностях словообразования и разграничении сложных и составных слов говорится в статье *Ф. Г. Ганиева*. «Нерешенность проблемы о сложных словах, — вполне справедливо замечает автор, — привела к тому, что большая часть их в настоящее время исключена из татарских словарей».

М. А. Сагитов посвящает свою статью истории и современному состоянию терминологического образования. *Г. Х. Ахунзянов* — теоретическим вопросам фразеологии, *Г. Ф. Саттаров* пишет о развитии татарской ономастики за пятьдесят лет. В сборнике помещены также статьи: *К. З. Зиннатуллиной* — об успехах в изучении морфологического строя языка, *С. М. Ибрагимова* — об исследовании синтаксического строя татарского языка, *В. Х. Хакова* — об узловых вопросах и задачах изучения истории литературного языка, *З. М. Валиуллиной* — о сопоставительном изучении татарского и русского языков, *Р. А. Юсупова* — о теории перевода, *Л. К. Байрамовой* и *Р. А. Халитовой* — об

* «Ученые записки Казанского государственного педагогического института», вып. 95, 1971. Редакционная коллегия: *М. З. Закиев* (отв. ред.), *К. З. Зиннатуллина*.

изучении татарского языка методами прикладной лингвистики (в частности, о машинном переводе с татарского языка на русский и с русского на татарский), *Ф. С. Валиевой* — о методике преподавания татарского языка.

В статье, посвященной изучению языка отдельных писателей, *Г. С. Амиров* справедливо ставит вопрос о необходимости применения точных математических методов, что позволит избежать «ошибок субъективного порядка и получить объективные научные результаты». Разумеется, использование статистических и других математических методов вполне оправдано, особенно при исследовании лексического состава и грамматических форм языка писателя. Применение этих методов целесообразно также как при изучении истории развития лексического пласта или грамматической структуры определенного национального языка, так и при

анализе чисто языковых средств какого-либо литературного памятника. Однако эти методы неприемлемы при изучении образности языка, жанрового стиля произведения и индивидуального стиля писателя; они могут применяться здесь лишь как вспомогательные, да и то только в отдельных случаях (например, при определении количественного соотношения тех или иных языковых элементов какой-либо разновидности художественного стиля). Идеино-эстетическая оценка языковых и речевых средств должна лечь в основу изучения творческого процесса, создания образов средствами языка в художественной литературе.

Сборник заключает библиография авторефератов кандидатских и докторских диссертаций по татарской лингвистике, защищенных за 50 лет Советской власти.

Х. Курбатов

М. Г. ТАХМАСИБ. АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ НАРОДНЫЕ ДАСТАНЫ (СРЕДНИЕ ВЕКА)*

Рецензируемая монография представляет собой результат многолетних научных исследований и исследований ученого.

Данной монографией ученый как бы опровергает довольно распространенное мнение о том, что научные издания предназначены только для специалистов. Написанная на глубокой научной основе, однако отличающаяся ясностью изложения и эмоциональным стилем, монография может быть интересна не только для филологов, но и для широкого круга читателей.

Различным проблемам азербайджанской фольклористики автором посвящены отдельные главы книги: «Ашуг», «Дастан», «О классификации эпических произведений», «Героический эпос», «Любовный эпос», «Семейно-моральный эпос». В заключение приводится список дастанов, собранных автором.

В своей монографии М. Г. Тахмасиб дает глубокий сравнительный анализ азербайджанского эпоса с эпосом других тюркоязычных народов. Это позволяет автору прийти к интересным выводам. Так, например, автор проводит параллели между героическим эпосом «Как Басат убил Тепегаза» и древними мифологическими сказаниями, сопоставляет этот эпос с такими шедеврами мировой народной литературы, как «Тысяча и одна ночь», «Синдбаднамэ», «Нарт» и др. Большой интерес представ-

ляет для читателя и аргументированное сравнение упомянутого азербайджанского эпоса с «Одиссеей» Гомера.

Значительное место в монографии отводится анализу жемчужины азербайджанской народной литературы — эпоса «Кёроглы». Детально анализируются композиция и особенности сюжета «Кёроглы», значительно отличающие его от эпических произведений того же названия, созданных другими тюркоязычными народами, указывающие на более раннее происхождение азербайджанского эпоса.

Автор справедливо отмечает, что азербайджанский героический эпос «Кёроглы» принадлежит к числу высокохудожественных, проникнутых гуманизмом и свободолюбием образцов мировой эпической литературы.

Народный лирико-героический эпос «Асли и Керем» М. Г. Тахмасиб сопоставляет с его турецким, армянским и туркменским аналогами. Ученый приходит к заключению, что особенности сюжета и использованных в произведении художественных приемов роднят это произведение также с широко распространенным у народов Средней Азии, особенно казахов, башкир, каракалпаков, эпосом «Кози Керпеш и Баян Слуга».

Ссылаясь на известные литературно-исторические памятники и другие источники, относящиеся к периоду до XIII века, исследователь датирует эпос «Асли и Керем», вопреки утвердившемуся мнению, не XVII в., а более ранней эпохой. Автор в

* М. Г. Тахмасиб. Азербайджан халг дастанлары (орта эсрлэр). Баки, 1972.

связи с этим подчеркивает: особенностью эпоса «Асли и Керем» является то, что в нем нашли отражение некоторые исторические события, относящиеся к гораздо более поздней эпохе, нежели время его возникновения. Таким образом, можно заключить, что каждое новое поколение ашугов дополняло эпос чем-то своим, связанным с теми или иными событиями современной ему эпохи.

Нам кажется весьма интересным и плодотворным тот метод ведения полемики, которым широко пользуется автор. Он прежде всего подробно излагает мнение своего оппонента, не забывая об аргументах, подтверждающих его точку зрения. После этого, опираясь на множество неопровержимых фактов, доказывает собственную правоту. Этот метод позволяет читателю следить за научной аргументацией ученых, стоящих на различных точках зрения, подробно знакомиться с историей вопроса и выносить собственное суждение о нем.

М. Г. Тахмасиб прослеживает пути происхождения в творчество азербайджанских ашугов бродячих сюжетов, содержания сказок, древних мифологических сказаний и легенд, а также «Китаби-деде Коркут» и других произведений письменной литературы.

Исследователь уделяет много внимания связям классиков азербайджанской поэзии Низами, Ассара Табризи, Арифа Ардабили, Хатаи, Физули, Масихи и других с устной народной литературой. Особое внимание при этом уделяется автором творчеству Низами, методам творческого использования им богатств фольклора. М. Г. Тахмасиб выдвигает новые научные версии толкования образов героев поэм Низами — Бахрама, Раст-Ровиана, Мехинбану, Ширин, Фархада.

Анализируя эпические произведения «Ашуг-Гариб», «Аббас-Гюльгез», «Курбани», М. Г. Тахмасиб попутно широко освещает жизнь и творчество выдающихся поэтов-ашугов — Ашуга Сари, Ашуга Аббаса Туфарганлы и Курбани.

М. Г. Тахмасиб в своей книге приходит к следующему выводу: первым и основным автором произведений народного эпо-

са всегда был один человек — ашуг. Созданное им произведение впоследствии повторялось другими ашугами, отшлифовывалось, дополнялось и, таким образом, становилось плодом коллективного творчества.

Это положение ученого заслуживает особого внимания, ибо оно стимулирует поиски реальных авторов многих произведений азербайджанского народного эпоса, относящихся к разным эпохам.

Азербайджанский народный эпос насчитывает более ста пятидесяти оригинальных произведений. Такое богатство различных по художественной манере, сюжету и композиции произведений позволило автору монографии вплотную заняться сложным вопросом классификации жанров устной народной литературы.

В монографии достаточно подробно говорится о работах русских, советских и зарубежных ученых, посвященных азербайджанскому эпосу: В. В. Бартольда, В. В. Радлова, В. М. Жирмунского, А. Н. Кононова, Н. Хикмета, М. Арифа, Г. Араслы, Х. Г. Зарифова, И. С. Брагинского, И. Шопена, С. С. Пенна, А. Абида и др. и излагается авторское отношение к их концепциям и взглядам.

М. Г. Тахмасиб отдельно останавливается на значении и этимологии слов «деде», «яншаг», «ашуг», «озан».

Автор путем сопоставления образов героев произведений азербайджанского эпоса («Шах Исмаил — Таджлы беим», «Кёроглы», «Кара Мелик») с историческими личностями доказывает, что прототипами эпических героев были реально существовавшие люди.

Монография М. Г. Тахмасиба «Азербайджанские народные дастаны» представляет интерес не только для азербайджанской, но и для всей советской фольклористики как по своим научным достоинствам, так и по материалу. Поэтому издание ее на русском языке было бы во всех отношениях целесообразным.

К. Мамедов

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

ЗА НАУЧНОЕ, ГЛУБОКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ
РУНИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

В будущем году исполнится 80 лет со времени блистательной дешифровки В. Томсеном орхоно-енисейской рунической письменности, значение памятников которой в изучении истории тюркских языков трудно переоценить.

Наша отечественная тюркология может гордиться тем, что первое прочтение и перевод важнейших орхоно-енисейских памятников связаны с именем акад. В. В. Радлова. Им же составлен и первый всеобъемлющий грамматический очерк языка этих текстов. К изучению языка памятников обращались многие крупнейшие отечественные и зарубежные тюркологи прошлого и настоящего. Благодаря усилиям целой плеяды ученых в настоящее время наука располагает описаниями грамматического строя и отчасти графической системы языка памятников. В числе наиболее полных очерков грамматики и графики орхонских и енисейских памятников, кроме фундаментальных исследований пионеров тюркской рунологии В. Томсена и В. В. Радлова, следует назвать работы П. М. Меллиоранского, С. Е. Малова, А. Габен, И. А. Батманова, В. М. Насилова, Р. Жиро, В. Г. Кондратьева, Т. Текина и др. Имеется также большое количество работ, в которых детально анализируются как отдельные слова, так и целые выражения и предпринимаются попытки толкования памятников с исторической, литературоведческой и других точек зрения.

Безусловно, не все вопросы тюркской рунологии решены и не все проблемы уже сформулированы. Заслуживают внимания, на наш взгляд, следующие направления работы: всестороннее изучение графической системы (эволюция графики, относительная и абсолютная датировка памятников на ее основе, отражение в графике звуковой стороны языка и проблема соотношения: графема — фонема — вариант фонемы), диалектных различий в языке памятников и отношений языка орхоно-енисейских памятников к языку остальных древнетюркских памятников, системного описания грамматического строя каждого памятника в отдельности и в сопоставлении друг с другом. Все это должно привести в конечном счете к глубокой сравнительно-исторической интерпретации места языка орхоно-енисейских памятников в системе тюркских языков на основе конкретных лингвистических показаний.

Базой всевозможных рунологических исследований является точный текст. К сожалению, ученые все еще не располагают выверенными текстами целого ряда памятников и соответствующими сводными изданиями, что препятствует созданию обобщающих работ. Подготовка корпуса рунических надписей остается одной из самых актуальных задач тюркологии. Программа-максимум — создание корпуса — может быть предварена выполнением программы-минимум — изданием точных транслитерированных текстов, основанных на обязательной аутопсичной проверке.

Любая вновь появляющаяся работа по тюркской рунологии, если она претендует на новое слово в науке, и независимо от того, каким актуальным проблемам она посвящена — общего или частного характера, должна быть конкретной и опираться как на лингвистические факты самих памятников, так и на данные других древних и всех современных тюркских языков. Особенно недопустима историко-социологическая интерпретация, противоречащая лингвистическому толкованию того или иного текста.

Особенность работы над руническими памятниками заключается также в их ограниченном количестве (конечности текстов) и незначительном жанровом и событийном разнообразии. Поэтому в любой новой работе должны, во-первых, учитываться все имеющиеся по данному памятнику публикации, содержащие чтения и переводы текстов или их фрагментов; во-вторых, необходим предварительный тщательный текстологический анализ. Дальнейшее изучение языка орхонских и енисейских памятников

может быть плодотворным лишь в том случае, если исследователь учитывает все достижения науки в данной области, использует новейшую методику языкового анализа, ведет исчерпывающий учет слов и форм по всем без исключения текстам памятников и всесторонне сопоставляет их с богатейшим материалом современных тюркских диалектов и памятников других ареалов и эпох.

К сожалению, многие новые работы по рунологии не отвечают всем этим обязательным требованиям. Много грубых ошибок и необоснованных, но весьма претенциозных исторических толкований содержится в серии статей, опубликованных в сборнике «Эпиграфика Казахстана»¹. Приведем характерный пример. В надписи из 13 знаков на каменном изваянии прочтено имя *Алаш* (все чтение: «Алаш(а) был великим ханом шести племен»), и затем делается далеко идущий вывод, что надпись относится к IV в. до н. э. (!), основанный лишь на том, что «ни в восточных, ни в китайских летописях мы не встречаем имя Алаш или Алаша-кагана. Если бы он жил после III в. до н. э., т. е. ближе ко времени Огуз-кагана, то это обязательно где-либо было бы зафиксировано»². Концепция «Алаша-кагана дохунинского времени» позволяет Г. Г. Мусабаеву настаивать на автохтонности в Средней Азии, в районах Мавераннахра, в IV в. до н. э. тюрков, а не францев, на тождественности хорезмийской письменности орхон-енисейской, на независимом изобретении тюрками рунического письма и т. д. и т. п.³

Можно ли прийти к таким фундаментальным выводам на основании лишь одной надписи из 13 знаков, в которой к тому же отсутствует какое-либо конкретно-историческое содержание? Вопрос этот, по-видимому, в значительной степени риторический. Не останавливаясь на исторической стороне дела (которая может быть рассмотрена не иначе как надуманная и бездоказательная), покажем шаткость самого лингвистического прочтения надписи. Четыре знака, воспроизведенные в сборнике в виде 𐰃𐰄𐰅𐰆, прочитаны как *Алаш(а) ерти* 'был Алаш(а)'. Во-первых, знаки 𐰃𐰄 обозначают согласные твердого ряда; во-вторых, в форме *ерти* по всем правилам должен выписываться конечный гласный. Следовательно, данная группа знаков ни в коем случае не может читаться как *ерти*. Приведенное написание для *ш* никогда ранее не встречалось: нормально написание для него — 𐰇, то есть зеркально перевернутое по вертикали в сравнении с приведенным. Пожалуй, эту строку вообще следует считать перевернутой по отношению к остальным двум; об этом говорит положение не только знака 𐰇, но и знака 𐰈, у которого стрелка должна быть направлена вниз, так же как и в первой строке. Итак, весьма вероятно, что либо данная группа знаков вообще прочитана неверно, либо же, если придерживаться направления строки, принятого автором публикации, два знака прочитаны неверно, а прочтение одного сомнительно. Необходимо отметить, что несостоятельность научной методики и надуманность исторических концепций Г. Г. Мусабаева уже критиковались в печати. И ему следовало бы прислушаться к критике⁴.

Кстати, в другом опыте дешифровки этой надписи рассматриваемая группа знаков прочитана как 𐰃𐰄: 𐰃𐰄 'получив...: пребывай в достатке'⁵. Весьма странным выглядит высказывание А. С. Аманжолова на следующей странице, которым он заключает свое прочтение надписи: «При непосредственном обследовании мною каменной бабы... «руническая надпись» не была обнаружена. На месте «рунических знаков» я нашел лишь изображения различных предметов (кинжал, сосуд вроде кумгана или колчан?, фляга), вырезанные по граниту на левом боку каменной бабы. Очертания этих предметов были, вероятно, приняты за рунические графемы. Таким образом, «надпись» на каменной бабе, опубликованную в 1967 г. Г. Г. Мусабаевым и изображенную на рис. 45, 46, можно считать мистификацией». Кому же верить: Г. Г. Мусабаеву и А. С. Аманжолову (стр. 150), пытающимся прочесть надпись, или А. С. Аманжолову (стр. 151), отрицающему существование «надписи»?!

Лингвистическому анализу языка рунических памятников посвящена выпущенная в прошлом году Институтом языковедения Академии наук Казахской ССР монография Г. Айдарова «Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века»⁶, которую сам автор считает «первой поочткой анализа языка орхонских памятников древнетюркской письменности». Однако данную попытку нельзя признать «первой» (см. труды В. Томсена, В. В. Радлова, П. М. Мелиоранского и др.) и тем более нельзя считать ее удачной.

¹ «Эпиграфика Казахстана», вып. 1. Алма-Ата, 1971.

² Там же, стр. 27.

³ Там же, стр. 10—13 и 27—28.

⁴ См.: «Об ошибках казахских языковедов». — «Вопросы языковедения», 1953, № 2, стр. 111—120.

⁵ А. С. Аманжолов. Илийские рунические надписи. — «Вопросы языковедения», 1969, № 3, стр. 150.

⁶ Алма-Ата, 1971, 380 стр.

Книга включает описание языка памятников (фонетика, лексика, морфология, синтаксис — стр. 36—264) с краткой вводной их характеристикой (стр. 12—35), а также воспроизведение их текстов (стр. 277—354) с транскрипцией и переводом.

Любопытно, что рунические тексты являются фотовоспроизведениями с издания С. Е. Малова, хотя на стр. 11 говорится, что «древнетюркские знаки для типографского воспроизведения изготовлены самим автором» (использовались они, по-видимому, лишь в первой части книги). Дело не в неточности указания, а в том, что типографские знаки рун не отражают индивидуальных палеографических особенностей памятников и в ряде случаев дают неверное представление о написании. Шрифт, изготовленный еще во времена В. В. Радлова, был применен С. Е. Маловым в учебных целях, каковые прежде всего и преследовались изданием его знаменитых книг. Ряд отсутствующих знаков был заменен близкими в фонетическом отношении. В современных научных (не учебных) изданиях, в тех случаях, когда невозможно привести факсимиле, достаточно ограничиться детализированной транслитерацией.

Описание грамматики и лексики памятников у Г. Айдарова слишком элементарно. Вводная часть и попытка классификации памятников поверхностны; здесь, а также в ряде переводов, повторяются мотивы из работ Г. Г. Мусабаева (самостоятельное изобретение тюрками рунического алфавита, «усуни» и т. п.). Что касается транскрипции и переводов текстов в книге Г. Айдарова, то они в основном совпадают с чтениями и переводами С. Е. Малова, то есть не учтено сделанное в этой области за последние два десятилетия, хотя в библиографии и приведен большой список литературы, в том числе и новейшей. То же немногое, что автор предлагает от себя, вызывает возражения. Приведем примеры.

Следует отметить, что автор слишком вольно обращается с текстами памятников, совершенно произвольно переносит концы одних строк в начала других и наоборот. Так, например, слова, стоящие в тексте памятника Тоньюкука в начале строк 4—7, 10—13, перенесены автором в конец предшествующих строк, а слово из конца строки 13 перенесено в начало строки 14. На первый взгляд это представляется несущественным, ведь автор только «слегка подправляет» строки, стремясь придать законченность предложениям. Однако посмотрим, к чему это приводит. В памятнике Бильге-кагана (БК) текст строк 3—23 дословно совпадает с текстом строк 1—29 большой надписи памятника Кюль-тегину. С. Е. Малов при издании памятника БК опустил эти строки. Г. Айдаров, воспроизводя издание С. Е. Малова, тоже опускает эти строки, но оправдано ли это в данном случае? Конец первой строки БК Г. Айдаров переносит в начало 2-й, а конец 2-й уже в начало... 24-й! (поскольку строки 3—23 опущены). Г. Айдаров, хотя и оговаривает совпадение текстов памятников (стр. 24), но странным образом не учитывает этого, когда, несколько выше, резюмируя содержание памятника, пишет: «В тексте памятника рассказывается о том, что Бильге-каган (Могиян) воцарился после смерти своего отца (в действительности же после Гудулу почти четверть века царствовал Мочжо) [на самом же деле перед словами (в начале 2-й строки) о воцарении Бильге-кагана, то есть в конце 1-й строки — большая лагуна, обозначенная многоточием, чем Г. Айдаров по непонятным причинам пренебрегает. — И. К., Д. Н.]. Далее следует перечисление походов на тангутов, на Алты-Чуб и Согдак (Согд)» (стр. 22). Но далее в строках 3—23 (=КТ1-30) следует рассказ о многочисленных исторических событиях, в том числе и военных походах. Создается впечатление, что автор не вник в содержание памятника БК, что привело к столь очевидному казусу. Впрочем, неоправданная невнимательность Г. Айдарова к различным «деталлям» и «мелочам» привела к снижению общего филологического уровня его работы. Так, например, напечатанное у С. Е. Малова слово *sökşen* (БК₂₇) Г. Айдаров переносит в свою книгу в форме *sökşen*, хотя у С. Е. Малова подобное написание явилось следствием технической ошибки: следовало бы дать *sökşen* (i и n были приняты машинисткой или наборщиком за ш); в руническом же тексте у С. Е. Малова (и, конечно, у Г. Айдарова) набрано рунами правильно.

Еще один пример неприемлемости нововведений автора — прочтение словосочетания *türk siğ bodun* (памятник Тоньюкука).

Г. Айдаров предлагает читать второе слово как *esiğ* 'пленный' (< ар. أسير). Такое предложение идет вразрез с общепринятыми и, добавим, вполне обоснованными и согласующимися с данными истории представлениями об отсутствии в языке орхонских памятников арабских слов; к тому же оно неприемлемо и по соображениям грамматики. Переводя указанное словосочетание как «тюркский пленный народ», Г. Айдаров не замечает, что слово со значением «пленный» фактически определяет здесь понятие «тюркский народ» и лишь благодаря характерному для русского языка свободному порядку слов оказывается в «не своей» позиции. В. В. Радлов, хорошо чувствовавший строй тюркской речи, предупреждал о том, что недопустимо считать слово *siğ* адъективом к словосочетанию *türk bodun*. В принципе можно говорить о двух способах грамматической интерпретации данного сочетания приведенных трех

слов: 1) *siġ* является приложением к слову *türk*, причем второе слово (*siġ*) должно быть более общим понятием: например, «народ тюркок-кочевников» (значение «кочевников» мы берем здесь абсолютно произвольно, только для иллюстрации мысли); заметим при этом, что подобный перевод и принят в тюркологии без раскрытия конкретного значения слова *siġ*: «народ тюркок-сиров»; 2) *siġ* является приложением к слову *bodup* и должно иметь близкие к нему значения «народ», «племя» или «множество (людей)»; в «Древнетюркском словаре»⁷ собраны примеры таких парных сочетаний, ср.: *eġ bodup* 'народ', *qaġa bodup* 'народ' и др. Попытка второго толкования осталась не замеченной в тюркологии⁸. Правда, П. И. Балтин склоняется к первому толкованию, говоря об «определении к *bodup*, но апеллирует он к словосочетанию *къарачай къара халк* 'карачаевская беднота', в чем, собственно, и заключается рациональное зерно указанной статьи. Из соответствующих словарных статей «Древнетюркского словаря» становится теперь ясным, что в *qaġa bodup* и *qaġa halq* первое слово не является определенным ко второму и связано не с общетюркским словом *qaġa* 'черный', а с его омонимом *qaġa* 'масса, толпа'⁹. Именно *qaġaI* и *bodup* образуют единое понятие в парном словосочетании по типу приложения. Решение проблемы толкования *türk siġ bodup* заключается в поисках реального значения слова *siġ*. Хотя толкование П. И. Балтина в целом и неубедительно, однако заслуживает внимания попытка автора использовать малоизвестный караево-балкарский материал и подойти ко всей проблеме с текстологической точки зрения. Чтение же Г. Айдарова текстологически необосновано и, кроме того, содержит две грубые ошибки: грамматическую (определение к понятию из двух слов, помещенное между этими словами) и историко-лингвистическую (арабизм в орхонском тексте).

Ничто не может оправдать невнимания исследователя древних текстов к новым публикациям, достижениям отечественной и зарубежной рунологии. То, к чему это приводит, покажем лишь на одном, но весьма показательном примере.

В третьей строке памятника Тоньюкука одно из мест со времен В. Томсена читалось: *tāŋġi ölitmis äġinč* 'Небо убило'. Однако, как мы теперь знаем, глагол *öl-* не образует каузатива с *-t* ни в одном памятнике или живом языке. Г. И. Рамstedt, по-видимому, чувствующий это, прочитал здесь *ülätmiš* 'разделило', что не совсем понятно в тексте, да и, вероятно, неудачно с точки зрения правил графической передачи. Только недавно Р. Жиро предложил читать это место: *tāŋġi öġi tāmīs äġinč* 'Небо: «умри» — сказало'. Такое рамочное оформление прямой речи встречается еще два раза в тексте Тоньюкука: *qaġan jälü kör tāmīs* 'каган: «старайтесь скакать быстрее» — сказал' (26); *qaġanup bep äbgärü tūsäjin tädi* 'мой каган: «я пушусь-ка [в путь] к дому» — сказал' (30). Таким образом, здесь текстологически доказывается правомерность нового чтения; неудовлетворительность традиционного чтения по морфологическим показаниям оказывается таким образом преодоленной.

Обо всем этом у Г. Айдарова речи нет. Судя по всему, он не смог в должной мере использовать ни издания Р. Жиро и Г. И. Рамstedt, ни работу Д. Клосона по Онгинскому памятнику, ни многие другие исследования. Книга Г. Айдарова является переизданием соответствующих частей хрестоматий С. Е. Малова с повторением имеющихся там ошибок и даже, как это ни печально сознавать, привнесением новых. Но, если в свое время (1951 г.) книга С. Е. Малова сыграла выдающуюся роль, послужив толчком к началу большой работы по сравнительно-историческому изучению тюркских языков, то выход в свет книги Г. Айдарова является фактически шагом назад. Никакие соображения «учебного характера» (учить следует только на новом, передовом!) не могут оправдать очевидных слабостей и недостатков этой, претендующей на многое, работы.

Судьба всей тюркологии в значительной степени зависит от состояния разработки тюркских рунических памятников. Поэтому необходимо, чтобы любая работа в области рунологии получала принципиальную, требовательную и профессиональную критическую оценку. Тюркологам, очевидно, следовало бы обменяться на страницах «Советской тюркологии» мнениями о дальнейших путях развития рунологии.

И. В. Кормушин, Д. М. Насилов

⁷ Л., 1969.

⁸ См.: П. И. Балтин. К семантике древнетюркского *siġ*. — «Сборник трудов Карачаево-черкесского государственного педагогического института», вып. 3, 1960, стр. 303—309.

⁹ О семантическом обосновании см., например: И. В. Кормушин. Лексико-семантическое развитие корня *qa в алтайских языках. — В сб.: «Тюркская лексикология и лексикография». М., 1971, стр. 16—17.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Н. А. Баскаков</i> (Москва). Различные структуры диалектных систем тюркских языков и характер изоглосс общетюркского атласа	3
<i>З. И. Будагова</i> (Баку). Эллиптические предложения в современном азербайджанском языке	10
<i>Г. К. Вернер</i> (Таганрог). Проблема происхождения фарингализации в тувинском и тофаларском языках	17

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

<i>Л. Ш. Арсланов</i> (Елабуга). О влиянии ногайского языка на татарские говоры Ставропольского края	25
<i>И. Бажина</i> (Фрунзе). К вопросу о киргизских заимствованиях в русском языке	32

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

<i>А. Х. Абдугафуров</i> (Ташкент). О «Рисолаи Хусайн Бойқаро»	46
--	----

ТОПОНИМИКА, ПАТРОНИМИКА

<i>Т. И. Тепляшина</i> (Москва). Из патронимии каринских татар	53
<i>А. Гусейнзаде</i> (Баку). К этимологии топонима Viläzägi	58

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

<i>Б. А. Серебренников</i> (Москва). К истории суффикса деноминативных глаголов -ла в тюркских языках	64
<i>Ч. Ю. Латыпов</i> (Уфа). О субъектно-предикативных связях между членами синтаксических структур с неличными формами глагола в английском и тюркских языках	69

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

<i>К. М. Любимов</i> (Москва). О числовом значении нулевой формы тюркских существительных	78
<i>Ж. К. Сыдыков</i> (Москва). Экспериментально-фонетическое исследование безударных гласных киргизского языка	84
<i>И. Н. Кобешавидзе</i> (Москва). Разграничение сфер глагольного словообразования и словоизменения в языке орхоно-енисейских надписей	91
<i>П. И. Кузнецов</i> (Москва). Об одном случае «неправильного» употребления винительного падежа в турецком языке	96
<i>Ю. Джуманазаров</i> (Ургенч). Об изучении синтаксиса огузских говоров Средней Азии	98
<i>Р. С. Амиров</i> (Алма-Ата). О казахской разговорной речи	102
<i>М. Р. Федотов</i> (Чебоксары). К вопросу о древнечувашской письменности	108
<i>Т. А. Фарзалиев, И. И. Аббасов</i> (Баку). О развитии азербайджанской советской фольклористики	115

РЕЦЕНЗИИ

<i>Э. Н. Наджип</i> (Москва). <i>А. Н. Кононов</i> . История изучения тюркских языков в России	123
<i>И. Г. Добродомов</i> (Москва), <i>Т. М. Гарипов</i> (Уфа). Тюркская лексикология и лексикография	125
<i>А. Ходжиев, Д. Х. Базарова, Р. Данияров</i> (Ташкент). Словарь узбекских народных говоров	130

<i>С. И. Ибрагимов, С. К. Караев</i> (Ташкент). <i>С. Атаниязов</i> . Топонимический словарь Туркменистана	132
<i>Б. А. Сулейменова</i> (Алма-Ата). <i>Б. Абилясимов</i> . Язык первых казахских газет	134
<i>Х. Курбатов</i> (Казань). «Вопросы татарского языкознания»	136
<i>К. Мамедов</i> (Баку). <i>М. Г. Тахмасиб</i> . Азербайджанские народные дастаны	137

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

<i>И. В. Кормушин, Д. М. Насилов</i> (Ленинград). За научное, глубокое изучение древнетюркских памятников	138
---	-----

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

<i>N. A. Baskakov</i> (Moscow). Different structures of turkic dialect systems and the character of isoglottic lines of common-turkic atlas	3
<i>Z. I. Budagova</i> (Baku). Elyptical sentences in modern Azerbaijani	10
<i>G. K. Verner</i> (Taganrog). The origin of pharyngalization in Touvinian and Tophalar languages	1.

LANGUAGES IN CONTACT

<i>L. Sh. Arslanov</i> (Yelabuga). On the influence of the Nogay language on Tatar dialects of the Stavropol area	25
<i>I. Bazhina</i> (Frunze). Towards the problem of Kirghiz borrowings in Russian	32

PROBLEMS OF LITERARY CRITICS

<i>A. Kh. Abdugaphurov</i> (Tashkent). On «Risolai Husayn Boykaro»	46
--	----

TOPONYMICS; PATRONYMICS

<i>T. I. Teplyashina</i> (Moscow). Patronymics of Karin Tatars	53
<i>A. Guseynzade</i> (Baku). Towards etymology of toponym Biläzäri	58

DISCUSSIONS

<i>B. A. Şerebrennikov</i> (Moscow). Towards history of the suffix -la of denominative verbs in Turkic languages	6
<i>Ch. Y. Latypov</i> (Ufa). On subject-predicate relations between members of syntactical structures with verbals in English and Turkic languages	(

REPORTS, SURVEYS

<i>K. M. Lyubimov</i> (Moscow). On numerative meaning of zero form of Turkic nouns	78
<i>Zh. K. Sydykov</i> (Moscow). Experimental-phonetic research of unstressed vowels of the Kirghiz language	84
<i>I. N. Kobeshavidze</i> (Moscow). Delimitation of derivational and inflexional spheres of verb in the language of orkhono-enisey inscriptions	91
<i>P. I. Kuznetsov</i> (Moscow). A case of «wrong» usage of the accusative in the Turk language	96
<i>Y. Jumanazarov</i> (Urgench). Study of syntax of Middle Asia oguz dialects	98
<i>R. S. Amirov</i> (Alma-Ata). On Kazakh colloquial speech	102
<i>M. R. Fedotov</i> (Cheboksary). Towards the problem of ancient Chuvash writing	108
<i>T. A. Farzaliyev, I. I. Abbasov</i> (Baku). On development of the Soviet Azerbaijani folk-lore science	115

REVIEWS

<i>E. N. Najip</i> (Moscow). <i>A. N. Kononov</i> . History of Turkic languages study in Russia	123
<i>I. G. Dobrodomov</i> (Moscow), <i>T. M. Garipov</i> (Ufa). Turkic lexicology and lexicography	125
<i>A. Khojiyev, D. Kh. Bazarova, R. Daniyarov</i> (Tashkent). Dictionary of Uzbek subdialects	130
<i>S. I. Ibragimov, S. K. Karayev</i> (Tashkent). <i>S. Ataniyazov</i> . Toponimical dictionary of Turkmenistan	132
<i>B. A. Suleymenova</i> (Alma-Ata). <i>B. Abilkhasimov</i> . Language of the first Kazakh newspapers	134
<i>Kh. Kurbatov</i> (Kazan). «Problems of Tatar linguistics»	136
<i>K. Mamedov</i> . (Baku). <i>M. G. Takhmasib</i> . Azerbaijani folk dastans	137

A LETTER TO THE EDITORIAL STAFF

<i>I. V. Kormushin, D. M. Nasilov</i> (Leningrad). For scientific, profound study of ancient Turkic inscriptions	139
--	-----